

У 374
215
вып I

КАВКАЗСКАЯ
КАЗАЧЬЯ БРИГАДА
ВЪ БОЛГАРИИ
1877-1878
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

U $\frac{374}{215}$



2022035524

fin
2059

925

У 374
215

КАВКАЗСКАЯ
КАЗАЧЬЯ БРИГАДА К —

ВЪ

БОЛГАРИИ

1877—1878

(ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ)

И. ТУТОЛМИНА.

[Вып. I]

20. 5. 98. 28

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, 12

1879

111



95887.45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ перехода границы до переправы.

I.

Составъ Кавказской Казачьей дивизіи.

Печатаая дневникъ военныхъ дѣйствій Кавказской казачьей бригады, я считаю уместнымъ предпослать ему нѣсколько словъ о составѣ ея и о тѣхъ событіяхъ, которыя передъ началомъ войны создали Кавказскую бригаду.

Для этого я долженъ начать свой рассказъ со времени прихода Кавказскихъ полковъ въ дѣйствующую армію.

Въ декабрѣ 1876 года прибыли въ Кишиневъ три конныхъ Кавказскихъ полка и двѣ роты пластуновъ *).

Полки эти были отъ Кубанскаго войска: 2-й конно-казачій Кубанскій полкъ подполковника Кухоренки изъ шести сотенъ.

Отъ Терскаго войска: Владикавказскій конно-казачій полкъ полковника Левиса, изъ четырехъ сотенъ, и Терско-Горскій полкъ полковника Панкратова, изъ четырехъ сотенъ.

Всѣ три полка существенно разнились другъ отъ друга по своему составу. Горскій полкъ весь былъ набранъ изъ охотниковъ двухъ соседнихъ горскихъ племенъ: ингушей и осетинъ. Въ зависимости отъ племеннаго различія и полкъ дѣлился на два дивизиона; первый составили осетины, второй ингуши. Въ противоположность казакамъ, каждый рядовой

*) Пластуны, т. е. пѣшее Кубанское казачье войско, во время войны были причислены къ 4-й стрѣлковой бригадѣ. Въ своемъ мѣстѣ о нихъ будетъ упомянуто, какъ о части, находившейся въ служебной связи съ Кавказскою бригадою.

этого полка назывался всадникомъ. Во всѣхъ отѣнкахъ этого полка проявлялось строго выдержанное военное щегольство; сухіе, кровные кони, исправныя сѣдла, нарядная сбруя, изящная отѣлка шапекъ и кинжаловъ выказывали ихъ любовь къ боевой обстановкѣ. Они отъ всей души откликнулись на призывъ боя и жаждали войны; но войны не было и кишиневское выжиданье обдало ихъ скукой. Двѣ, три праздныя головы взболтнули о родственныхъ связяхъ за Дунаемъ и тѣмъ подали поводъ къ какимъ-то осторожнымъ подозрѣніямъ.

Наступилъ наконецъ утомительный, однообразный походъ по Румыніи. Туго свыкались горцы съ непривычнымъ, но необходимымъ для ихъ-же блага строевымъ ходомъ. Отѣхать въ сторону, отстать, перескакать другъ друга—было потребностью веселой кучки молодцовъ. Никто изъ нихъ не сознавалъ, что въ этомъ удалствѣ заключалось сѣмя сплетень и раздоровъ, кончившихся тѣмъ, что въ Бухарестѣ ихъ обвинили въ грабежѣ и буйствѣ. Хотя произведенное по этому поводу слѣдствіе не обнаружило ни грабежа, ни буйства, но уже было поздно; изъ Бухареста полетѣла телеграмма въ главную квартиру о безпорядкахъ Горскаго полка—и поднялась тревога. Разказы по слухамъ росли до чудовищныхъ размѣровъ и выросли до вымысла, что Горскій полкъ по одиночкѣ возвращается на Кавказъ и не желаетъ драться съ турками. А тутъ, какъ нарочно, наши отношенія къ Румыніи были какія-то особенныя—не то мы были друзьями, не то на насъ смотрѣли съ выраженіемъ: «кто васъ звалъ сюда?» Поэтому-то и необходимо было соблюдать строжайшій порядокъ, во избѣжаніе недоразумѣній и дѣйствительныхъ безпорядковъ. Но порядокъ военного похода не дается безъ навыка или прочной подготовки въ мирное время. Какъ бы то ни было, но преувеличенные разказы о безпорядкахъ въ Бухарестѣ дали поводъ припомнить единичныя, зимнія дисциплинарныя проступки не получившія въ то время огласки и поконченныя домашнимъ взысканіемъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ приключеній, рѣшено было, до поры до времени, выдержать весь полкъ въ Одессѣ. Затѣмъ, какъ увидимъ ниже, это наказаніе было смягчено: осетины остались съ нами, а ингуши, гораздо позднѣе, но тоже приняли видное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Судьба не связала меня съ ингушами, но осетины, въ головѣ Кавказской бригады, первыми вступили въ бой за Дунаемъ, и если имъ приходилось бывать послѣдними, то только при отступленіи.

2) Владикавказскій полкъ, передъ отправленіемъ въ Дунайскую армію, находился на дѣйствительной службѣ Терскаго войска. Поэтому, въ немъ все было въ порядкѣ, все было доброкачественно. Призванный на очередную службу мирнаго времени, онъ не былъ собранъ въ торопяхъ и

все въ немъ было осмотрѣно заблаговременно; рядовые казаки сжились между собою, офицеры сплотились; тамъ все было общее, ровное. Составъ людей, привычки ихъ, молодечество, опрятность, знаніе службы—все было одинаково. Короче сказать, это былъ полкъ въ полномъ смыслѣ слова.

Нѣсколько иное представлялъ 2-й конно-казачій Кубанскій полкъ. Онъ былъ льготнымъ полкомъ, т. е. былъ призванъ на службу по случаю военнаго времени. Поэтому, въ его составъ вошли какъ старослуживые казаки, отбывшіе свою дѣйствительную службу по мирному времени, такъ и молодой народъ новаго призыва. Мнѣ говорили, что они были собраны въ двѣ недѣли, и тотчасъ выступили въ походъ. Слѣдовательно, полкъ вышелъ въ поле какъ бы по тревогѣ, и слѣды этой поспѣшности отражались на составѣ Кубанскаго полка въ первое время похода. Старослуживые, бывалые, казаки явились молодцами; юноши не имѣли подготовки. Имъ подъ пулями пришлось учиться обиходу военно-казачьяго быта. Между ними попадались такіе, которые никогда въ рукахъ и ружья не держали, никогда и коня не сѣдали. А тутъ тяжелые вьюки, снаровка въ укладкѣ вещей; не втянутые, въ торопяхъ купленные кони, далекая пріемка фуража послѣ тяжелаго перехода, утомляли молодого казачка. Но за то, когда онъ окрѣпъ въ тревожномъ бытѣ, обстрѣлялся, тогда казался въ немъ казакъ, — и любо было глядѣть на этихъ юныхъ молодцовъ. Откуда взялась осанка, пылъ и боевое щегольство, хотя они ходили ужъ въ оборванныхъ, прострѣленныхъ черкескахъ. Но не мало времени прошло съ начала похода и до этихъ дней; не мало было приложено общихъ трудовъ, испытано огорченій, ущемленій самолюбія, пока все это созрѣло и какъ будто бы сплотилось; а въ Кубанскомъ полку цѣлая сотня имѣли свой особенный составъ. Такъ, въ него входили малороссы, сыны Черноморскаго казачьяго войска, и цѣлая сотня ихъ имѣла свой особый видъ. Молчаливый малороссъ служилъ не торопясь, но прочно, и всѣ работы этой сотни были рѣшительны и хладнокровны. Была и сотня старовѣровъ... Довольство, смѣтка, боевая обстановка, били въ глазъ избыткомъ старовѣра. Каждый изъ нихъ обличалъ въ себѣ предпримчиваго, толковаго домохозяина; а потому и служба этой сотни пошла на себѣ отпечатокъ покойно-разумный, хотя работа горѣла. Прочія сотни были богаты, какъ отдѣльными молодцами, такъ и людьми, далеко не выдающимися; въ нихъ все зависѣло отъ времени и командира; время же было коротко, сравнительно съ желаемымъ успѣхомъ.

Приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи, отъ 7-го января 1877 года, всѣ три Кавказскіе полка съ Донскою казачьею № 1 батареею *),

*) Командиръ батареи войсковой старшина Костинъ.

переформированною въ конно-горную, предписано было: «Оставивъ въ вѣдѣніи походнаго атамана нерегулярныхъ войскъ арміи, временно соединить въ особую дивизію, которой присвоить названіе Кавказской казачьей дивизіи».

Командованіе этою дивизіею возложено на состоявшаго при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ, генераль-лейтенанта Скобелева 1-го. Исправляющимъ должность начальника штаба назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ. Исправляющимъ должность старшаго адъютанта лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка штабсъ-ротмистръ Лукашевъ.

Но полковникъ Паренсовъ вскорѣ былъ отправленъ по дѣламъ службы въ Бухарестъ и генеральнаго штаба капитанъ Сахаровъ исправлялъ его должность вплоть до переправы черезъ Дунай. Затѣмъ, приказомъ отъ 25-го января 1877 года по войскамъ дѣйствующей арміи предписано: «для приданія большей самостоятельности вновь сформированной Кавказской казачьей дивизіи, присоединить къ ней Донской казачій № 30 полкъ и полкамъ этой дивизіи образовать двѣ бригады. Кубанскому и Донскому № 30 полкамъ составить первую бригаду. Владикавказскому и Терско-Горскому вторую бригаду. Донской казачьей № 1 батареѣ быть въ непосредственномъ вѣдѣніи командующаго дивизіей; начальнику артиллеріи сформировать для нее конно-артиллерійское парковое отдѣленіе изъ 8-го артиллерійскаго парка, назначивъ въ него наиболѣе легкія, неформенныя повозки».

Въ такомъ составѣ Кавказская казачья дивизія оставалась до первыхъ чиселъ апрѣля 1877 года, то есть, почти вплоть до объявленія войны. Въ это время генераль-лейтенантъ Скобелевъ 1-й ходатайствовалъ о назначеніи командировъ бригадъ во ввѣренную ему Кавказскую казачью дивизію, и къ нему были назначены состоявшіе въ распоряженіи Великаго Князя Главнокомандующаго:

Полковникъ Тутолминъ начальникомъ 1-й бригады; полковникъ Вульфертъ начальникомъ 2-й бригады.

Не будетъ лишнимъ сказать здѣсь по этому поводу нѣсколько словъ, уясняющихъ мое назначеніе. Находясь въ должности состоящаго по порученіямъ при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ, слѣдовательно въ числѣ лицъ, посылаемыхъ по дѣламъ службы, я въ это время былъ въ командировкѣ изъ Кишинева. 5-го апрѣля я вернулся и мыѣ объявили о моемъ назначеніи начальникомъ 1-й бригады Кавказской казачьей дивизіи. Отправляясь въ походъ, я позволялъ себѣ думать, что буду назначенъ въ какую нибудь кавалерійскую часть и, признаюсь, былъ бы далеко не прочь принять армейскій кавалерійскій полкъ.

Получить-же Кавказскую бригаду не только не входило въ мои ожиданія, но когда мнѣ объ этомъ сказали, я скорѣе испугался, чѣмъ обрадовался. Мое собственное самолюбіе говорило мнѣ, что я буду въ этомъ мірѣ чужой, что я самъ буду неукомъ во всемъ, что касается бытовой стороны казаковъ. Но, освоившись съ тѣмъ, что уже случилось, не скажу, чтобы это назначеніе было для меня непріятно. Много представлялось соблазну поступить въ кавказскіе ряды и ободренный знакомыми мнѣ казаками, я явился къ походному атаману *). Въ ласковой, поучительной бесѣдѣ я получилъ уроки изъ опыта сѣдаго, боевого казака, отправлявшаго своего новаго подчиненнаго съ строгимъ наставленіемъ и совѣтомъ. Разумѣется, его приказанія были для меня заповѣдью. Съ ними я явился къ казакамъ, ими руководствовался въ походѣ и считаю себя обязаннымъ сказать, что все, способствовавшее скорѣйшему развитію молодого казака, я требовалъ по его наставленію. Приемы и указанія, имъ данныя, были главною основою ихъ успѣха.

Въ полдень 10-го апрѣля я выѣхалъ въ штабъ Кавказской казачьей дивизіи, расположенный въ Чимишлии, верстъ на шестьдесятъ къ югу отъ Кишинева. Въ это время уже чувствовалось, что не сегодня, завтра будетъ объявлена война. Дѣятельность была лихорадочная; предписанія, приказанія разсылались безпрестанно и золото, вѣрный предвѣстникъ ея, въ первый разъ было отправлено въ полки.

По пути со мною долженъ былъ отправиться къ начальнику Кавказской дивизіи адъютантъ Его Высочества Главнокомандующаго штабъ-ротмистръ Дерфельденъ. Онъ имѣлъ секретное служебное порученіе къ генералъ-лейтенанту Скобелеву 1-му и ему-же было поручено доставить золото на покупку продовольственныхъ припасовъ въ дивизіи. Мы отправились вмѣстѣ. На первомъ же перегонѣ отъ Кишинева намъ предстало явленіе, послѣдствія котораго не мало вліяли на своевременность прибытія интендантскихъ транспортовъ. Мы нагнали небольшой транспортъ, имѣвшій срочное назначеніе, которое онъ не могъ выполнить, потому что грязь была по ступицу и прислуга утопала въ ней по колѣно. День былъ холодный, сырой и люди въ рубашкахъ, съ голыми ногами, выбивались изъ силъ, но лошади не везли. Изъ заднихъ повозокъ выпрягали ихъ къ переднимъ, изъ троекъ устранивали шестерки, а все толку было мало. Липкая, тягучая грязь громаднымъ слоемъ налегла на колеса,—и повозки ни съ мѣста. Транспортъ растянулся верстъ на восемь. Въ этомъ же родѣ было и наше путешествіе. Долго мы ѣхали, а все Чимишлия была далеко. Но вотъ до нея осталось верстъ шесть и уже тем-

*) Генералъ-лейтенанту Фомину.

ною ночью мы тащились глухою, однообразною степью. Ни звѣздочки на небѣ, ни дерева въ полѣ, только грязь да хлябь плескались въ телѣгу. Мы ѣхали уныло, и вотъ какъ бы для развлеченія сломалась ось; колесо отлетѣло и повозку пришлось бросить. Слава Богу, что съ нами не было громоздкихъ вещей и мы ѣхали на тройкѣ; каждому изъ насъ, включая ямщика, досталось по лошади; но усталые, измученные онѣ еле тащились, скользили и мы пошли пѣшкомъ, мѣняясь цѣнною своею ношей. Наконецъ вдали мелькнулъ огонекъ и въ степи раздался топотъ. Мы прислушались, и по звуку можно было признать топотъ казачьего коня. «Кто ѣдетъ?» окликнули мы громко и услышали въ отвѣтъ: «За вашимъ высокоблагородіемъ, держите прямо; ерикъ разлился; по сторонамъ не проѣхать». Мы подошли на голосъ и очутились не то у рѣки, не то у ручья; но вода бѣжала широко и быстро. По счастью, вѣтромъ распахнуло облако, мелькнула луна и видно было, что по ту сторону ерика стоялъ казакъ. Освѣщенный луною, онъ былъ дивно хорошъ въ эту минуту въ своемъ кавказско-казачьемъ парадѣ. То былъ Кубанскаго полка урядникъ Бресткинъ. Насъ ожидали въ этотъ день, и не дождавшись до ночи, подполковникъ Кухаренко выслалъ намъ на встрѣчу казакъ. Благодатью показалось намъ это вниманіе.

Пройдя версты три пѣшкомъ по глубокой грязи, мы утомились ношей и ради шутки сказали: «не легко ты достоешься Кавказская бригада»; и что-же, казаки же и выручили!

Не долго мы разговаривали съ Бресткинымъ. Онъ кликнулъ товарищей, явились кони, и мы вступили въ Чимшилю, прямо къ началу Кавказской Казачьей дивизіи.

Радужный хозяинъ поджидалъ насъ и тутъ же за тарелкою теплыхъ щей, показавшихся намъ вкуснѣйшими изъ вкусныхъ, мнѣ была объявлена причина и цѣль моего назначенія. Въ этотъ вечеръ такъ было хорошо въ теплой хатѣ нашего хозяина, что я позволилъ себѣ подумать: если судьба назначила меня начальникомъ казачьей бригады, зачѣмъ она не устроила этого раньше? Три, четыре мѣсяца, проведенныхъ съ ними до похода, быть можетъ сблизили бы насъ больше и многое удалось бы предупредить изъ того, что было и чему быть не слѣдовало. Но все, что было, то прошло и прошло благополучно. И такъ, тепло и хорошо было въ хатѣ старика, какъ мы въ шутку называли командира, и мы заснули въ ожиданіи денешнѣ съ безповоротнымъ рѣшеніемъ: войны или мира.

11-е число прошло въ приготовленіяхъ къ походу; и только позднюю ночью телеграмма сообщила приказаніе Кавказской Казачьей дивизіи выступить на Леово. Война была объявлена. Выступление назначено въ восемь часовъ утра.

II.

Походъ до Журжи.

12-го Апрѣля 1877 года.

Въ восемь часовъ утра Кубанскій полкъ выстроился передъ мѣстною церковью и напутственный молебенъ былъ благословеніемъ въ походъ. Сердечная молитва отразилась на задумчивыхъ лицахъ казаковъ, перекрестились они и выступили. 2-я бригада выступала завтра, начальникъ дивизіи находился при первой бригадѣ. День былъ хорошій, пѣсенники впереди—идти было весело. На пути, должны были присоединиться къ Кубанскому полку: 30-й Донской полкъ съ 1-ю Конно-Горною батареей и въ общемъ составѣ бригады перейти границу *). Гдѣ же граница? Почему то подъ границей воображалась какая-нибудь застава, казенный мостъ, или что нибудь такое, что ясно говорило бы: тамъ чужое, а здѣсь свое. Но ничего такого не было. Мы увидѣли одиночный соломенный навѣсъ для часового, канавку съ топкими краями, обыкновенный полевой дорожный мостикъ и передъ нимъ офицеръ пограничной стражи. Намъ сказали, что здѣсь граница, и въ часъ шесть минутъ пополудни, мы перешагнули черезъ границу. Она имѣла видъ чего-то недоконченнаго, временнаго и какъ-будто потому только, что намъ сказали: здѣсь граница, мы повѣрили на слово и перешли; казаки повернулись лицомъ къ родимой сторонѣ, поклонились ей и многіе изъ нихъ набожно завязали въ узелокъ по горсточкѣ родной земли *), а хоръ трубачей 30-го Донскаго полка, огласилъ Молдавію звуками «Боже Царя храни». Въ шесть часовъ вечера мы прибыли въ Леово и стали на лѣвомъ берегу Прута. «Вотъ гдѣ русская граница», подсказало сердце. Кагуль, Исакча, Измаиль стоятъ тутъ маяками грани русской, и намъ казалось, что завтра мы перейдемъ нашу настоящую границу. Но вышло далеко не такъ, какъ мы рассчитывали. Въ Леовѣ не былъ еще оконченъ мостъ, безъ котораго невозможно перейти на правый берегъ Прута и намъ пришлось дожидаться его окончанія.

*) При Кавказской дивизіи долженъ былъ слѣдовать до Журжева прѣхавшій со мною штабъ-ротмистръ Дерфельденъ. Обязанность его была доложить о подробностяхъ похода и обо всемъ, о чемъ начальникъ дивизіи найдетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія. Адьютанты Великаго Князя Главнокомандующаго находились съ этою цѣлью при каждой изъ трехъ колоннъ, наступавшихъ по Румыніи.

*) По обычаю лежать подъ своей землей, если суждено будетъ умереть на чужой сторонѣ.

13-го и 14-го Апрѣля.

Вчера былъ теплый весенній день, сегодня пасмурный великороссійскій ноябрь. Дождь, холодъ чрезвычайный. Въ составныхъ, маленькихъ, крышеобразныхъ палаткахъ *) можно только лежать, а почва подъ ними растворилась. Встать на ноги въ нихъ нельзя, бока ихъ промокли; Богъ знаетъ, лучше-ли съ ними, чѣмъ безъ нихъ. Въ такую непогоду лучше походъ, чѣмъ стоянка; но мостъ будетъ готовъ только завтра; вода прибываетъ на Прутѣ, берега его затопило и они обратились въ невылазное болото. Одиночные всадники вязнуть по брюхо. 5-й саперный батальонъ уже нѣсколько дней не выходитъ изъ воды, работая въ ней по поясъ. Наступило завтра; тотъ же холодъ, дождь и снѣгъ, хворость не горитъ; а переправа оказывается не будетъ готова ни завтра, ни послѣ завтра, потому что надо устраивать гать. Между тѣмъ мы должны держать связь съ сосѣдними колоннами и быть съ ними на одной высотѣ. Лѣвѣ насъ на Галацъ, шель 11-й корпусъ, 12-й корпусъ правѣ, на Бухарестъ; мы составляли голову 8-го корпуса и не знали, тронулись ли наши сосѣди, или также остановились, какъ и мы; нужно было торопиться, поэтому сдѣланы рекогносцировки, наведены справки и мы узнали, что въ Фальчи есть переправа на паромѣ. Начальникъ дивизіи, донеся о встрѣтившейся задержкѣ, просилъ позволенія переправиться въ Фальчи и получилъ на это разрѣшеніе изъ штаба Дѣйствующей арміи. Поэтому, завтра 15-го апрѣля, бригада должна выступить въ Фальчи. Переходъ въ двадцать верстъ требовалъ трехъ часовъ времени, но въ расчетѣ на задержку при переправѣ на паромѣ и въ бродъ черезъ рѣчку Серата, что на пути къ Фальчи, выступленіе назначено: Кубанскому полку въ пять часовъ утра, № 30-му Донскому съ Горною батареей въ десять часовъ утра.

15-го Апрѣля.

Переходъ въ Фальчи.

Кубанскій полкъ выступилъ въ назначенный часъ; но замѣшкавшись на переправѣ черезъ Серату, а потомъ переговорами съ евреемъ паромщикомъ въ Фальчи, согласившимся на перевозъ не иначе, какъ за плату, онъ могъ начать переправу только въ два часа пополудни. Но канатъ

*) Въ Болгаріи при частыхъ тревогахъ палатки эти уничтожились сами собою. Колышки терялись и представляли не мало хлопотъ при внезапномъ подъемѣ. Я помню одинъ изъ дней, когда полкъ выступилъ по тревогѣ и стоянка его была усѣяна колышками. Это было среди бѣлаго дня 20-го іюля въ Порадишѣ.

на паромѣ былъ ненадежный и пришлось взять другой на прокатъ, (на баркѣ, случайно находившейся въ Фальчи) за шесть турецкихъ лиръ *). Паромщику мы обязаны были заплатить сколько помнится, по двѣ съ половиною или по три съ половиною коп. съ лошади. Странно было сознавать, что приходится платить за войсковую переправу; но въ Фальчи и въ Леовѣ румынскія власти не знали, по какому праву и зачѣмъ мы вступаемъ въ городъ. Поэтому то, подполковникъ Кухоренко и рѣшился принять предложенныя условія, ибо въ противномъ случаѣ переправа не могла состояться. Кубанскій полкъ и батарея въ этотъ же день ночевали въ Фальчи; но такъ какъ переправа ихъ кончилась только въ одиннадцать часовъ ночи, то 30-й полкъ остался на лѣвомъ берегу Прута. Эти торговые приключенія были неприятны, но онѣ насъ не задерживали; суть же затрудненій нашего похода заключалась въ переправахъ въ бродъ и обходахъ такихъ мѣстъ, которые на много верстъ растворились въ топь. Такъ напримѣръ, показанная на картѣ рѣчка Серата, въ обыкновенную воду есть ничто иное, какъ изрядная, удобопроходимая канава. Три дня тому назадъ, она была такого свойства. При переправѣ Кубанскаго полка, она не представила особенныхъ затрудненій; но ко времени прибытія къ ней № 30-го Донскаго полка, она обратилась уже въ быструю глубокую рѣку.

Кони всплывали; повозки вязли и казаки, раздѣтые до нага, вытаскивали ихъ изъ топи. Одна рубашка, да казачья шапка, какъ будто прикрывали и согрѣвали ихъ продрогнувшее тѣло. Снаряды приходилось вынимать изъ ящичковъ и перевозить въ рукахъ, пока наконецъ не удалось отыскать твердую жилу поперекъ Сераты, и Конно-Горная батарея перешла на другой берегъ. Итакъ, на двадцати верстный переходъ было употреблено восемнадцать часовъ времени, и не разъ еще они были въ этомъ родѣ отъ Леова до Бухареста. Вліяніе этихъ затрудненій было чрезвычайное. Богъ миловалъ отъ болѣзней, но утомленіе людей и лошадей было замѣтное. Намокшіе уборы и выюки не имѣли времени просохнуть; спины лошадей подпрѣвали, возимый на сѣдлахъ запасъ фуража увеличивалъ и безъ того тяжелый грузъ и конскія спины побились; ссадины были ужасныя. Бывалые и исправные казаки предупреждали бѣду; но молодежь платилась невольно, потому что не была знакома съ выючною пригонкой. Количество побитыхъ лошадей было громадное, и я значительно уменьшу его цифру, если скажу, что ко времени прихода на Дунай круглымъ счетомъ приходилось по тридцати лошадей на сотню.

*) Турецкая лира=5 р. 62 к. по нарицательной стоимости.

16-го Апрѣля.

Переходъ въ Вадени.

Управившись съ паромомъ, 1-я бригада Кавказской дивизіи двинулась внизъ по Пруту въ мѣстечко Вадени. Но и выступленіе изъ Фальчи не обошлось безъ своеобразныхъ приключеній. Причитающіяся за переправу деньги, должны были быть выданы изъ суммъ штаба дивизіи и паромщику предложили подписать разсчетный листъ, по числу людей и лошадей дивизіи. Но каково же было удивленіе, когда паромщикъ отказался отъ денегъ, не признавая вѣрности показаннаго числа людей и лошадей. Онъ увѣрялъ, что, по его личному счету, Кавказская дивизія превышаетъ 10 тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности же, со всѣми повозками, она не доходила и до трехъ тысячъ человѣкъ. Никакія списочныя вѣдомости его не удовлетворяли и онъ стоялъ на своемъ. Для прекращенія пререканій деньги были отправлены къ мѣру; но мѣръ отказался принять ихъ, считая себя не вправѣ вмѣшиваться въ частное, торговое дѣло. Оставалось одно средство: телеграфировать въ штабъ арміи и выступить въ Вадени, не уплативъ за переправу. Такъ и сдѣлали. Впослѣдствіи мы слышали, что румынское правительство увѣдомило мѣстныя власти о данномъ разрѣшеніи на вступленіе нашихъ войскъ въ Румынію и предписало не взимать платы за переправы. Вслѣдствіе этого паромщику деньги не были уплочены и Кавказская дивизія заплатилась только шестью лирами за канатъ. Выступивъ изъ Фальчи въ Вадени, мы, вмѣсто назначенныхъ по маршруту двадцати пяти верстъ, сдѣлали сорокъ предпочтатая крупный обходъ топкимъ, медленнымъ переправамъ въ бродъ и прибыли на ночлегъ въ одиннадцать часовъ ночи.

17-го Апрѣля.

Переходъ въ Ованчу.

Съ выступленіемъ изъ Фальчи наступила прелестная теплая весна: легкій воздухъ, молодые, пахучіе листья оживляли переходъ, и весело мы подошли къ Кагулу, который красиво вздымался на крутомъ лѣвомъ берегу Прута. Нашъ ночлегъ пришелся противъ Кагула, на правомъ берегу Прута.

Едва мы заняли бивуакъ, какъ насъ окружили смышленные русскія лица. Длинные бороды, косые вороты на рубашкахъ, волосы въ скобку, какъ бы перенесли насъ во Владиміръ, Шую, Ярославль. То были старообрядцы; всѣ они были изъ подъ Кагула и жили еще въ немъ, когда

онъ былъ русскимъ городомъ. Прослышавъ о нашемъ приходѣ, они пришли поглядѣть на «своихъ» и, конечно, старовѣрческая сотня особенно пришлась имъ по душѣ. Она въ свою очередь была довольна этою встрѣчей и первымъ дѣломъ казаковъ была просьба «помолиться на Кагулѣ». Разумѣется, казаки получили разрѣшеніе и не оказалось человѣка, который опоздалъ бы къ сроку, назначенному для его возвращенія.

18-го Апрѣля.

Переходъ въ мѣстечко Фрумашицы.

19-го Апрѣля.

Переходъ въ Галацъ.

Въ три часа пополудни мы вступили въ Галацъ, и простояли по 23-е апрѣля, остановленные депешей командира 8-го корпуса, генерала Радецкого. Сколько помнится, то причина нашей остановки заключалась въ задержкѣ 8-го корпуса на переправѣ черезъ Прутъ. Въ Галацъ мы узнали первыя военныя новости того времени, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя заключались въ благополучномъ занятіи Барбошскаго моста; турки не обратили на него вниманія и мостъ былъ занятъ отрядомъ адъютанта Его Высочества полковника Струкова; онъ быстро подошелъ къ Барбошу съ Донскимъ казачьимъ полкомъ, сдѣлавъ до ста верстъ въ сутки, и затѣмъ *), во время подоспѣвшая пѣхота обезпечила узелъ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ въ русскихъ рукахъ. Въ Галацѣ пришлось намъ услышать первые турецкіе выстрѣлы.

Турецкій пароходъ пытался прорваться у Рени; но встрѣченный тамъ нашими батареями обмѣнялся выстрѣлами и повернулъ обратно. Пребываніе въ Галацѣ дало намъ новую жизнь. Мы увидѣли Дунай и стали лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Но дни, проведенные въ Галацѣ Кавказскою дивизіей, имѣли для нея и частное значеніе, пустившее въ нее со временемъ хорошіе глубокіе корни. Здѣсь была положена завязка ея будущихъ отношеній къ генералъ-маіору Скобелеву 2-му, назначенному, какъ увидимъ ниже, начальникомъ штаба нашего Журжевскаго отряда. Въ частномъ разговорѣ было сообщено отцу о возможности назначить въ его распоряженіе сына. Въ это время мы направлялись въ Журжу. Тамъ на первое время долженъ былъ собраться значительный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и молодой генералъ Скобелевъ могъ стать въ томъ положеніи, какового онъ всегда желалъ, т. е. быть какъ можно ближе къ

*) Голова лѣвой колонны, т. е. 11-го корпуса князя Шаховскаго.

туркамъ. Назначеніе сына къ отцу являлось единственнымъ затрудненіемъ; близкое родство двухъ главныхъ лицъ отряда могло вызвать толки и пересуды; но нужно было дѣло, нужны были люди. Генераль Скобелевъ 2-й только что пріѣхалъ въ распоряженіе Главнокомандующаго, открывалось нигдѣ не занятое мѣсто, конечно скромное, но не мало значившее въ то время, и генераль-лейтенантъ Скобелевъ 1-й просилъ въ письмѣ изъ Галаца назначить къ нему генераль-майора Скобелева 2-го. Я внесъ эту быть можетъ не относящуюся къ дѣлу замѣтку, какъ нѣкоторое поясненіе къ различнымъ слухамъ, распространеннымъ между прочими по поводу минувшей войны.

22-го Апрѣля.

Вечеромъ получено было у насъ приказаніе выступить далѣе по маршруту.

23-го Апрѣля.

Переходъ въ Браиловъ.

Выступивъ рано утромъ на двадцати двухверстный переходъ мы думали засвѣтло добраться до Браилова, но задержанные на переправѣ черезъ Сереть, въ двѣнадцати верстахъ отъ Галаца, употребили двое сутокъ на переходъ до Браилова.

Переправа черезъ не широкій, но въ это время быстрый и глубокій Сереть происходила на паромѣ, на которомъ можно было поставить не болѣе шестнадцати лошадей. Мы подошли къ нему въ девять часовъ утра, и 30-й Донской полкъ тотчасъ-же началъ переправу, окончившуюся только къ вечеру. Конная горная батарея и Кубанскій полкъ съ обозомъ должны были переправиться рано утромъ.

24-го Апрѣля.

Чуть занялась зорька, возобновилась и переправа. Донской полкъ ушелъ въ Браиловъ, Кубанцы и конно-горная батарея могли выступить только въ пять часовъ пополудни и прибыли въ девять часовъ вечера. Донской полкъ стоялъ уже на бивуакѣ и въ этотъ день получилъ первую турецкую гранату, упавшую прямо въ коновязи. Но никто не былъ убитъ и раненъ.

Выступивъ изъ Браилова 25-го, мы продолжали свое движеніе на Муфти, станціонный домикъ, одиноко стоявшій въ полѣ, замѣчательный по отсутствію воды въблизи бивуака. 26-го прибыли въ Филиппешти, 27-го имѣли здѣсь дневку; 28-го переходъ въ Цугуяту.

29-го Апрѣля.

Переходъ въ Метелеу.

Не скажу, чтобы походъ нашъ обходился и безъ смѣшныхъ приключеній, происходившихъ преимущественно отъ общаго настроенія мѣстнаго населенія. Надо замѣтить, что со времени перехода границы, мы имѣли приказаніе слѣдовать со всеми военными предосторожностями; поэтому все предписанныя уставомъ способы охраненія выполнялись съ точностію. Не всегда это правилось; въ особенности послѣ какого либо тяжелаго перехода. А между тѣмъ слухи тревожили жителей разсказами, что черкесы и башки-бузуки переправились черезъ Дунай и хозяйничаютъ въ придунайской Румыніи *). 29-го апрѣля разыгралось и у насъ приключеніе, вызвавшее тревогу. Придя въ Метелеу, мы расположились бивуакомъ подлѣ селенія и выставили сторожевую цѣпь. Вдругъ ночью раздаются два-три выстрѣла вблизи отъ сторожевой цѣпи. Въ деревнѣ поднялась суматоха, жители перепугались, поднялся и бивуакъ. Въ сторожевой цѣпи слышали выстрѣлы подлѣ деревни, но ничего не замѣтили. Тѣмъ не менѣ послали разъѣзды, но и они ничего не отыскали. Одновременно съ разъѣздами осмотрѣли и деревню. Послѣ довольно продолжительныхъ розысковъ отыскали, наконецъ, запрятавшагося въ сараѣ перепуганнаго молодого торговца. Оказалось, что онъ остановился наканунѣ въ деревнѣ и торопился поспѣть куда-то съ товаромъ. Для выигрыша времени ему слѣдовало ѣхать ночью; но разсказы о башки-бузукахъ его пугали, и для того, чтобы, какъ говорилъ—«напугать разбойниковъ», онъ передъ выѣздомъ далъ три выстрѣла изъ револьвера. Испугавшись поднятой имъ тревоги онъ запрятался въ сараѣ, откуда его и вытащили.

30-го Апрѣля.

Переходъ въ Урзучени.

Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ дней похода. Чудная весенняя погода, случайная, хорошая обстановка въ чистенькомъ саду нашихъ хозяевъ и добрыя взаимныя отношенія вліяли на веселое расположеніе духа.

Въ этотъ день мы поджидали генерала Скобелева 2-го, ѣхавшаго къ намъ изъ Бухареста.

Такъ какъ походная обстановка генерала Скобелева 2-го слилась съ его именемъ, то я позволю себѣ сказать два слова о главныхъ ея при-

*) По этому поводу произошла крайне смѣшная случайность еще при выступленіи нашихъ войскъ изъ Волынской губерніи.

надлежностяхъ. Раньше появленія молодого генерала, къ намъ прибыли его бѣлые жеребцы. Лошади были породистыя, но обратили на себя вниманіе и тѣмъ, что всѣ онѣ бѣлой шерсти. Находившійся при нихъ знаменитый Нурбай *), впервые объяснилъ намъ, что на другихъ генералъ не любитъ ѣздить. И замѣчательно, что лошади другой шерсти дѣйствительно были ему, какъ говорится, не въ руку. Но болѣе лошадей, принадлежалъ генералу самъ Нурбай, хотя онъ навѣрное затруднился бы опредѣлить, кому онъ болѣе принадлежитъ—лошадямъ или хозяину ихъ. На генерала онъ нерѣдко сердился за лошадей, но на лошадей никогда. Генерала онъ любилъ внутренно, слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь, но въ лошадей онъ былъ влюбленъ страстно, онъ съ ними жилъ, какъ съ другомъ. Приземистый, сухой, проворный, онъ былъ красивъ своеобразно: въ широкихъ, расшитыхъ шелкомъ шароварахъ, красной курткѣ и непремѣнно въ тибетейкѣ. Другого головного убора онъ не признавалъ. Пѣшкомъ онъ чувствовалъ себя неловко, и ему какъ-бы мѣшали изогнутые, колесомъ его кривыя ноги. Но разъ въ сѣдлѣ — Нурбай перерождался. Щелка глазъ его блестѣла гордымъ сознаніемъ своего ловкаго наѣздничества, и онъ торжествовалъ; тогда съ головы до ногъ, онъ былъ парадный всадникъ.

Прибывъ къ намъ около полудня, генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й, черезъ нѣсколько дней, вступилъ въ отправленіе должности начальника штаба Журжевскаго отряда и оставался въ этой должности до переправы черезъ Дунай у Зимницы. Затѣмъ, отъ 12-го іюля по 30-е августа, онъ имѣлъ у себя въ отрядѣ Кавказскую бригаду, которая пережила съ нимъ немало трудныхъ дней. Строги подчасъ бывали требованія молодого Скобелева, но онъ былъ однимъ изъ первыхъ, вникнувшихъ въ трудную службу Кавказской бригады подъ Плевною и сумѣлъ выставить ее въ должномъ свѣтѣ.

1 и 2-го Мая.

Переходъ въ Синешты и дневка.

День своеобразно веселый; погода рай,—и шуткамъ нѣтъ конца. С. Я. К. вздумалъ отпраздновать вчерашнее 1-е мая, но отпраздновать его по своему. Ему вспомнилось 1-е мая, понинѣ, какъ кажется, проводимое на Кавказѣ въ весельи семейнаго круга и С. Я. вздумалъ его отпраздновать. Но отпраздновать его онъ хотѣлъ особенно и по своему

*) Молодой киргизъ, выѣхавшій изъ Ташкента съ генераль-маіоромъ Скобелевымъ 2-мъ и неразлучный съ нимъ въ дѣлахъ минувшей войны.

вкусу. Надо замѣтить, что когда К. бывалъ въ духѣ, то веселѣе его человѣка не было. Разсказамъ его придавала особую занимательность полная приключеній жизнь его въ молодости. Много испыталъ лишеній и огорченій, онъ и научился многому. Весь казачій обиходъ ему былъ извѣстенъ по личному опыту; онъ и уздечки вязалъ, онъ и ремни выдѣлывалъ, самъ онъ барана умѣлъ какъ-то особенно приготовить, самъ онъ и шашлыкъ жарилъ. И все это не мѣшало ему достойно занимать свое мѣсто; а потому-то, когда онъ бывалъ въ духѣ, то не было ему цѣны. Вотъ въ такомъ-то настроеніи духа былъ онъ, 2-го мая, и вздумалъ угостить на славу. Всѣ знали, что дѣло не обойдется безъ какой-нибудь шутки и дѣйствительно: соблазнъ долженъ былъ заключаться въ шашлыкѣ изъ молодого жеребенка.

Странно было въ первый разъ въ жизни приступать къ жареному жеребенку, хотя хозяинъ приглашалъ заманчиво; но не желающимъ этого лакомства былъ предложенъ бараній шашлыкъ. Горячій, сочный, онъ былъ вкусенъ. Не жеребенокъ-ли это? Какъ будто-бы не то; нѣтъ, говорить, жеребенокъ темнѣе, баранъ нѣжнѣе; за кускомъ пошелъ другой, а тамъ и объявили съ веселыми шутками, что темный и нѣжный оба были конина.

И много дней было веселыхъ.

3 и 4-го Мая.

Переходъ въ Плумбунту, пригородъ Бухареста и дневка.

Для сохраненія благочинія, въ Бухарестѣ, въ которомъ необходимо было сдѣлать разныя закупки, нижнихъ чиновъ дозволено было отпустить въ городъ, не иначе какъ строемъ. Впослѣдствіи многое перемѣнилось, но на первыхъ порахъ все было строго, во избѣжаніе неудобствъ со стороны румынъ. Поэтому только офицеры получили право поодиночкѣ ѣздить въ городъ.

Чистый, нарядный, веселый, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Не все еще русское сгинуло въ Бухарестѣ. Длинный, тѣнистый бульваръ Киселева роскошно разросся и составляетъ мѣсто лучшей городской прогулки. Старовѣры преобладаютъ на козлахъ наемныхъ колясокъ, и, ѣдучи съ ними, веселѣе смотришь на то, что стоило много денегъ Россіи.

Въ Бухарестѣ встрѣтилъ насъ полковникъ Паренсовъ, считавшійся, какъ сказано, начальникомъ штаба Кавказской дивизіи. Имѣя здѣсь особое порученіе, онъ не могъ еще вступить въ отправленіе своей должности, но доказалъ самымъ существеннымъ образомъ, что и здѣсь

онъ заботился о дивизіи, приготовивъ хорошаго проводника въ наше распоряженіе.

Только благодаря ему, я могъ нанять необходимаго для насъ хорошаго проводника-переводчика, который явился къ намъ въ Зимницѣ.

5-го Мая.

Утромъ, 5-го мая, въ день вознесенія, 1-я бригада Кавказской дивизіи выступила изъ подъ Бухареста въ мѣстечко Калугарени. Путь лежалъ черезъ Бухарестъ, но мы не имѣли права слѣдовать по его улицамъ. Насъ повели околицей. Генеральнаго штаба полковникъ Бобриковъ *) и румынскій комисаръ провожали насъ до выхода изъ города. Не знаю, на какомъ основаніи, но у насъ разнесся слухъ, что супруга принца Румынскаго выѣдетъ къ намъ на встрѣчу, при выходѣ изъ города. Приказано было пріодѣться, но съ вечера пошелъ дождь и всю ночь лилъ какъ изъ ведра.

Немощенные закоулки, по которымъ мы кружили, чтобы разстаться съ Бухарестомъ, обратились въ грязные потоки. Мѣстами и довольно часто вода стояла выше колѣнъ лошади. Красные бешметы были забрызганы, лошади облѣплены грязью. Выйдя за городъ на прекрасное шоссе, на которомъ какъ будто-бы и не было дождя, мы узнали, что никакого смотра намъ не предполагалось; но двѣ-три кареты, въ щегольской валахской запряжкѣ, ожидали насъ на поворотѣ. Это было семейство князя Гики, выѣхавшаго посмотреть на Кавказскихъ казаковъ и пожелать имъ счастливаго пути. Молодой князь Гика былъ въ восторгѣ отъ Кубанцевъ. Познакомившись наканунѣ съ нѣсколькими офицерами, онъ расположился къ себѣ привѣтливостью и изысканнымъ вниманіемъ. Позднѣе, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, судьба столкнула его опять съ Кавказскою бригадой. Въ то время онъ служилъ уже охотникомъ въ молодецкой конно-артиллерійской батарее, находившейся въ бригадѣ Рошіоровъ *). Кавказская бригада была съ ними въ одной очереди на сторожевую службу и, вѣроятно, сохранила самое пріятное о нихъ воспоминаніе. Объ этомъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, здѣсь-же замѣчу, что князь Гика и на службѣ былъ столь-же любезнымъ товарищемъ-артиллеристомъ, какъ и привѣтливымъ представителемъ стариннаго господства.

*) Посланный изъ нашей главной квартиры, онъ находился при принцѣ Карлѣ, какъ военный представитель по различнаго рода переговорамъ.

*) Гвардейская конница румынъ.

Едва мы подошли къ Калугарени, какъ снова пошелъ дождь. Бивуакъ оказался на болотѣ, но лучшаго мѣста не было. Хотѣли порубить лѣсу для костровъ, но оказалось, что до него нельзя было и прикасаться, какъ къ частной собственности; вода стояла подъ ногами, вода была сверху: словомъ полное купанье; а вѣтеръ дулъ немилосердно, больно было глядѣть на казаковъ. Подлѣ бивуака стояло помѣстье зажиточнаго хозяина, и за отсутствіемъ его, насилу уговорили управляющаго продать соломы, и купили, казалось, не мало, но вся она потонула, а больше не продавали. Купили дровъ подъ костры, но пока дрова разгорались, бурка уже закутала казака и въ болотѣ. Шинели донцевъ не такъ были удобны, мало грѣли. А завтра опять будутъ мокрыя выюки, прибавятся набитыя спины.

Когда скучно кругомъ, то и самому не весело; мы заснули въ грустномъ настроеніи духа. Но вотъ ночью будятъ начальника дивизіи и передаютъ приказаніе: немедленно явиться въ Главную квартиру по дѣламъ службы. Зачѣмъ—неизвѣстно; но посланный сообщилъ на словахъ, что по слухамъ Терекско-Горскій полкъ бушевалъ въ Бухарестѣ; говорили, что они подрались, чуть-ли не рубились, не повиновались румынскимъ властямъ. Румынская полиція сообщила своимъ властямъ, ихъ власти сообщили нашимъ мѣстнымъ властямъ и не успѣли еще наши власти, съ болѣе крупнымъ румынскимъ комиссаромъ выѣхать на мѣсто преступленія, какъ полетѣла румынская телеграмма въ Главную квартиру. Поднялась полная тревога.

«Говорилъ, что надо уничтожить имъ дневку», сорвалось съ языка у генерала. Вторая бригада имѣла дневку въ Плумбунтѣ (т. е. въ Бухарестѣ). Нѣкоторымъ облегченіемъ въ этомъ неожиданномъ безпокойствѣ было успокоеніе, присланное полковникомъ Бобриковымъ. Узнавъ о вызовѣ генерала въ Главную квартиру, онъ на случай, передать лицу, пріѣхавшему съ этимъ приказаніемъ, что по разборѣ дѣла вмѣстѣ съ румынскимъ комиссаромъ и начальникомъ 2-й бригады кавказской дивизіи, удостовѣрился въ томъ, что ничего громошного не произошло и подробности сообщить при свиданіи. Посему онъ просилъ генерала не тревожиться духомъ, обѣщавъ увѣдомить съ своей стороны Главную квартиру. Впослѣдствіи, мы узнали, что дѣло заключалось въ томъ, что нѣсколько казаковъ и горцевъ слушали музыкантовъ. Любопытные столпились посмотреть на казаковъ-черкесовъ. Толпа росла. Надо замѣтить, что въ Плумбунтѣ много павѣсовъ съ пивными столами и мѣстнымъ дешевымъ виномъ. Нельзя утверждать, что слушанье музыки обошлось безъ вина или пива, но платившій, далъ крупную бумажку и долго ждалъ сдачи; но сдачи не являлось, продавецъ справлялся о курсѣ. Наконецъ оказалось, что по ка-

зачѣму курсу выходила цѣна, по румынскому другая. Поднялся споръ. Любопытные сдвинулись ближе. Затѣмъ послѣдовало явленіе невѣроятное. Свидѣтелемъ его я не былъ, поэтому могу ошибаться, но слышалъ слѣдующее отъ лицъ, присутствовавшихъ при разборѣ. Сосѣдъ, глядѣвшій изъ окна на толпу, желалъ предупредить могущій возникнуть безпорядокъ и сообщилъ полиціи, что кажется дѣло не обойдется безъ драки. Тогда поднялась тревога, вызвавшая пріѣздъ комиссара и такъ какъ вмѣсто ожидаемой драки ничего буйнаго не было, и самъ продавецъ не считалъ себя обиженнымъ, то лицу, поднявшему суматоху былъ сдѣланъ румынскою же властью надлежащій выговоръ.

Получивъ приказаніе явиться въ Главную квартиру, начальникъ дивизіи ночью же выѣхалъ въ Плоешти, а мы на утро выступили въ Дайцы. Тамъ, мы должны были ожидать возвращенія генерала Скобелева 1-го и узнать о происшествіи.

Съ 6-го по 9-е Мая.

6-е Мая, Дайцы.

Съ прибытіемъ въ Дайцы, мы стояли уже на Дунаѣ, хотя въ сущности находились еще отъ него въ небольшомъ переходѣ. Дайцы расположены вблизи дугообразнаго протока, идущаго изъ озера Гречилора къ Дунаю. Наибольшее удаленіе протока отъ праваго берега рѣки, отстоятъ верстѣ ня восемь, представляя собою въ мелкую воду, низменную луговину съ затонами, и высоко-кустарными островами. Но ко времени нашего прихода, все это пространство было затоплено разливомъ; верхушки деревъ, какъ мелкіе кустики выглядывали изъ воды. Жители показали, что на мелкой лодкѣ всюду можно было проѣхать прямо въ Дунай, крупные же катера могли пробираться только по протокамъ. Слѣдовательно, мы были въ сосѣдствѣ съ предпріимчивымъ непріателемъ, и сами могли получить позволеніе, а пожалуй и приказаніе толкнуться въ его сторону. Поэтому, надо было ознакомиться съ прилегающею мѣстностью, которая отъ озера Гречилора черезъ Журжу, Слободзею, Парпанъ и до Бошора у рѣки Веде, назначалась наблюденію 1-й бригады Кавказской дивизіи. Длина всего протяженія во время разлива доходила до семидесяти верстѣ; но въ обыкновенную воду она не превышала шестидесяти, сокращаясь при обмелѣніи затоновъ Дуная. Генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й тотчасъ-же распорядился осмотромъ этой мѣстности. Журжа дѣлила ее на двѣ части: западную и восточную. Западную, онъ поручилъ осмотру Кубанскаго полка, восточную—отдалъ № 30-му Донскому полку, и донцы, обратившись въ пловцовъ, зашмыгали по протокамъ; кубанцы выслали разъѣзды.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, военная вѣжливость требовала, чтобы мы, остановившіеся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Журжи, сообщили о прибытіи своемъ румынскому начальству. Посему генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й, какъ начальникъ штаба прибывающаго журжевскаго отряда, приказалъ полковнику Тутолмину, капитану Сахарову и адъютанту Его Высочества штабъ-ротмистру Дерфельдену, вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Журжу къ начальнику румынскихъ войскъ генералу Чернату.

Взявъ съ собою двѣнадцать человѣкъ кубанцевъ, мы отправились въ Журжу и застали генерала Черната въ ту минуту, когда онъ отправлялся къ своему назначенію на правое крыло нашихъ войскъ; тамъ сосредоточивались румыны, открыто уже вставшіе рука объ руку съ нами. Въ короткихъ словахъ было условлено между генералами время очищенія Журжи румынами и занятіе ея русскими. Мы должны были вступить въ нее 9-го мая. По отъѣздѣ генерала Черната, мы не могли устоять противъ искушенія взглянуть на Рушукъ, и случайно бывшія здѣсь офицеры Каларашей, высказавъ всю свою любезность провели насъ на берегъ Дуная *).

Хорошъ показался Рушукъ, нависнувшій на правыхъ твердыняхъ Дуная. Граненая стѣнка старинныхъ окоповъ обомшлась, но на ней, какъ новая игрушка, сверкала своею обшивкой свѣжеобдѣланный брустверь дальнобойныхъ орудій. Въ трубу ясно были видны шитыя куртки и широкія шаровары турецкихъ часовыхъ. Кой-гдѣ видѣлись батареи на восточныхъ склонахъ Рушука; передъ городомъ красовалась просторная зеленая палатка начальника рушукскихъ войскъ, а далѣе на югъ, словно орелъ расправилъ крылья и парилъ надъ Рушукъ громадный ихъ редутъ Левантъ-Табія; расположенный на обширной высокой горѣ, онъ имѣлъ видъ подавляющей силы, подъ защиту которой отдалъ себя Рушукъ со всѣми его укрѣпленіями. Подъ городомъ сновали локомотивы и частые поѣзды желѣзной дороги подвозили боевые снаряды. Мониторы и пароходы стояли подъ лѣсомъ мачтъ, разнообразныхъ парусныхъ судовъ и бѣлая какъ чайка, крошечная паровая шлюпка пробѣгала передъ нами. Теперь она какъ будто-бы веселилась, бѣгала отъ острова на берегъ, съ берега на пароходъ, но въ дни нашей береговой службы, она подсмѣивалась надъ нами. По долгу и часто летала она по главному руслу Дуная, приучая насъ къ своему летучему полному ходу; но внезапно повернувъ къ нашему берегу она мгновенно подлетала на выстрѣлъ и снова порхала въ просторѣ Дуная. А ей было гдѣ разгуляться:

*) По роду своей службы, калараша составляютъ нѣчто въ родѣ коннаго ополченія. Въ числѣ офицеровъ, видѣнныхъ нами въ Журжѣ, двое служили въ старія времена Молдавіи и Валахіи въ русскомъ, учебно-кавалерійскомъ полку.

на три вереты распахнулся Дунай. На все это мы любовались теперь, какъ гости, а черезъ три дня обязаны были давать подробный отчетъ о происходившемъ передъ нами.

III.

Журжевскій отрядъ на Дунаѣ.

7-го числа подошла къ намъ наша 2-я бригада и возвратился генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, огорченный разсказами про ингушей и осетинъ. Хотя разсказы о буйствѣ подъ Бухарестомъ не оправдались, но вышли наружу два-три происшествія, которыя сначала хотѣли оставить безъ огласки. Ближайшее начальство знало по опыту, что не всегда наказаніе достигаетъ цѣли; оно надѣялось мѣрами предупрежденія дѣйствовать на самолюбіе, и потому было болѣе снисходительно, чѣмъ то предписывалось закономъ военного времени; но внѣшняя обстановка похода по мирной Румыніи была строго-военная. Между тѣмъ случилось, что ингушъ на бивуакѣ у Фальчи, не зная правилъ сторожевой службы, пожелалъ пройти сквозь цѣпь безъ соблюденія обычныхъ строгостей и чуть было не доказалъ свою правоту расправою кинжала. Но такъ какъ дѣло обошлось благополучно, то, принимая во вниманіе принесенное имъ раскаяніе и общія просьбы дивизіона, не обнаруживать этого происшествія — ограничились строгимъ домашнимъ наказаніемъ. Но послѣ шума, поднятаго въ Бухарестѣ, въ Плоешти узнали и объ этомъ происшествіи, а молва прибавляла по слухамъ, что еще зимою будто бы ингуши разговаривали о не желаніи драться съ турками, но что въ то время не было сообщено объ этомъ по начальству. Всѣ эти воспоминанія были подкрѣплены разсказами, что кто-то видѣлъ кучки всадниковъ Терско-Горскаго полка, будто-бы ѣхавшихъ въ обратную сторону отъ Бухареста, и вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ, можно было придти къ какому угодно заключенію. Но по дѣйствительному разъясненію ихъ, вся суть выражалась въ томъ, что нашлось кое-что правдиваго въ разсказахъ, но настолько единичнаго, что они не составляли и двадцатой доли выпущенныхъ слуховъ. Но молва улегается не скоро и чѣмъ она злоязычнѣе, тѣмъ охотнѣе ей вѣрять. Такъ было и тутъ. Стали поговаривать, что на горцевъ плохая надежда, и кстати припомнили пословицу, что «гласъ народа—гласъ Божій». Забыли только ту бездѣлицу, что эта пословица, вѣроятно, сложилась въ то время, когда народъ самолично присутствовалъ при дѣлѣ и во-очію убѣжденный

въ чемъ-либо, давалъ свое рѣшеніе. Для пресѣченія всѣхъ этихъ толковъ, приказано было выдержать и испытать Горскій полкъ въ Одессѣ. Поэтому, въ приказѣ по Кавказской казачьей дивизіи отъ 8-го мая было предписано:

1) «По недостатку кавалеріи въ Одесскомъ военномъ округѣ, отправить туда Терско-Горскій конно-иррегулярный полкъ.

2) «Вмѣсто означеннаго полка причислить къ Кавказской казачьей дивизіи отдѣльную Донскую бригаду полковника Чернозубова: 21 и 28-й Донскіе полки съ Донскою 15-ю казачьею батареей, которой пока оставаться на мѣстахъ своего расположенія». Вмѣстѣ съ этимъ было объявлено, что «въ городѣ Журжѣ, Кавказская казачья дивизія должна войти въ составъ отряда, состояющагося изъ: 4-й стрѣлковой бригады и двухъ ротъ Пластуновъ; Донской № 10-й казачьей батареи (4-хъ фунтовой); и Кавказской казачьей дивизіи (за исключеніемъ оставленной на мѣстахъ своего расположенія бригады Чернозубова).

«Отрядъ этотъ поступалъ подъ начальство генераль-лейтенанта Скобелева 1-го. Начальникомъ штаба его назначенъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й».

Разумѣется, приказъ объ отчисленіи горцевъ опечалилъ правыхъ и виноватыхъ, такъ какъ грустно было имъ уходить съ береговъ Дуная въ Одессу, хотя-бы тамъ и вовсе не было кавалеріи. Поэтому, каждый дивизионъ Горскаго полка выбралъ изъ себя представителей, поручивъ имъ выхлопотать прощеніе передъ начальствомъ. Горячо и убѣдительно просили почтенные заслуженные представители горцевъ и слеза катилась по мужественнымъ, загорѣлымъ ихъ лицамъ. Ингуши объявили, что если были виновные, то они не скроютъ, а выдадутъ всѣхъ мало-мальски ненадежныхъ людей. Осетины, во все время не замѣченные въ чемъ-либо виновномъ, просили справедливаго заступничества. Но отмѣнить разъ сдѣланное распоряженіе не представлялось возможнымъ.

Начальникъ дивизіи обѣщалъ выхлопотать прощеніе черезъ нѣсколько времени, но и это утѣшеніе не улыбалось огорченнымъ горцамъ. Наконецъ, усиленные просьбы полковника Вульфберта отчасти помогли этому дѣлу и изъ Главной квартиры послѣдовало разрѣшеніе осетинамъ остаться въ отрядѣ; но ингушамъ приказано отправиться въ Одессу, и прощеніе имъ обѣщано въ зависимости отъ ихъ поведенія. Покорно сдерживали горцы раздраженіе своего самолюбія; негодованіе ихъ выражалось въ мелочахъ, но общій порядокъ не былъ нарушенъ.

Съ удаленіемъ ингушей разстраивался составъ 2-й бригады Кавказ-

ской дивизіи и явился вопросъ о новомъ ея сочетаніи *). Но разрѣшеніе должно было послѣдовать изъ Главной квартиры, пока-же Владикавказскій полкъ съ дивизіономъ осетинъ должны были остаться во Фратешти **), составляя общій резервъ съ баталіономъ 4-й стрѣлковой бригады подъ начальствомъ полковника Вульфберта; 1-я же бригада Кавказской дивизіи съ тремя стрѣлковыми батальонами и двумя ротами Пластуновъ выдвигалась въ Журжу для охраны лѣваго берега Дуная, и Кубанскому полку было предписано произвести рекогносцировку всей части Дуная отъ Журжи до рѣки Веде. На эту работу былъ назначенъ весь день 9-го мая. Нѣсколько офицеровъ Кубанскаго полка выѣхали рано утромъ и только къ вечеру вернулись съ обстоятельно сдѣланными съемками и собранными свѣдѣніями.

№ 30-й Донской полкъ и три стрѣлковыхъ батальона съ двумя горными орудіями, должны были выступить 9-го мая и расположиться для охраненія лѣваго берега Дуная. Съ этою цѣлью, все пространство отъ озера Гречилора до рѣки Веде, было раздѣлено на лѣвый флангъ, центръ и правый флангъ *).

Лѣвый флангъ подъ начальствомъ командира Донскаго № 30-го полка, полковника Орлова, образуется изъ: № 30-го Донскаго полка, одной сотни Пластуновъ и двухъ конно-горныхъ орудій.

Центръ въ Журжѣ, подъ начальствомъ командира 4-й стрѣлковой бригады, генераль-маіора Цвѣдинскаго изъ двухъ стрѣлковыхъ батальоновъ и 1-й пѣшей горной батареи.

Правый флангъ отъ Журжи до Веде, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, занимаютъ: Кубанскій казачій полкъ, 10-я Донская казачья батарея, четыре орудія Донской конной батареи, 14-й стрѣлковый батальонъ и одна сотня Пластуновъ.

Каждый участокъ получилъ указаніе цѣли и способа дѣйствій въ случаѣ соприкосновенія съ непріятелемъ. Лѣвому флангу было предписано занять пространство отъ села Прунды **) до виноградниковъ, съ восточной стороны Журжи, и войти въ связь съ конницею Ольтеницкаго отряда *). Пластунамъ ввѣрялось непосредственное охраненіе Брониш-

*) Въ первой половинѣ іюня Владикавказскій полкъ съ двумя сотнями осетинъ поступилъ въ составъ 1-й бригады, Кавказской дивизіи.

**) Мѣстечко въ 10 верстахъ отъ Журжи. Въ описываемое время въ немъ стояла 4-я стрѣлковая бригада.

*) Приказъ по Журжевскому отряду, отъ 9-го и 10-го мая.

**) На озерѣ Гречилорѣ.

*) Т. е. съ конницею лѣвой колонны.

танскаго лѣса **) и для выполненія этой службы имъ были доставлены лодки изъ Журжи. При семъ предписывалось, въ случаѣ прохода непріателя на плоскодонныхъ судахъ между Дайцами и Прундой «дѣйствовать на его сообщенія, пользуясь собранными лодками». Если-же въ виду превосходныхъ силъ противника, обстоятельства принудили-бы отрядъ къ отступленію, то ему приказано было заманивать его на Калугарени.

На войска, расположенныя въ центрѣ, возлагалось общее и частное назначеніе. Общее—состояло въ оборонѣ Журжи и поддержкѣ обоихъ нашихъ фланговъ, если-бы удалось опрокинуть переправившагося непріателя; частное—возлагало на него охраненіе пригородныхъ садовъ и косы Смирды, при покушеніи противника съ восточной и западной стороны Журжи.

Въ случаѣ сильнаго напора непріателя, центръ долженъ былъ отступить къ общему резерву на Фратешти.

Правому флангу было указано село Слободзія, какъ мѣсто, имѣющее первенствующее значеніе въ оборонѣ всего протяженія праваго фланга. Общая цѣль дѣйствій праваго фланга указана приказаніемъ «возможно рѣшительно сбросить противника въ Дунай». Въ случаѣ необходимости отступления, отрядъ долженъ былъ сосредоточиться у Гогошары и черезъ Фратешти отходить на Калугарени. Сверхъ сего, на отряды праваго фланга возлагалась обязанность увѣдомить 8-ю кавалерійскую дивизію, если-бы Журжевскій отрядъ былъ вынужденъ къ отступленію. 8-я кавалерійская дивизія была расположена западнѣе рѣки Веде, которая отдѣляла ее отъ нашего конечнаго расположенія. Войска праваго фланга должны были занять берегъ Дуная 10-го числа; 9-го же, были выдвинуты въ Слободзею только 14-й стрѣлковый баталіонъ и полусотня Кубанскаго полка.

10-го Мая.

Крайними точками протяженія праваго крыла были: на востокѣ—виноградные сады Журжи, и на западѣ Бошоръ при впаденіи въ Дунай рѣки Веде, отстоящія другъ отъ друга въ тридцати верстахъ разстоянія. Въ обыкновенную воду это протяженіе значительно сокращалось; но въ описываемое время, всѣ прибрежныя лощины представляли собою глубокіе заливы Дуная. Тамъ, гдѣ въ малую воду можно было воспользоваться ло-

**) Броништанскій лѣсъ расположенъ у села Броништаны; въ это время площадь лѣса не была затоплена, но весь онъ, какъ островъ, былъ окруженъ водою.

щиною и проѣхать не болѣе версты разстоянія теперь приходилось дѣлать четыре и пять.

Глубокій разливъ подходилъ на нѣсколько сажень къ западной сторонѣ Слободзеи, но передъ южною ея стороною до лѣваго берега Дуная оставалась незалитая водою площадь, имѣющая въ поперечникѣ около версты, а въ длинникѣ вдвое болѣе. Она, большою дугою выдавалась въ Дунай и имѣла видъ широкой плоскостной чаши, съ невысокими краями. Она какъ бы оборвалась падъ рѣкой и остатки ее повисли надъ Дунаемъ на высокомъ гребнемъ, который, протягиваясь отсюда къ востоку, сохраняетъ тоже свойство почти вплоть до Журжи. Но въ промежуткѣ *) между Слободзеею и виноградниками онъ поднимается нѣсколько выше и подъ городомъ ниспадаетъ до уровня воды. По берегу Слободзейской площади и въ промежуткѣ отъ нея до виноградниковъ, тянулись турецкіе окопы, остатки войны 1854 года.

Бошоръ, расположенный при слияніи рѣкъ Веде и Дуная, по положенію своему могъ бы имѣть назначеніе встрѣчной батареи. Съ небольшого мыса, обращеннаго на югозападъ, можно было бы *) обстрѣливать суда, спускающіяся по Дунаю. Обыкновенно маленькая рѣчка Веде казалась быстрою, судоходною рѣкою.

Глубокая впадина ея долины сплошь была покрыта водою. Устье широкимъ раструбомъ касалось Дуная, и разворачивалось въ этомъ мѣстѣ на версту въ поперечникѣ. Берегъ Бошора почти не возвышался надъ уровнемъ воды. Между Слободзеей и Бошоромъ помѣстилось нѣсколько береговыхъ селеній, именно: Малу-де-Жось, Парпанъ, Беллеріе, Гаужаны, Петришь и Петрошаны. Селенія эти находятся на самомъ берегу Дуная, богаты, многолюдны и обширны. Раннею весной онѣ были живописно хороши свѣжею листвою садовъ и своимъ привлекательнымъ мѣстоположеніемъ. Особенно онѣ выигрывали въ праздничные дни, оживленные народомъ и изящнымъ женскимъ нарядомъ. Бѣлыя шитыя сорочки, собиравшіяся поясомъ ниже груди, тяжелыя черныя косы, выразительныя, жгучіе взгляды невольно приковывали вниманіе. Было что-то родное въ этой толпѣ, напоминавшей своимъ нарядомъ Украйну. Но въ тоже время, встрѣчавшіеся уборы пожилыхъ женщинъ напоминали Римъ и Неаполь. Замѣчательно, что преобладаніе одного наряда передъ другимъ являлось только мѣстами. Были деревни, которыя, по внѣшнему виду своему, напоминали малороссійскія слободы и здѣсь относились къ намъ какъ-то теплѣе; народъ не убѣгалъ отъ насъ, но выходилъ на встрѣчу. Въ мѣстахъ же,

*) Пять верстъ разстоянія между Журжею и Слободзеей.

*) При соответствующихъ орудіяхъ.

гдѣ плоскіе, бѣлые прямоугольники съ откинутымъ назадъ покрываломъ служили головнымъ уборомъ, тамъ воображеніе искало итальянскаго населенія. Тамъ, палисадники были какъ-то квадратнѣе, они были чисты, но не уютны и заборъ не походилъ на малороссійскій плетень.

Тутъ, будто насъ боялись и селенія были покинуты при нашемъ приближеніи; здѣсь, приходилось собственнымъ ихъ властямъ принуждать жителей отворить свои избы. Мужское населеніе производило тоже двойное впечатлѣніе. Селянинъ былъ угрюмѣе, но добродушнѣе; торговый человѣкъ выказывалъ нерасположеніе къ намъ, или старался выдать себя за преданнаго и надежнаго слугу. На эту особенность предупредительно обратили наше вниманіе и нѣкоторые изъ лицъ румынскаго начальства.

Изъ чувства признательности за ихъ содѣйствіе, я считаю своею обязанностію сказать, что предостереженія ихъ не были голословны. Конечно, я не могу представить неопровержимыхъ доказательствъ справедливости ихъ словъ; но намъ было сказано, чтобы мы, какъ говорится, держали ухо востро. Занятый собственно военною заботой, я стоялъ вдалекѣ отъ разслѣдованій при допросахъ подозрительныхъ личностей; но скажу, что сторожевые казаки, которыхъ скорѣе можно упрекнуть въ равнодушіи ко всякимъ подозрѣніямъ, не разъ обращали вниманіе на особенности, являвшіяся для насъ не кстати.

Позднѣе, мы узнали о насмѣшкахъ, выпущенныхъ въ печать по поводу усиленнаго подозрѣнія въ существованіи среди насъ шпионовъ.

Но это легко было говорить лицамъ, не подлежащимъ отвѣтственности за небрежное выполненіе сторожевой службы.

Поэтому имъ было все равно, что въ такой-то буднѣ, по временамъ, зажигается разное число огней на окошкѣ, и ихъ не касались допросы о томъ, что было-ли обращено вниманіе на раза два замѣченные взмахи большого бѣлаго платка, привязаннаго къ палкѣ. Добавлю къ этому, что взмахи эти непременно происходили въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, на берегу Дуная. Конечно, все это пустяки и вздоръ въ сравненіи съ рѣшающими вопросами войны; но смѣю думать, что на то и существуетъ сторожевая служба, чтобы обращать вниманіе на всѣ эти мелочи. Точное исполненіе опредѣленныхъ требованій сторожевой службы связываетъ отряды въ одно дружное цѣлое и только тогда слово свой, имѣетъ смыслъ и силу.

Всякое нарушеніе этого кореннаго правила приводило къ непріятнымъ столкновеніямъ.

Но на сколько были красивы береговые селенія, на столько-же онѣ были неудобны для насъ въ смыслѣ наблюденія за Дунаемъ. Расположенные на выдающихся изгибахъ берега, онѣ, по очертанію своему

требовали усиленного наряда сторожевыхъ постовъ. Глубокій разливъ Дуная образовалъ много острововъ передъ ними; за островами могли собираться непріятельскія лодки съ десантомъ и, если они не могли нагрянуть съ большими силами на слабо занятый нами берегъ, то имъ легко было поднять тревогу. Кромѣ того, каждое селеніе имѣло свои особенности, зависѣвшія отъ высоты воды въ Дунаѣ. Къ однимъ изъ нихъ, по собраннымъ справкамъ могли подходить броненосцы; таковы были Бошоръ, Гаужаны и пространство передъ Мало-де-Жосомъ и устья рукава Камы. Большія лодки могли быть буксированы пароходами къ Петрошанамъ *), Беллеріе, Парапану и Слободзеѣ. Къ одному только Петришу могли подойти мелко сидящія, не нагруженные лодки. Но по расположенію своему на дорогѣ въ Гогошары, Петришъ былъ важенъ, какъ сборное мѣсто въ случаѣ отступленія праваго фланга передъ превосходными силами противника, а по возвышенному положенію своему, могъ служить удобнѣйшимъ мѣстомъ для наблюденія за нашими отрядами.

Въ виду необходимости занять селенія, сообразно ихъ значенію въ береговой оборонѣ, отрядъ праваго фланга получилъ приказаніе расположиться слѣдующимъ образомъ:

Двумъ сотнямъ Кубанскаго полка при двухъ конно-горныхъ орудіяхъ стать въ Бошорѣ;

одной сотнѣ въ Гаужанахъ;

одной сотнѣ въ Мало-де-Жосѣ;

двумъ сотнямъ при двухъ конно-горныхъ орудіяхъ, 14-му стрѣлковому баталіону и первой ротѣ пластуновъ, въ деревнѣ Слободзеѣ.

10-я Донская батарея, при одной ротѣ стрѣлковаго баталіона, должна была занять старые турецкіе окопы, находящіеся на восточной окраинѣ Слободзен.

Все лодки, какія только можно было собрать, были собраны и севены подъ наблюденіе сотенныхъ начальниковъ. Для облегченія наблюденія за непріателемъ были построены вышки и маяки. Для обозначенія степени важности тревоги, были опредѣлены ночные и дневные сигналы. Одни изъ нихъ служили повѣсткою небольшого мѣстнаго столкновенія; другіе призывали сосѣднія подкрѣпленія; третьи обозначали общую тревогу.

Эти сигналы были приняты по всему протяженію Журжевскаго отряда.

Итакъ, общее протяженіе наблюдаемаго имъ пространства, простиралось до семидесяти верстъ.

Это поверстное протяженіе само собою указываетъ на способъ пред-

*) Съ убывлю воды Петрошаны были доступны только плоскодоннымъ лодкамъ.

стоявшихъ намъ дѣйствій, опредѣляя упорный бой только въ центрѣ нашего расположенія.

Поэтому, Журжа была занята двумя баталіонами стрѣлковъ, а въ ближайшей къ ней Слободзеѣ поставленъ баталіонъ, съ ротою пластуновъ. Журжа была важна какъ городъ, замыкающій желѣзную дорогу въ Бухарестъ.

Слободзея, находясь въ кратчайшемъ разстояніи отъ Рушука, представляла для турокъ хорошую позицію, въ случаѣ перехода ихъ на лѣвый берегъ Дуная. Позиція эта находилась между Журжею и Слободзеей; укрѣпленная окопами предпоследней нашей войны, упираясь концами на Слободзею и Журжево, она сверхъ этихъ выгодныхъ условий вполне была обезпечена съ тыла, Рушукомъ. Владѣя ею, турки прочно могли держаться на лѣвомъ берегу Дуная и высылать свои легкіе отряды по направленію къ сѣверу. Два большіе острова, лежавшіе передъ нами облегчали имъ переправу на судахъ. Суда ихъ безнаказанно могли собирать десанты за островами и внезапно обогнувъ ихъ, безъ потери выплывать значительную часть Дуная. Въ виду возможнаго покушенія непріятеля на нашъ берегъ, онъ постоянно былъ охраняемъ сторожевыми постами. Баталіоны, расположенные въ Журжѣ, выставляли ихъ до оконечностей виноградниковъ, имѣя за ними дежурныя роты. Наблюденіе за берегомъ противъ Слободзеи было ввѣрено пластунамъ. Они были безсмѣнными ея сторожами: они по своему ее охраняли, по своему въ ней и жили. Во ввѣренное имъ пространство не наряджалась никакая другая часть и стрѣлковый баталіонъ, расположенный въ Слободзеѣ служилъ имъ только опорой въ случаѣ надобности. Поэтому, пластунамъ сообщались пропуски только для общаго свѣдѣнія; но между собою они, какъ лежавшіе въ секретахъ, руководствовались своими обычными окликами. Порой у нихъ кричали звѣрь и птица, или раздавался другой какой-либо условный звукъ, который означалъ имъ цѣлую рѣчь.

Дежурная рота 14-го стрѣлковаго баталіона на ночь усиливала свои посты въ промежуткѣ между пластунами и виноградниками. Казачьи объѣзды назначались по всему протяженію сторожевыхъ постовъ.

Итакъ мы начали службу лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Поэтому части нашего отряда должны были освоиться съ своимъ положеніемъ и изучить расположеніе противника. О всѣхъ, замѣченныхъ у него перемѣнахъ приказано доносить въ штабъ Журжевскаго отряда *) Рушукъ сдѣлался средоточіемъ нашего наблюденія.

*) Для исполненія конной службы при штабѣ Журжевскаго отряда находилась сотня Владикавказскаго полка.

Въ немъ кипѣла военная жизнь. По свѣдѣніямъ Главной квартиры, къ 17-му апрѣля въ немъ было 14,300 человекъ низама. За городомъ, за склонами громаднаго ихъ Левантъ-Табіа бѣлѣли палатки большаго турецкаго лагеря; менѣе обширный лагерь былъ расположенъ въ самомъ городѣ. Караулы ихъ стояли въ наружныхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ, отдѣланныхъ, но невооруженныхъ полнымъ количествомъ орудій. Сколько помнится, ко времени прибытія нашего въ Слободзею, мы не насчитывали болѣе шести орудій.

Турки учились передъ нашими глазами, гуляли по набережной, кучками, сидѣли на валахъ укрѣпленій, передъ зеленою палаткою перѣдко играла музыка; обозы безпрестанно тянулись длинными вереницами, поѣзды желѣзной дороги то принимали, то отвозили грузы и войска.

Въ теченіи дня, сторожевые посты ихъ стояли вѣроятно рѣдко; но на ночь, они, вѣроятно, размѣщали ихъ очень густо. Предположеніе это основывалось на томъ, что турки два раза поддались на фальшивую тревогу, и въ то время, когда у насъ все было тихо, они сплошною питью открывали частую ружейную стрѣльбу по всему протяженію своего дневнаго наблюденія.

Все дни, отъ 10-го до 12-го мая включительно, прошли у насъ спокойно, если не считать безпокойствомъ усилившійся разгонъ казаковъ. Все служебное сообщеніе совершалось по берегу Дуная, конечно, черезъ казаковъ. Конныя почты, частыя передачи приказаній, назначеніе небольшихъ прикрытій къ чинамъ, производившимъ топографическія работы, усиливали и безъ того большой расходъ на службу. Между тѣмъ, сбереженіе лошадей было необходимо, дабы залечить ссадненные во время похода спины. На первыхъ парахъ думали скоро справиться съ ними, но разгонъ усиливался и впоследствии, какъ увидимъ ниже, онъ вынудилъ наше начальство усилить Кубанскій полкъ 2-ю бригадою Кавказской дивизіи.

Черезъ нѣсколько дней по занятіи нами береговой линіи, прибыли къ намъ и моряки, будущіе хозяева Дуная. Они должны были познакомиться съ Дунаемъ для устройства минныхъ загражденій и началомъ своихъ работъ, выбрали 12-е мая.

Никогда не забуду теплой, радостной встрѣчи съ ними въ этотъ день. Во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній, намъ было объявлено, что поутру, 12-го мая, пойдетъ по линіи нашего расположенія, отъ Журжи, вверхъ по Дунаю, мѣстная румынская лодка съ русскими офицерами. Поэтому предписывалось, слѣдить за нею съ полнымъ вниманіемъ и въ случаѣ ея приближенія къ нашему берегу, содѣйствовать ей всеми имѣющимися у насъ способами. Предупрежденіе это было тѣмъ болѣе необходимо, что сообщеніе съ правымъ берегомъ было прекращено и всякая неизвѣстная

намъ, приближающаяся съ того берега лодка, неминуемо была бы встрѣчена выстрѣлами. Въ этотъ день, я, по обязанностямъ службы, былъ въ Бошорѣ съ подполковникомъ Кухаренкой и мы, возвращаясь оттуда въ Слободзею, должны были почевать въ Парапанѣ. Прибывъ сюда подъ вечеръ, мы узнали отъ начальника расположенной здѣсь сотни, что въ Парапанѣ остановились на ночлегъ два офицера генеральнаго штаба.

Это были полковники Паренсовъ и Фрезе, производившіе военно-топографическую съемку и сообщившіе Вѣнкову, что вышеупомянутая лодка причалить къ Парапану. Каждый русскій, прїѣзжавшій къ намъ, былъ дорогимъ для насъ гостемъ.

Если находились охотники прїѣхать къ намъ, чтобы посмотрѣть на турокъ, то тѣмъ прїятиѣ для насъ были люди, прибывавшіе изъ Главной квартиры. Они сообщали много новостей, которыхъ мы не могли знать; они нерѣдко привозили намъ письма и деньги. Случайная же встрѣча съ хорошими своими знакомыми, каковы были Паренсовъ и Фрезе была въ особенности прїятна.

Оказалось, что предупрежденные сотникомъ Вѣнковымъ *), о нашемъ прїѣздѣ въ Парапанъ, они поджидали насъ къ ужину. Слѣдовательно, не хозяева принимали гостей, а гости хозяевъ. Къ ихъ, радушно предложенному ужину, прибавились наши припасы; появилась дунайская рыба и привезенный съ Кавказа, никогда не портящійся, овечій сыръ, непремѣнная принадлежность всегда отъ души предлагаемыхъ Кухаренкой хлѣба-соли и сборный ужинъ, обѣщавъ быть обильнымъ и вкуснымъ.

Но такъ какъ всѣ распоряженія военного времени нисходятъ отъ генеральнаго штаба, то мы и отдали себя на волю прибывшаго къ намъ, генеральнаго штаба, ожидая отъ него немедленнаго приказанія вступить въ дѣло. Но онъ, положительно объявилъ, что мы имѣемъ право теперь, выпить лишь по чаркѣ водки, а ужинъ будетъ разрѣшенъ съ прибытіемъ «дядюшки».

— Кто же этотъ дядюшка? спросили мы.

«Новиковъ» отвѣтили «моменты». Такъ, въ дружеской шуткѣ называютъ офицеровъ генеральнаго штаба, обреченныхъ отыскивать и указывать удачные моменты военныхъ предпріятій. Итакъ, безъ дяденьки Новикова нельзя начать ужина.

— Почему же онъ дяденька и, кто онъ такой Новиковъ? продолжали мы спрашивать.

— Дяденька онъ—потому, что когда вы его увидите, то иначе и не назовете, какъ «дяденька»; прїѣдетъ онъ очень скоро и вы убѣдитесь,

*) Начальникомъ сотни, расположенной въ Парапанѣ.

что нѣтъ ему другого названія. Что же касается служебнаго его положенія, то въ настоящую минуту онъ изображаетъ изъ себя адмирала своего флота.

— Флотъ же его состоитъ изъ извѣстной вамъ рыбацкой лодки, въ которой онъ теперь плаваетъ по Дунаю и турки ему честь отдаютъ.

Согласились мы съ тѣмъ, что онъ долженъ быть дяденька, но хотѣли знать, какимъ образомъ ему турки честь отдаютъ. И на это мы получили объясненіе, хотя высказанное съ веселыми шутками, но подготовившее насъ къ тому глубокому уваженію, которое вселялъ къ себѣ будущій дѣятель дунайскихъ загражденій.

Хладнокровная рѣшимость «нашего адмирала», каждый его шагъ, каждое его слово, обнаруживали въ немъ хозяина своего дѣла. Видно было, что работа не вывалится изъ его рукъ. Случайная встрѣча его съ Паренсовымъ и Фрезе на линіи желѣзной дороги Бухарестъ-Журжа, вселила имъ это впечатлѣніе.

Они вмѣстѣ прибыли въ Журжу и нѣкоторое время слѣдовали берегомъ на одной высотѣ съ лодкою капитана 1-го ранга Новикова.

Капитанъ Новиковъ съ лейтенантомъ Скрыдловымъ, мѣстнымъ лоцманомъ и, сколько помнится, съ двумя гребцами отправились на рекогносцировку Дуная, вверхъ по его теченію отъ Журжи.

Миновавъ благополучно два большіе острова, что лежатъ противъ Журжи-Слободзея, они выплыли на середину Дуная, западнѣе Слободзеи. Выше было сказано, что между Слободзеею и Дунаемъ лежитъ большая, чашеобразная площадь. Она дугою выдается къ Дунаю и, огибающая ее лодка неминуемо подходитъ къ главному руслу Дуная. По счастью, въ этомъ мѣстѣ въ то время не было турецкихъ судовъ; но на берегу стоялъ взводъ непріятельской пѣхоты. Лодка подплыла довольно близко къ серединѣ рѣки и турецкій караулъ, ставъ въ ружье выстроился вдоль берега.

Лодка тихо подавалась впередъ, дѣлая промѣры и потомъ быстро отошла къ нашему берегу. Турки не открыли по ней огня; это и подало поводъ къ шутливому разсказу, что турки отдали честь нашимъ морякамъ, такъ какъ караулъ, при видѣ ихъ, сталъ въ ружье. По правиламъ воинскаго устава, такой видъ встрѣчи считается тою военною почестью, которая присвоена начальнику, объѣзжающему сторожевые посты.

Скоро прибыли, принятые казаками на берегъ, наши моряки и мы, увидѣли высокаго плотнаго человѣка, въ одеждѣ морскаго офицера. Это былъ капитанъ 1-го ранга Новиковъ. Его глубокій, покойный взоръ, нѣсколько отрывистая и повелительная, но согрѣтая чувствомъ рѣчь, выказывали въ немъ человѣка рѣшительнаго, привыкшаго владѣть собою и

дѣломъ. Дѣйствительно, онъ показался намъ добрымъ, испытаннымъ жизнію дяденькой. Отдавшись бесѣдѣ, онъ душею принадлежалъ ей, и какъ будто, часъ тому назадъ, онъ и не былъ на волосъ отъ смерти. А туркамъ ничего не стоило пустить въ его лодку хотя-бы одну маленькую гранату. Наружность его вселяла убѣжденіе, что работа въ его рукахъ должна пойти успѣшно, но онъ, казалось, и не думалъ о ней. Но каждый сознавалъ, что въ немъ бьется пульсъ нашей дунайской жизни. Поэтому онъ, не будучи начальникомъ, сдѣлался лицомъ, которому каждый хотѣлъ подчиниться; угодить ему, въ его морскихъ требованіяхъ, становилось неизбѣжнымъ долгомъ и было пріятно. Черезъ нѣсколько дней онъ основалъ свое главное пребываніе въ Малу-де-Жосѣ и сюда-то стекалась тогдашняя морская наша сила. Въ Малу-де-Жосѣ пріѣхали моряки и оживили его своимъ открытымъ, сердечнымъ согласіемъ съ нами. Къ нимъ же пріѣхалъ изъ Журжи и В. В. Верещагинъ *). Здѣсь, въ бухтѣ дунайскаго разлива собрались паровыя шлюпки, сюда были свезены саперами мины, а командиръ 3-й сотни Кубанскаго полка сотникъ Вѣнковъ былъ обращенъ въ капитана надъ портомъ.

И «нашъ адмиралъ» былъ очень доволенъ своимъ капитаномъ-казакъ. Вѣнковъ рѣдко о чемъ говорилъ, но только слушалъ и дѣлалъ. «Этотъ Вѣнковъ, совсѣмъ особенный человѣкъ», говорилъ Новиковъ, «я еще думаю о томъ, что надо добыть лишнія лодки, а Вѣнковъ уже знаетъ,

*) В. В. Верещагинъ присоединился къ намъ въ Браиловѣ, пріѣхавъ оттуда въ штабъ нашей дивизіи съ адъютантомъ Великаго Князя Дерфельденомъ. Онъ сдѣлалъ съ нами весь походъ до Журжи. Изъ Журжи онъ съѣздитъ на нѣсколько дней въ Парижъ, любезно предоставивъ себя къ нашимъ услугамъ. Вмѣстѣ съ другими воспользовался и я его предложеніемъ и только лично его вниманію обязанъ былъ тѣмъ, что приобрѣлъ палатку. Внезапно отправленный изъ Кишинева въ Кавказскую дивизію, я ничего не имѣлъ съ собою и долженъ былъ заводитьсѣ всѣмъ на походѣ. Возвратившись изъ Парижа въ Журжу, онъ тотчасъ же поселился у моряковъ и вмѣстѣ съ ними изучалъ протоки Дуная вплоть до часу боя паровой шлюпки „Шутки“ съ турецкимъ пароходомъ. Тутъ онъ былъ раненъ вмѣстѣ съ Скрыдловымъ и мы съ нимъ разстались. Второй братъ его явился къ намъ со времени „второй Плевны“. Онъ часто высказывалъ желаніе поступить охотникомъ во Владикавказскій казачій полкъ, но колебался. Съ поступленіемъ въ ряды, онъ терялъ свою свободу и лишался возможности удовлетворять, какъ кажется единственному своему желанію быть тамъ, гдѣ пули ложились гуще. А онъ бывалъ только тамъ. Въ кровавый день, 30-го августа, онъ находился на Зеленыхъ горахъ и по обыкновенію былъ на „своемъ мѣстѣ“. Генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й дорожилъ имъ, какъ способнымъ и храбрымъ человѣкомъ, и поэтому давалъ ему значительныя ординарческія порученія. Бывшій при немъ казакъ не имѣлъ возможности вынести его тѣло изъ подъ огня, и успѣлъ только снять съ него шашку и, кажется, револьверъ. Эти вещи были переданы его младшему брату, поступившему и служащему по сей день въ офицерскихъ чинахъ Владикавказскаго казачьяго полка.

что въ десяти верстахъ, въ какихъ-то кустахъ, румыны спрятали три лодки, а завтра уже лодки доставлены въ мое распоряженіе. — Оборони Богъ отъ пожара», продолжалъ Новиковъ, «чего добраго, мины взорвутся на сухомъ пути, и черезъ два часа казаки Вѣнкова добыли пожарный насосъ; но Вѣнковъ и не говорилъ, что достанетъ его, а просто отыскалъ, поставилъ на мѣсто, сдалъ кому слѣдуетъ и ушелъ.

Вмѣстѣ съ «морскимъ полковникомъ *)» Новиковымъ пріѣхалъ и лейтенантъ Скрыдловъ. Его молоджавое лицо, оживленное какою-то улыбающею ему мыслью, было весело, но въ то-же время озабочено. Можетъ быть я пишу подъ впечатлѣніемъ послѣдовавшихъ событій, связывавшихъ казаковъ съ моряками на обходныхъ почтовыхъ походахъ по протокамъ Дуная; можетъ быть воспоминаніе о его крошечной «Шуткѣ», вступившей въ единоборство съ исполнимо-пароходомъ, или я самъ находился въ то время подъ впечатлѣніемъ пожеланій успѣха Скрыдлову; но мнѣ казалось, что онъ только тѣломъ находился съ нами, душа и помыслы его были на водахъ Дуная.

И немудрено было находиться ему въ такомъ настроеніи. Опасная, безпомощная въ крутую минуту, выпала имъ доля, но конечно заманчивая. Вся ширь и глубь Дуная была отдана имъ во владѣніе; много знанія, много рѣшимости и отважной осторожности они должны были вложить въ свою работу. А потому было надъ чѣмъ призадуматься, было чему и порадоваться въ случаѣ успѣха. Сегодня имъ посчастливилось; завтра они верхомъ поѣдутъ до Бошора, а тамъ опять поплывутъ подъ пушками турокъ. Хороша душевная тревога такихъ дней. Въ такую пору много думается, чего то искренно хочется и не сталкиваясь съ собственнымъ я.

Всѣ чувства стремятся къ одному общему, равно дорогому и близкому сердцу. И мы отъ души пожелали морякамъ начать ихъ дѣло въ добрый часъ и выступить съ Богомъ въ дорогу.

14-го Апрѣля.

До сей поры турки какъ-бы не замѣчали нашего присутствія.

Но утромъ, 14-го числа, они обнаружили новую, доселѣ скрытую, батарею противъ западной оконечности Слободзеи и открыли бомбардировку. Къ батарее присоединился мониторъ, стоявшій противъ середины деревни и вдвоемъ они, болѣе часу осыпали Слободзею своими снарядами. Это была для насъ первая дѣйствительная тревога, показавшая людямъ,

*) Такъ перѣдко казаки называли его.

что порядокъ, есть основаніе всякаго успѣха. Турки выпустили болѣе тридцати гранатъ: многія изъ нихъ ложились въ расположеніе коновязей и ротныхъ дворовъ; большинство падало въ южную половину деревни; часть перелетала черезъ деревню; но весь вредъ, причиненный бомбардировкою, выразился въ разрушеніи трехъ домовъ. Надо замѣтить, что при вступленіи въ береговые селенія, войскамъ Журжевскаго отряда былъ отданъ приказъ заблаговременно назначить мѣста сбора на случай бомбардировки. Съ этою цѣлью роты стрѣлковаго баталіона должны были собраться на ротныхъ дворахъ и стянуться за восточнымъ краемъ Слободзеи. Тутъ онѣ должны были стать внѣ выстрѣловъ въ ожиданіи приказаній.

Сотнямъ Кубанскаго полка приказано тотчасъ-же очистить коновязи и вытянуться внѣ выстрѣловъ за деревней. Орудія конно-горной батареи находились при сотняхъ Кубанскаго полка.

Въ случаѣ десанта, они могли принять дѣятельное участіе въ бою, но при бомбардировкѣ, имъ, во избѣжаніе взрыва ящиковъ, слѣдовало быть какъ можно дальше отъ выстрѣловъ. Отвѣчать туркамъ онѣ не могли, такъ какъ дальность ихъ боя не превышаетъ шести-сотъ сажень.

10-я Донская батарея оставалась на своемъ мѣстѣ за старыми турецкими окопами. Она могла открыть огонь по паруснымъ, или гребнымъ судамъ, въ случаѣ ихъ приближенія на орудійный выстрѣлъ.

Съ первымъ выстрѣломъ турецкаго орудія, граната зашипѣла надъ крышами Слободзеи и разорвалась позади селенія. Что-то странное, непривычное, почувствовалось въ этомъ звукѣ. Казалось, не могло-бы и быть сомнѣнія, что турки прислали намъ гранату, но нѣтъ; языкъ почему-то выговорилъ: «турки—это бомбардировка;» и въ подтвержденіе тому, что мы не ошиблись, изъ Рущука прилетѣла вторая граната и упала передъ деревней. За нею еще нѣсколько упали подлѣ второй; а потомъ и пошли сыпаться другъ за дружкой. Въ это время у насъ въ Слободзеѣ происходило движеніе, но не такое, какое мы привыкли видѣть при обыкновенномъ подъемѣ войскъ съ бивуака. Барабанъ не ударилъ тревоги, тѣмъ менѣе думалъ ее трубить кубанскій трубачъ. Въмѣсто тревоги и почти неизбѣжной съ нею бѣготни, деревня замолкла. Нѣсколько стрѣлковъ, бывшихъ въ отлучкѣ отъ своихъ ротъ, крикнули было «тревога», побѣждали къ своимъ, но какъ-бы пораженные непривычною тишиною, точно устыдились и пошли скорымъ, но не суетливымъ шагомъ. Стрѣлковыя роты живо стали въ ружье и только веселое «покорнѣйше благодаримъ, постараемся» раздавалось въ воздухѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе начальства, поздравлявшаго ихъ съ первымъ огнемъ. Ожилились стрѣлки и

легкимъ, молодецкимъ шагомъ,* какимъ умѣютъ ходить только эти отборныя части, они стянулись къ назначенному мѣсту.

Казаки были своеобразны при своемъ подъемѣ; никто имъ ничего не говорилъ; они знали, что надо стать за деревней. Не мѣшкая, не торопясь, не проронивъ ни единого слова, они какъ-то незамѣтно оставили свои коновязи и были вполне во всемъ готовы. Эта тишина свидѣтельствовала о надежномъ составѣ людей.

Съ хладнокровною выдержкою слѣдили они за полетомъ снарядовъ; не раздавалось даже шутокъ.

Сколько я могъ замѣтить, казаки никогда не допускали шутокъ въ важномъ дѣлѣ. Казакъ работаетъ въ дѣлѣ; на досугѣ онъ разсуждаетъ, но не балагуритъ. Въ регулярныхъ полкахъ, въ особенности въ пѣхотѣ, шутка и острое слово встрѣчаются гораздо чаще.

Подъ конецъ бомбардировки пріѣхалъ изъ Журжи начальникъ дивизіи со штабомъ, и потребовалъ отчета; всѣ поѣхали къ берегу. Батарея дымила, мониторъ съ замѣтною выдержкою посылалъ свои снаряды. Свита генерала стала передъ мониторомъ, чтобы лично убѣдиться въ направленіи полета. Мониторъ далъ еще три выстрѣла и всѣ три подетѣли мимо. Дорога на берегъ вела мимо главнаго караула пластуновъ, къ одному изъ ихъ секретовъ, невозмутимо лежавшихъ во все время бомбардировки.

Генералъ остановился невдалекѣ отъ секрета въ то время, какъ граната зарылась въ двухъ шагахъ отъ головы пластуна. Пластунъ, не потерявъ хладнокровія, какъ лежалъ пластомъ, такъ, не перемѣняя положенія, и передвинулся на два шага въ сторону.

Черезъ часъ послѣ перваго выстрѣла, турки прекратили стрѣльбу, но мониторъ не сходилъ съ своего мѣста и оставался передъ нами вплоть до нашего ухода изъ Слободзеи. Для разнообразія, онъ уступалъ иногда мѣсто плавучей батарее и отходилъ къ правому берегу; но при произведенныхъ еще двухъ бомбардировкахъ Слободзеи, онъ занималъ свое обычное мѣсто.

Съ нашей стороны во все это время не было сдѣлано и одного выстрѣла, потому что стрѣлять мы не могли по дальности разстоянія.

Почти одновременно съ открытіемъ огня по Слободзеѣ, часть третьей сотни, расположенная въ Гаужанахъ, имѣла перестрѣлку съ турецкими лодками.

Случай этотъ вызвалъ предположеніе о шпіонствѣ кого-либо изъ жителей Гаужанъ и потому разскажу его подробнѣе. Трудно было остановиться на предположеніи объ измѣнѣ или предательствѣ, но происшедшее столкновеніе указывало на необходимость строгой осторожности.

Я уже говорилъ, что со времени прибытія нашего на Дунай, всякое плаваніе по немъ было запрещено; но эта мѣра вызвала ропотъ жителей. Посыпались жалобы на то, что прибытіе русскихъ прекратило ихъ средства къ жизни, уничтоживъ возможность рыболовства. Для удовлетворенія, до нѣкоторой степени справедливой ихъ жалобы, имъ было разрѣшено береговое рыболовство; но не иначе, какъ въ предѣлахъ нашего ружейнаго выстрѣла. Для надзора за рыбаками, на каждой лодкѣ, непременно долженъ былъ находиться вооруженный казакъ. По разрѣшеніи одной просьбы, послѣдовала и другая. Одинъ изъ богатыхъ жителей Гаужанъ опасался за свое стадо, пасшееся на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ, образовавшихся отъ разлива Дуная. Островъ отстоялъ далеко отъ деревни. При этомъ онъ заявлялъ, что не зная о предстоящей войнѣ румынъ съ турками, онъ не распорядился о заблаговременномъ пригонѣ своего стада, которое въ прежніе годы оставалось на островѣ до спаденія водъ. Теперь-же ему предстоитъ полное раззореніе, такъ какъ турки вѣроятно заберутъ его скотъ. Стадо состояло изъ буйволовъ.

Посему, онъ просилъ разрѣшенія поѣхать за нимъ на нѣсколькихъ лодкахъ, съ тѣмъ, чтобы поспѣшить перевозкою скота. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ просилъ дать ему и нѣсколько казаковъ.

Отпустить ихъ съ нимъ было бы неосторожно. Значительнаго прикрытія мы дать не могли, такъ какъ нельзя было взять всю сотню съ береговой линіи, а шесть—десять человѣкъ могли бы сдѣлаться жертвою обмана. Островъ былъ лѣсистый и за нимъ могла находиться засада. Но, въ виду дѣйствительнаго быть можетъ раззоренія жителя Гаужанъ, ему было разрѣшено отправиться на островъ. Разрѣшеніе было дано вечеромъ и, утромъ, три румынскія лодки отчалили къ острову. Въ каждой изъ нихъ было по нѣсколько человѣкъ жителей изъ села Гаужанъ. Едва лодки приблизились къ острову какъ изъ-за его оконечности выѣхало восемь турецкихъ лодокъ, наполненныхъ вооруженными баши-бузуками. Можетъ быть появленіе ихъ было случайное, можетъ быть они были предувѣдомлены.

Молва говорила, что турки знали о распоряженіи давать казаковъ на береговой промыселъ и не рассчитывали на появленіе крестьянъ безъ казачьяго прикрытія.

Внезапное появленіе турецкихъ лодокъ перепугало крестьянъ. Съ нѣсколькихъ лодокъ по нимъ былъ открытъ ружейный огонь и баши-бузуки начали окружать румынскія лодки.

Сидѣвшіе въ одной изъ нихъ бросили весла и кинулись навзничъ. Турки ее окружили. Двѣ другія налегли на весла и гребли къ нашему берегу. Турки погнались за ними и были уже на ружейномъ выстрѣлѣ

отъ нашего берега. Но въ это время, по баши-бузукамъ данъ былъ залпъ и затѣмъ открытъ учащенный ружейный огонь съ нашего берега. Эта помощь была оказана, находившимся въ Гаужанахъ взводомъ сотника Вѣнкова.

Отпустивъ румынъ, онъ слѣдилъ за ними и на случай расположилъ въ засадѣ на берегу взводъ своей сотни. Турки не ожидали этого отпора. Видно было какъ человекъ три баши-бузуковъ повалилось и всѣ восемь лодокъ повернули обратно, провожаемые выстрѣлами казаковъ. Двѣ лодки были спасены, третья была захвачена турками; но дня черезъ два, взятые въ плѣнъ крестьяне, были доставлены турецкимъ офицеромъ къ острову, противъ пикета 30-го Донскаго полка и оттуда прибыли къ нашему берегу. По словамъ плѣнныхъ, они были отпущены по приказанію «рущукскаго паши», оставшагося недовольнымъ захватомъ крестьянъ и отпустившаго ихъ со словами: «Ступайте домой, намъ надо русскихъ, а не васъ».

15—21-е Мая.

Все до сихъ поръ переданное мною о нашей жизни на Дунаѣ даетъ только общее понятіе о стоянкѣ на его берегу и незнакомитъ съ тягостью наблюдательной службы. Внѣшній видъ ея былъ скорѣе бездѣятельный; повидимому, мы только стояли и наблюдали. Но внутренняя сторона ея была далеко не легкая. Я уже упомянулъ выше о томъ, что расходъ людей былъ великъ сравнительно съ наличнымъ числомъ ихъ въ 1-й бригадѣ Кавказской дивизіи, раскинутой отъ Гречилора до Бошора.

Тягость его была особенно ощутительна въ томъ отношеніи, что не хватало времени заживить ссадненныхъ лошадей. Между тѣмъ необходимо было обратить на это обстоятельство особенное вниманіе. Въ приказѣ по Журжевскому отряду отъ 15-го мая, было предписано заняться, какъ излѣченіемъ ссадинъ, такъ и обученіемъ обращенію съ выюками *); но разгонъ людей и ежедневный нарядъ на постоянную службу выводили подъ сѣдло почти половину людей изъ каждого полка. Вслѣдствіе поднятаго по сему поводу вопроса, отъ командировъ полковъ былъ представленъ въ штабъ отряда ежедневный нарядъ на посты, показавшій, что:

1) Въ 30-мъ Донскомъ полку всѣ шесть сотенъ, расположенныя въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, были раздѣлены на двѣ части, изъ коихъ:

*) Приказъ по Журжевскому отряду отъ 15-го мая.

а. Третья и пятая сотни занимали пикеты на двадцати-семи верстахъ отъ деревни Ойнокули до Прунды, и ежедневно расходовали двѣсти сорокъ казаковъ, т. е. обѣ сотни ежедневно были подъ сѣдломъ, такъ какъ всѣхъ лошадей въ обѣихъ сотняхъ было двѣсти сорокъ шесть *). Остальныя четыре сотни были собраны у пикета Мало-Рушъ и давали ежедневно на службу:

- 1) На пикеты противъ Броништанскаго лѣса—сотню;
- 2) На ночные разъѣзды по всему наблюдению 30-го полка сотню;
- 3) Въ заставѣ за пикетами—находилась сотня;
- 4) И обязательно дежурная цѣлая сотня.

Слѣдовательно, всѣ четыре сотни были ежедневно подъ сѣдломъ, отдыхая не сутки, но только день, или ночь.

Не меньшій расходъ былъ и въ Кубанскомъ полку; изъ семисотъ шестидесяти шести человѣкъ общаго **) списочнаго состава выходило чотыреста семьдесятъ одинъ казакъ и триста одна лошадь, кромѣ нарочныхъ и домашняго наряда. Приведенный расходъ долженъ быть отнесенъ къ разряду усиленныхъ нарядовъ на службу, и былъ особенно тягостенъ въ виду необходимости подготовить лошадей къ трудному походу.

Надо замѣтить при этомъ, что наша служба не постепенно втягивала лошадей, приучая ихъ къ трудностямъ, а томила ихъ. Обязанныя быть почти ежедневно подъ сѣдломъ, онѣ не несли той правильной работы, упражненіе въ которой развиваетъ ихъ силы.

Во избѣжаніе могущихъ быть возраженій по поводу большаго наряда, я считаю умѣстнымъ замѣтить, что онъ не могъ быть уменьшенъ, находясь въ прямой зависимости отъ требованій и мѣстности. Въ ясную погоду мы легко различали сосѣднія сторожевыя вышки; но во время тумана, онѣ съ трудомъ были видимы. Поэтому вызывалась необходимость размѣстить между ними заставы на случай поддержки, или для ускоренія передачи приказаній, почты и т. д.

Если бы мы обороняли берегъ и наблюдали за непріятелемъ только въ отношеніи военныхъ требованій, то отряды наши, могли бы быть сильнѣе на каждомъ данномъ мѣстѣ; но мы обязаны были растянуться для скорѣйшей передачи почты, приказаній и т. п. потребностей, вызываемыхъ сосредоточенностью въ нашемъ расположеніи всѣхъ родовъ военнаго искусства.

Саперы, артиллеристы, моряки, пѣхота и конница, генеральный штабъ и топографы — имѣли своихъ представителей на нашемъ участкѣ,

*) Рапорты полковника Орлова и подполковника Кухаренко.

**) Т. е. съ людьми; не отправлявшими строевой службы.

Спѣшная ихъ работа вызывала усиленную дѣятельность и требовала особыхъ, неочередныхъ нарядовъ. Въ штабѣ Дѣйствующей арміи было обращено вниманіе на это обстоятельство и въ приказѣ по Журжевскому отряду отъ 15-го мая было объявлено что «Его Императорское Высочество Главнокомандующій Дѣйствующею арміею изволилъ разрѣшить усиленную дачу овса казачьимъ частямъ, которыя несутъ службу на постахъ, расположенныхъ по самому берегу Дуная *). Въ силу этого приказа, казачья лошадь должна была получать вмѣсто трехъ—четыре гарнца овса; но только та, которая дѣйствительно находится на постахъ. Изъ вышеприведеннаго мною отчета можно видѣть, что въ обоихъ полкахъ 1-й бригады Кавказской дивизіи не было лошадей, которыя бы не находились на постахъ или на берегу Дуная. Но вытребованный на этомъ основаніи четвертый гарнецъ надѣлалъ столько шума, вызвавъ немѣрный денежный расходъ, что полковые командиры были бы покойнѣе еслибы его вовсе не было назначено. Запросы и справки раздражали самолюбіе, заподозрѣвая Кавказскую дивизію въ корыстолюбіи и впослѣдствіи былъ сдѣланъ запросъ, на какомъ основаніи у нея выведенъ такой громадный расходъ людей не вызываемый необходимостью службы.

Этотъ, весьма основательный въ сущности запросъ, былъ бы принять служебнымъ дѣломъ и не возродилъ бы неудовольствія въ той средѣ, которой онъ касался. Но такъ какъ онъ былъ возбужденъ только изъ-за денежнаго расхода, то конечно ужалилъ въ самую чувствительную струну. Много говорили про доходы полковыхъ командировъ. Но полковые командиры бывали разные. Какъ одинъ изъ примѣровъ личнаго безкорыстія можетъ служить въ этомъ случаѣ 30-й Донской полкъ. Мнѣ лично, посланному по дѣламъ службы въ декабрѣ 1876 года изъ Кишинева въ 11-ю кавалерійскую дивизію, случайно пришлось видѣть только что прибывшій съ Дону 30-й полкъ, задержанный ледоходомъ на Днѣстрѣ; онъ долженъ былъ оставаться нѣсколько дней въ Тирасполѣ. Со временемъ судьба включила его въ составъ 1-й бригады Кавказской дивизіи. Поэтому, я могу судить о томъ, въ какомъ видѣ онъ пришелъ въ дѣйствующую армію и до какой степени благосостоянія онъ былъ доведенъ въ іюнѣ 1877 года.

Можетъ быть я не имѣю права посягать на скромность полковаго командира и проводить свое сужденіе о дѣлѣ, мало касающемся службы. Но, заносъ въ свой дневникъ все то, что служило основаніемъ дѣйствій нашей конницы, позволяю себѣ сказать, что командира 30-го полка слѣдовало бы отдать подъ судъ за то, что онъ позволялъ себѣ тратить на

*) Приказъ отъ 15-го мая.

нужды полка много собственных денег. Этимъ онъ могъ тяготѣть надъ людьми малоимущими или болѣе сдержанными въ своихъ сердечныхъ порывахъ.

Если товарищи осудятъ меня за то, что я выдалъ домашнее дѣло командира 30-го полка, то пусть же они и взвѣсятъ его настроеніе въ то время, когда онъ, по круговой оцѣнкѣ могъ быть заподозрѣнъ въ лихонимствѣ.

Отвѣтъ, посланный изъ Кавказской дивизіи на запросъ о причинѣ большого расхода людей, сколько помнится, не вызвалъ возраженія. Если бы начальникъ Журжевскаго отряда считалъ себя вправѣ не имѣть общаго резерва во Фратешти, то, по всему вѣроятію, оставленный нами Владикавказскій полкъ съ двумя сотнями осетинъ былъ бы придвинутъ къ дунайскому берегу. Но до прибытія подкрѣпленій, этого нельзя было сдѣлать; для облегченія же лошадей мы болѣе нуждались во времени, чѣмъ въ четвертомъ гарнцѣ овса. Одна только конно-горная батарея могла быть снята съ постовъ и собрана въ Журжѣ и поэтому она была сосредоточена въ ней.

Между тѣмъ жалобы румынъ на бѣдствія, причиняемые турками береговымъ жителямъ, вѣроятно были довольно настойчивы, потому что вызывали подтвержденія высшаго начальства о бдительномъ охраненіи ихъ. Такъ, въ приказѣ отъ 19-го мая, было подтверждено о безотлагательномъ принятіи мѣръ къ охраненію румынскаго берега Дуная; къ прекращенію грабежей и звѣрствъ, совершаемыхъ мелкими партіями турецкихъ войскъ *).

Вѣроятно они происходили въ мѣстахъ расположенія другихъ отрядовъ, но у насъ ни единый человѣкъ не былъ пропущенъ и нападеній не было, за исключеніемъ единственнаго случая напротивъ Гаужанъ; тѣмъ не менѣе, съ нашей стороны было приступлено къ принятію мѣръ для болѣе близкаго соприкосновенія съ турками, и мѣры эти клонились къ занятію нами острововъ Дуная. Но, для занятія ихъ, слѣдовало убѣдиться, на сколько они затоплены водою. Съ этою цѣлью, охотникамъ было разрѣшено пробираться въ ночное время къ островамъ.

Большую часть такихъ поѣздокъ совершилъ Туркестанской стрѣлковой бригады капитанъ Масловъ, состоящій въ распоряженіи начальника Журжевскаго отряда и Кубанскаго полка хорунжій Свидинъ; но всѣ поѣздки одинаково подтверждали, что острова залиты водою выше пояса человѣка. Но такъ какъ вода постепенно спадала, то могла наконецъ явиться возможность занять острова и нужно было имѣть для этого подъ рукою сколько-нибудь достаточную силу, которой у насъ пока не было;

*) Приказъ отъ 19-го мая.

но 17-го мая осуществилась возможность нашего подкрѣпленія. Во Фра-тешти прибыла 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи и Владикавказскій полкъ съ двумя сотнями осетинъ былъ выдвинутъ на берегъ Дуная. Съ прибытіемъ ихъ, можно было уменьшить участки нашего наблюденія и по-тому въ приказѣ по журжевскому отряду отъ 17-го мая было предписано:

а) «Владикавказскому полку и Осетинскому дивизиону занять про-странство отъ Бошора до Малу-де-Жосъ, подъ начальствомъ полковника Вульфферта; б) Кубанскому полку—стянуться отъ Малу-де-Жоса до Журжи, отдѣливъ отъ себя двѣ сотни въ непосредственное распоряженіе штаба журжевскаго отряда; в) 13-му стрѣлковому баталіону—ставъ въ Слободзеѣ вступить въ составъ отряда, тамъ находящагося подъ начальствомъ полковника Тутолмина».

Прочіе части Журжевскаго отряда оставались пока въ прежнемъ со-ставѣ. Но находившаяся въ Слободзеѣ сотня пластуновъ, приказомъ отъ 20-го мая, переведена въ составъ отряда полковника Орлова. Тамъ, у Бронни-танскаго лѣса вода спадала съ материка и лѣсистые острова той мѣстности могли быть, хотя отчасти, заняты пѣхотой. Поэтому въ вѣдѣніе командира 30-го полка и были отданы обѣ сотни пластуновъ.

Въ теченіе всего этого времени не прекращалось усиленное, безоста-новочное движеніе войскъ въ Рушукѣ. Случалось, что нѣсколько парохо-довъ разомъ ходили вверхъ и внизъ съ тяжелыми грузами; слышно было по звуку, что они сваливали что-то за островомъ, лежащимъ противъ Рушука ближе къ Слободзеѣ. Временами слышался какъ бы стукъ топо-ровъ и можно было предположить, что тамъ производится какія-либо ра-боты. Къ большому лагерю, расположенному на западной сторонѣ Рушука, подходили обозы съ сѣномъ; въ большомъ редутѣ появились склады ту-ровъ и фасоли. Мониторъ, неотлучно стоялъ передъ Слободзеей, дере-вянные суда всѣхъ величинъ были собраны передъ нами; количество ихъ измѣнялось на нѣсколько часовъ, но видимо было, что Рушукъ служилъ имъ мѣстомъ сбора. Для вывода средняго числа ихъ, привожу дневное до-несеніе сторожевыхъ постовъ отъ 20-го мая, въ которомъ обозначено число судовъ.

Передъ Слободзеей: 1 мониторъ; у восточной стороны Рушука 3 паро-хода, 6 парусныхъ судовъ; западнѣе Рушука за Восточнымъ островомъ до 12 парусныхъ судовъ; за Западнымъ островомъ: до 60 двухмачтовыхъ судовъ, до 20 одномачтовыхъ лодокъ. Итого 1 мониторъ, 3 парохода, 98 парусныхъ.

Послѣдствія показали, что турки не намѣрены были воспользоваться парусными судами для посѣщенія нашего берега; но въ описываемое время мы на нихъ смотрѣли, какъ на средство для высадки на нашъ

берегъ, хотя помимо высадки на нашу сторону, они могли занять острова, съ цѣлью обстрѣливать береговую дорогу, т. е. нашъ кратчайшій путь сообщенія.

Вода спадала и слѣдовало не пропустить возможности занять острова ранѣ турокъ. Но всѣ имѣвшіяся доселѣ свѣдѣнія свидѣтельствовали еще о глубинѣ воды.

23-го Мая.

Заново отдѣльнымъ разсказомъ день 22-го числа, памятный въ томъ отношеніи, что начальникъ штаба Журжевскаго отряда, лично отправился на рекогносцировку большого острова противъ Рушукъ.

Соскучивъ однообразными донесеніями о наводненіи острововъ, онъ пожелалъ убѣдиться въ справедливости свѣдѣній. Такъ какъ подобнаго рода предпріятія не подлежатъ огласкѣ, то съ утра 22-го числа никому не было и сообщено о предстоящемъ путешествіи къ туркамъ; но часовъ въ одиннадцать вечера, пріѣхали ко мнѣ въ Слободзею изъ Журжи капитаны: Сахаровъ и Масловъ. Привыкнувъ къ самымъ разновременнымъ служебнымъ пріѣздамъ своего начальства, я принялъ ихъ посѣщеніе за простую повѣрку ночныхъ объѣздовъ.

Но я не мало былъ удивленъ переданнымъ мнѣ приказаніемъ приготовить легчайшую изъ имѣвшихся у насъ лодокъ и извѣстіемъ о томъ, что сейчасъ прибудетъ генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й для осмотра острова. Гребцами назначены были пластуны. Къ двѣнадцати часамъ ночи пріѣхалъ начальникъ штаба, вмѣстѣ съ прусскимъ военнымъ агентомъ, полковникомъ Лигницомъ. Всегда всюду поспѣвавшій во время, полковникъ Лигницъ, какъ будто чуялъ, что не даромъ онъ прокатится и въ Журжу. Онъ только что прибылъ въ нее изъ Главной Квартіры и попалъ вовремя. Не совсѣмъ намъ правилась поѣздка генерала подъ мониторомъ; стыдно было бы Журжевскому отряду потерять подъ глазами своего начальника штаба, не будучи въ состояніи и помочь ему въ крайности. Но Михаила Дмитріевича можно еще было отговаривать отъ этой поѣздки; пуститься-же въ разговоры съ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, отдавшимъ приказаніе, значило не знать своего начальника; не однимъ намъ, но и казакамъ не по душѣ была эта поѣздка. Личные охотники до подобныхъ прогулокъ, они какъ-то молча отнеслись къ отданному приказанію; поэтому несмотря на всю строгость начальника штаба, ему пришлось посердиться на нѣкотораго рода ослушаніе. Онъ не могъ не замѣтить, что приготовленія какъ-то не клеятся. То лодка была тяжела и не сходила съ берега на воду, хотя, утромъ, она безъ труда была спущена однимъ



человѣкомъ; то весла скрипѣли—а это могло обнаружить и выдать охотниковъ; но все эти препятствія исчезли, когда генераль Скобелевъ объявилъ, что онъ не отложитъ своей поѣздки. Наконецъ, лодка отчалила и генераль Скобелевъ, Лигницъ, Сахаровъ и Масловъ съ пятью казаками стали огибать берегъ Слободзеи.

Еслибы лодка была обнаружена, то ей слѣдовало уходить къ предѣлу досягаемости нашихъ выстрѣловъ, и потому посты на берегу были усилены. Ночь была темная, но совершенно тихая. Ни единого звука не доносилось со стороны Рушукъ. Осторожность гребцовъ должна была быть удвоена при этомъ невозмутимомъ успокоеніи, всегда кипучей дѣятельности рушукскаго участка Дуная. Лодка скользила вдоль берега и трудно было ее различить въ темнотѣ далѣе десяти-саженъ разстоянія; но вотъ она начала отдѣляться къ серединѣ Дуная, взявъ направленіе на западную оконечность большаго острова. Красный фонарь монитора былъ единственнымъ свѣтиломъ этой ночи, и только, въ освѣщенной имъ узкой полосѣ воды, была замѣтна маленькая зыбь; каждая точка, попавшая въ это пространство, была видна на далекомъ разстояніи, а лодкѣ пришлось перерѣзать эту свѣтлую полосу.

Тихо, безъ малѣйшаго плеска, разрѣзала она ея предѣльную черту и все, въ ней сидѣвшіе, мгновенно были освѣщены лучами фонаря. Внѣшнее спокойствіе ихъ не было нарушено; гребцы беззвучно разрѣзали зыбь Дуная, но сильно забилося сердце у тѣхъ, кто стоялъ на берегу. Все были убѣждены въ томъ, что часовой на мониторѣ долженъ былъ видѣть эту лодку. Но, быть можетъ, вниманіе его было привлечено въ другую сторону и выстрѣла не раздалось; лодка снова скользнула въ темную ширь рѣки и окончательно скрылась изъ глазъ слѣдившихъ за нею. Тамъ она должна была направиться въ ближайшіе кусты къ нашему берегу и небольшимъ протокомъ, извѣстнымъ уже капитану Маслову, выйти на высоту Жури. Все по прежнему было беззвучно; но вдругъ раздался лай собаки и вслѣдъ за нимъ сверкнулъ ружейный выстрѣлъ. По счастью, это былъ единичный, можетъ быть случайный или запоздалый выстрѣлъ. Осмотръ острова былъ оконченъ благополучно и начальникъ штаба лично убѣдился въ томъ, что островъ затопленъ водою и что, по выраженію генерала Скобелева 2-го, на немъ нѣтъ и слѣда турокъ.

29-го Апрѣля.

По мѣрѣ того, какъ служба освоивала насъ съ близостью турокъ, мы все болѣе и болѣе изучали укрѣпленія Рушукъ.

Приказомъ по Журжевскому отряду было предписано—доставлять въ штабъ его ежедневныя свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ, замѣченныхъ у турокъ въ теченіи сутокъ. Съ этою цѣлью было назначено два особыхъ поста, на которыхъ была возложена обязанность вести письменный отчетъ ежедневныхъ наблюденій. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ на колокольнѣ Слободзеи, другой—на самомъ берегу Дуная, противъ монитора. Этотъ послѣдній имѣлъ преимущественное значеніе для моряковъ. Два матроса гвардейскаго экипажа жили на немъ безсмѣнно и снабженные великолѣпною трубой, чрезвычайно облегчали наши наблюденія. Благодаря морякамъ, избравшимъ Слободзею главнымъ мѣстомъ своихъ наблюденій, мы могли дать себѣ подробный отчетъ въ производствѣ военныхъ работъ у Рушука; морская труба давала намъ возможность различать подробности внутренняго устройства наружныхъ укрѣпленій и обнаруживала, невидимое нами въ бинокль, расположеніе передовыхъ турецкихъ укрѣпленій.

Мало-по-малу Слободзея начала привлекать къ себѣ и посѣтителей, желавшихъ изучить и полюбоваться Рушукомъ. Однимъ изъ первыхъ, пріѣхавшихъ къ намъ съ этою цѣлью, былъ тотъ-же полковникъ Лигница. Вернувшись раннимъ утромъ, 23-го числа, изъ ночной поѣздки на турецкій островъ, онъ въ восемь часовъ утра уже былъ въ Слободзеѣ.

Конечно, посѣщеніе полковника Лигница не относится къ службѣ Кавказской бригады; но заносу его въ дневникъ, какъ примѣръ дѣятельности и служебной исполнительности военнаго агента иностранной державы. Не далѣе, какъ вчера онъ былъ въ Слободзеѣ; многіе изъ насъ его видѣли съ начальникомъ штаба нашего отряда; наконецъ, мы знали его лично, слѣдовательно, онъ могъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что не встрѣтитъ съ нашей стороны препятствій къ осмотру Рушука. Тѣмъ не менѣе прусскій военный агентъ поступилъ иначе. Онъ явился къ намъ съ письменнымъ разрѣшеніемъ начальника штаба допустить его, полковника Лигница, къ осмотру Рушука въ мѣстахъ нашего расположенія. Взобравшись на колокольню, онъ какъ-бы не изучалъ, а провѣрялъ въ своей памяти уже извѣстное ему число укрѣпленій и орудій, которыя должны были находиться въ Рушукѣ. Удовлетворившись, повидимому, своими наблюденіями надъ восточною частью и серединою Рушука, онъ какъ-будто въ недоумѣніи остановился надъ западною его стороною. Признаюсь въ томъ, что я ждалъ этого недоумѣнія. Увѣренный, что свѣдѣнія пруссаковъ точнѣе нашихъ, я не желалъ упустить случая провѣрить себя относительно опредѣленія мѣста впаденія рѣки Лома въ Дунай. Оно было заставлено сплошнымъ рядомъ судовъ и челобѣку, не выдавшему устья Лома, трудно было обозначить его мѣсто. Моряки колебались

въ его опредѣленіи, а наблюденіе за нимъ было для насъ не безъ значенія. Взглядъ полковника Лигница остановился на этомъ мѣстѣ и я заговорилъ съ нимъ объ этомъ вопросѣ.

Послѣ того, что мы обмѣнялись обоюдными предположеніями, онъ вынулъ изъ своей записной книжки крошечное кроки и разсмотрѣвъ его, сдѣлалъ на немъ поправку. Мнѣ совѣстно было просить у него позволенія разсмотрѣть эти кроки; но я взглянулъ на него мелькомъ, на сколько это было возможно, и увидѣлъ рѣзкія черты нанесенныхъ на него турецкихъ укрѣпленій. Можетъ быть онъ успѣлъ это сдѣлать вчера въ Журжѣ, но, сколько мнѣ казалось, кроки было литографированное. Мы могли похвастать обиліемъ картъ, но не точностью ихъ. Въ нашемъ распоряженіи находились три карты. Двѣ изъ нихъ: русская—десяти-верстная и прусская—семи-верстная, были розданы отъ правительства; третья австрійская—семи-верстная была личнымъ приобрѣтеніемъ *).

Приобрѣтеніе всѣхъ трехъ картъ было почти неизбежно, потому что каждая изъ нихъ дополняла другъ друга; но съ другой стороны обладаніе разными картами нерѣдко порождало недоумѣніе. Случалось, что предписаніе, основанное на прусской картѣ, касалось лица, имѣвшего русскую карту; между тѣмъ означенное мѣсто или селеніе не всегда находились на обоихъ картахъ, или были обозначены разными именами.

Поэтому лицо, получавшее предписаніе, нерѣдко бывало поставлено въ затрудненіе при выборѣ своего направленія. Неудобства этого обстоятельства бывали тѣмъ ощутительнѣе, что не всѣ офицеры имѣли лично принадлежащія имъ карты.

Офицеръ, отправленный въ далекій разъѣздъ, бралъ съ собою одну изъ картъ и, за его отсутствіемъ, товарищъ не всегда имѣлъ возможность навести у себя подъ рукою необходимую для него справку.

24-го Мая.

24-го мая было ознаменовано второю бомбардировкою турокъ, преимущественно по румынскимъ частнымъ судамъ, стоявшимъ на якорѣ у Журжи. Если цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы попортить торговые суда, то турки не имѣли въ ней успѣха; такъ какъ они произвели лишь нѣсколько пробойнъ выше уровня воды. Если же они желали пристрѣлять свои орудія съ новыхъ батарей, только-что оконченныхъ противъ Журжи, то въ этомъ случаѣ они вполне достигли своей цѣли. Казарма, стоявшая за судами по направленію выстрѣловъ, была значительно повреждена ими;

*) По крайней мѣрѣ мною она была куплена въ частной продажѣ.

но занимавшія ея двѣ сотни Кубанскаго полка (1-я и 5-я) своевременно и безъ потерь были выведены изъ нея и поставлены внѣ выстрѣловъ. Бомбардировка продолжалась два часа времени; начатая въ пять часовъ утра, она окончилась въ семь, совершенно безвредно для Журжевскаго отряда.

Въ шестомъ часу утра, начальникъ отряда увѣдомилъ Главную Квартиру о началѣ бомбардировки и по этому поводу, въ тотъ же день, по приказанію Главнокомандующаго прибылъ къ намъ сынъ его, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій. Онъ имѣлъ приказаніе доложить о произведенныхъ разрушеніяхъ въ городѣ и о потеряхъ отряда; но къ счастью на этотъ разъ все обошлось благополучно.

Отъ 25-го до 31-го Мая.

По мѣрѣ прибытія нашихъ войскъ въ окрестности Журжи, приступлено было къ постепенному возведенію батарей на нашемъ берегу.

Мѣстомъ начала ихъ были избраны Мало-Рушѣ и Парапанѣ. Въ первомъ изъ нихъ была возможность заготовлять фашины и туры; во второмъ предназначалась постановка минныхъ загражденій. Для производства работъ въ Парапанѣ и прикрытія ихъ, туда были переведены два батальона Минскаго полка. Вслѣдъ за ними туда же былъ передвинутъ и 13-й стрѣлковый баталіонъ съ пѣшею горною батареею. Турки пока не мѣшали въ Парапанѣ; но 28-го числа открыли огонь по сапернымъ работамъ въ Мало-Рушѣ. И на этотъ разъ дѣло обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ; хотя гранаты осыпали саперовъ и ложились въ расположеніи 30-го полка. Донцы были отведены внѣ выстрѣловъ, а саперы работали подъ огнемъ, пока не возвели прикрытія для находившихся при нихъ двухъ орудій конно-горной батареей.

Одновременно съ работами на берегу, не прекращалось бдительное наблюденіе за спаденіемъ воды и изученіемъ теченія въ протокахъ Дуная. Последнее было необходимо для прохода въ нихъ минныхъ загражденій и въ ночь, съ 28-го на 29-е мая, Скрыдловъ съ В. Верещагинымъ благополучно обозначили вѣхами то направленіе, по которому векорѣ они вышли въ Дунай съ минами.

30-го Мая.

Съ 30-го числа началось постепенное стягиваніе Журжевскаго отряда къ Зимницѣ, т. е. къ мѣсту будущей переправы. 14-й стрѣлковый баталіонъ, занимавшій, какъ было сказано выше, Слободзею, получилъ приказаніе выступить изъ нея въ ночь съ 30-го на 31-е мая съ соблюденіемъ

крайней осторожности и безъ огласки направленія своего движенія. По маршруту онъ долженъ былъ двинуться на Бею. Можно было предположить, что его притягиваютъ къ мѣсту переправы, но никому изъ насъ не было извѣстно, гдѣ она была избрана. На освободившееся мѣсто 14-го стрѣлковаго баталіона пришелъ баталіонъ Минскаго пѣхотнаго полка и нашъ участокъ берега перешелъ въ вѣдѣніе начальства 14-й пѣхотной дивизіи; а командиръ ея 1-й бригады генералъ-маіоръ Іелшинъ, вскорѣ вступилъ въ завѣдываніе всѣмъ пространствомъ до Парапана включительно. Разливъ рѣки настолько шелъ на убыль, что на имѣвшихся у насъ лодкахъ не было уже возможности проѣхать до Дуная.

Поэтому, предположенная въ ночь съ 1-го на 2-е іюня новая поѣздка для осмотра острова не могла состояться и пространство отъ него до Слободзеи дѣлалось для насъ недоступнымъ препятствіемъ. Плоскодонныхъ лодокъ у насъ не было, а глубокій затонъ Дуная въ серединѣ этого пространства препятствовалъ пѣшеходному сообщенію.

2-ое Іюня.

Разрозненная въ своемъ составѣ 2-я бригада Кавказской дивизіи, съ выбитіемъ ингушей, находилась въ неопредѣленномъ положеніи; наличныя шесть сотенъ ея были меньше бригады, но при нихъ оставались начальникъ 2-й бригады и командиръ Терско-Горскаго полка; т. е. оба они въ сущности не имѣли опредѣленнаго мѣста. Посему, приказомъ по войскамъ Дѣйствующей арміи отъ 23-го мая, объявленнымъ у насъ 2-го іюня, было предписано: «Владикавказскому полку и дивизиону осетинъ составить шестисотенный полкъ подъ начальствомъ командира Владикавказскаго полка полковника Левиса и присоединить его къ 1-й бригадѣ Кавказской дивизіи. Такимъ образомъ, оба Кавказскіе полка получили одинаковый шестисотенный составъ *), положившій основаніе будущей Кавказской бригадѣ.

Производившіяся до сихъ поръ топографическія работы и рекогносцировки нашего берега были окончены и Слободзея готовилась къ основательной оборонѣ. Отъ нашихъ полковъ потребованы были въ распоряженіе начальника инженеровъ Журжевскаго отряда, подполковника Плюцинскаго, всѣ наличныя лопаты и въ ночь съ 2-го на 3-е число были заложены осадныя батареи.

Роты, назначенныя на работу отъ полковъ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, приступили къ дѣлу, подъ руководствомъ саперъ 7-го бата-

*) Приказъ отъ 2-го іюня по Журжевскому отряду.

ліона; но проливной дождь, шедший во всю ночь и непроглядная темнота принудили прекратить работы раньше времени.

3-го Іюня.

3-го іюня онѣ были возобновлены и не прекращались до окончанія отдѣлки батарей безъ всякаго препятствія со стороны турокъ. Обѣ стороны были заняты своимъ дѣломъ и какъ бы не хотѣли мѣшать другъ другу, хотя въ первые дни силы наши были далеко не одинаковы. Турки могли препятствовать нашимъ работамъ своими крѣпостными орудіями, мы же пока оставались съ четырехфунтовыми пушками; но вскорѣ осадныя орудія были доставлены въ Слободзею и до окончанія постройки батарей, помѣщены за старыми турецкими окопами позади 10-й донской батареи.

Во все это время, наша служба шла своимъ установленнымъ чередомъ; но съ удвоенною осторожностью. Береговая дорога отъ западныхъ виноградныхъ садовъ Журжи до Парапана включительно, какъ проходившая вдоль возводимыхъ укрѣпленій, была обращена въ военную и по ней разрѣшено движеніе только для лицъ военныхъ или конвоируемыхъ военными *).

Предположеніе, что турки должны воспользоваться островами и занять ихъ для обстрѣливанія нашего берега, конечно беспокоило наше начальство. Поэтому, мы снова получили подтвержденіе, не упустить возможности занять лежащій противъ насъ островъ **); но по признакамъ спаденія воды и высотъ выходившаго изъ нея кустарника, можно было съ достовѣрностью заключить, что ранѣ десяти дней не представится возможности стать твердою ногою на островъ. Почва его была еще глубоко подъ водою.

Между тѣмъ, по разнымъ распоряженіямъ можно было думать, что мѣсто и время переправы уже выбрано и находится выше Рушукъ, по близости нашего расположенія. 14-я дивизія стягивалась по ночамъ, и минуя Слободзею, отходила отъ береговой дороги къ сѣверо-западу. Но вотъ, наконецъ, приказано было и намъ приготовиться къ походу и по возможности облегчить выюки.

Съ этою цѣлью предписано было взять съ собою только необходимыя для казаковъ вещи; все же сколько-нибудь лишнее сдать на сохра-

*) Приказаніе отъ 1-го іюня, № 27, по Журжевскому отряду.

**) Приказаніе отъ 5-го іюня.

неніе военнаго начальника станціи Журжевской желѣзной дороги *). Выступленіе наше предполагалось чрезъ нѣсколько дней и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи **) должна была занять наши мѣста. Рижскій драгунскій замѣнялъ 30-й Донской полкъ, Чугуевскій уланскій становился на мѣстахъ Кавказскихъ полковъ.

7-го Іюня.

Три эскадрона Чугуевского уланскаго полка вступили въ Слободзею и заняли на первый день наши посты пополамъ съ казаками. Итакъ, мы должны были покинуть Слободзею, но намъ удалось еще присутствовать, при торжественномъ боѣ нашихъ моряковъ.

Въ ночь съ 7-го на 8-е іюля была рѣшена закладка миныхъ загражденій у Парапана и капитанъ перваго ранга Новиковъ предполагалъ окончить ее къ утру 8-го числа. Всѣмъ намъ приказано было оставаться на своихъ мѣстахъ и только начальникъ отряда со своимъ штабомъ выѣхалъ въ Парапанъ. Сочувственно и тревожно относились мы къ закладкѣ батарей въ Слободзеѣ; но сердце билось сильнѣе въ ожиданіи вѣстей изъ Парапана. На закладку батарей мы смотрѣли, какъ на дѣло домашнее и обыденное; но тамъ, въ Парапанѣ отнимали у турокъ владѣніе Дунаемъ, тамъ было настоящее начало войны. Успѣхъ въ Парапанѣ стоялъ въ нашихъ глазахъ наравнѣ съ удачей переправы и боязнь о томъ, что турки воспрепятствуютъ постановкѣ минъ не давали покою. Ожидали-ли они въ этотъ день чего-нибудь угрожающаго съ нашей стороны, или просто по случайности, но внезапно, поздно ночью, въ Рушукѣ поднялась тревога. Весь берегъ противъ Слободзеи вспыхнулъ турецкими огнями и неумолкаемая ружейная стрѣльба затрещала передъ нами.

Она продолжалась добрыхъ минутъ двадцать, но орудія молчали. Удивила насъ турецкая тревога и невольно зародила мимолетное подозрѣніе: неужели ждутъ сегодня загражденій.

Видно не ошиблись румыны, предостерегавшіе насъ, что будемъ жить среди лазутчиковъ.

Но улеглась тревога, потухла яркая лента ружейныхъ огней и снова воцарилась тишина вплоть до Парапана. Что-то будетъ утромъ?

*) Приказаніе начальника отряда 7-го іюня.

**) Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

8-го Юня.

Рано поутру, раздались пушечные выстрѣлы въ ПарAPANЪ; отъ насъ былъ видѣнъ дымъ орудій съ турецкаго парохода; но въ кого онъ стрѣлялъ, что тамъ дѣлалось, мы еще не знали.

Первое извѣстіе, полученное оттуда, было прислано отъ сотника Вѣнкова. Онъ сообщалъ, что мины поставлены на главномъ фарватерѣ Дуная. Я выражусь не точно, если скажу, что эта вѣсть насъ обрадовала; она произвела на насъ впечатлѣніе глубже. Она не вызвала нашихъ восторговъ, но мы почувствовали, что у насъ стало легко на душѣ. Около десяти часовъ утра, возвратился изъ ПарAPANА начальникъ отряда и подтвердилъ о загражденіи главнаго фарватера.

Переданныя имъ подробности заключались въ томъ, что турецкій пароходъ подошелъ къ ПарAPANу ко времени окончанія загражденія главной части фарватера.

Построенная на нашемъ берегу осадная батарея завязала съ нимъ артиллерійскій бой; подоспѣвшія турецкія полевые батареи открыли съ противоположнаго берега огонь по ПарAPANу.

Въ это время, лейтенантъ Скрыдловъ и В. В. Верещагинъ на паровой шлюпкѣ «Шутка», подъ градомъ пуль атаковали пароходъ. Въ испугѣ первой минуты пароходъ бѣжалъ отъ «Шутки». Скрыдловъ и Верещагинъ оба были ранены, но оставались на своихъ мѣстахъ и моряки успѣли приложить къ пароходу мину, но мина не взорвалась. Оказалось, что проводники (провода) были перебиты пулями и «Шутка», будучи прострѣлена во многихъ мѣстахъ, осталась въ безпомощномъ положеніи. Тогда Скрыдлову пришлось отступать подъ губительнымъ огнемъ парохода и турецкихъ полевыхъ батарей. Ихъ маленькія гранаты поражали на пять верстъ послѣ вылета изъ дула орудія и изумляли вѣрностью своего паденія. Какъ нарочно, снаряды ложились подлѣ дома, занятого ранеными, но на столько благополучно, что новыхъ потерь не было. Вся же наша убыль ранеными во время боя «Шутки», какъ кажется, не превышала четырехъ человекъ. Скрыдловъ и Верещагинъ были въ томъ числѣ. Первый изъ нихъ былъ раненъ въ обѣ ноги и руку, второй и матросы—въ ноги.

Отважный подвигъ командира «Шутки» не разъ уже былъ подробно описанъ, но кажется нигдѣ не было упомянуто о томъ, что Скрыдловъ былъ одинъ изъ немногихъ лицъ, удостоенныхъ приговоромъ думы къ георгіевскому кресту на мѣстѣ боя. Свидѣтелями, подвига были георгіев-

скіе кавалеры: генераль-лейтенантъ Скобелевъ 1-й и генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й, полковникъ Вульфертъ и полковникъ Мольскій *).

На основаніи статута ордена св. Георгія, въ Парапанѣ была собрана дума изъ наличныхъ георгіевскихъ кавалеровъ и лейтенантъ Скрыдловъ былъ представленъ къ награжденію крестомъ св. Георгія 4-й степени. Онъ и Верещагинъ были первые наши раненые, если можно включить моряковъ въ составъ нашего отряда. Послѣ того, какъ турецкій пароходъ убѣдился въ загражденіи главнаго фарватера Дуная, онъ отошелъ на высоту Слободзеи и сталъ на якорѣ подъ самымъ берегомъ выше устья рѣки Лома. Незнакомый съ морскимъ дѣломъ, я не могу утверждать былъ ли онъ поврежденъ выстрѣлами нашей осадной батареи въ Парапанѣ, или нѣтъ; но видно было, что на немъ происходила какая-то работа.

Шлюпки останавливались подлѣ его борта, казалось, что онъ окружалъ себя минами. По крайней мѣрѣ мы такъ думали, потому что черезъ нѣсколько времени въ недалекомъ отъ него разстояніи поднялось нѣсколько послѣдовательныхъ водяныхъ взрывовъ и мы предположили, что турки пробуютъ свои мины. Одновременно съ этимъ, какъ бы въ отместку за Парапанъ, изъ Рущука была открыта бомбардировка по Слободзеѣ, но и на этотъ разъ обошедшаяся безъ потерь съ нашей стороны.

9-го Юня.

Въ ночь съ 9-го на 10-е іюня Кубанскій и Владикавказскій полки съ обѣими конными батареями выступили съ мѣстъ своего расположенія въ Гогошары-Ноу; туда же къ 11-му числу долженъ былъ прибыть 30-й Донской полкъ полковника Орлова изъ Малоруша. Движеніе приказано было произвести по возможности скрытно, не обнаруживая замѣны нашихъ постовъ уланами, которые рѣзко отличались отъ насъ одеждою. Съ этою цѣлью, казакамъ приказано было смѣниться за часъ до нашего выступленія. Ровно въ девять часовъ вечера мы выступили изъ Слободзеи.

10-го Юня.

Въ три съ половиною часа утра, Кубанскій полкъ вступилъ въ Гогошары-Ноу. Дивизіонъ Осетинъ прибылъ туда нѣсколько раньше, а къ семи часамъ утра подошелъ и Владикавказскій полкъ.

*) Командиръ Минскаго полка, расположеннаго въ Парапанѣ.

11-го Юня.

11-го числа всё три полка 1-й бригады Кавказской дивизии соединились въ Гогошары-Ноу и около шести шести часовъ вечера выступили въ Бею. Подойдя къ ней въ одиннадцать часовъ ночи, мы увидѣли огни на раскинутыхъ бивуакахъ и узнали, что здѣсь собраны войска, которыя завтра выступятъ на переправу черезъ Дунай у Зимницы.

Тутъ стояли: 14-я пѣхотная дивизія генерала Драгомирова, 4-я стрѣлковая бригада генерала Цвѣцинскаго, съ друмя ротами пластуновъ, седьмой саперный баталіонъ и гвардейская полурота конвоя Его Величества.

12-го Юня.

Послѣ полудня 12-го числа, генераль Драгомировъ со всеми вышепоименованными частями выступилъ въ Зимницу; за нимъ пошла 9-я дивизія.

Мы двинемся завтра.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ переправы до первой Плевны.



I.

Передовой отрядъ и Кавказская бригада. Переправа.

Три полка Кавказской казачьей дивизіи, утромъ 15-го іюня, выступили изъ Беи въ Зимницу *). Что-то будетъ, что насъ ожидаетъ? Удалось ли Драгомирову? Вотъ вопросы, на которые боялись отвѣчать въ нашихъ рядахъ. Боялись потому, что не хотѣлось услышать вѣсти о неудачѣ переправы и страшно было связать съ нею начало нашего дѣла.

Въ каждомъ облачкѣ подорожной пыли, мы готовы были видѣть вѣстника неудачи, и боязливо припоминались слова людей, недовѣрчиво относившихся къ успѣху переправы.

Но вотъ на пути оттуда показался пѣхотинецъ, нѣсколько человѣкъ подъѣхало къ нему.—«Что?» былъ единственный вопросъ, такъ какъ слово «переправа» замирало на устахъ.

— Наши уже тамъ, на берегу; я иду въ Бею за вещами.

— На какомъ берегу?

— На турецкомъ; ночью сбили ихъ и наши теперь въ городѣ.

Вотъ первая вѣсть, переданная намъ, сколько помнится санитаромъ или фельдшеромъ, посланнымъ въ Бею изъ 14-й дивизіи. Сообщена она намъ покойно, равнодушно, какъ бы обыденное дѣло; но отъ души сотворенное крестное знаменіе осѣнило пыльные лица казаковъ и «слава

*) 30-й Донской, 2-й Кубанскій, Владикавказскій съ дивизиономъ, Осетинъ, 10-я Донская и 1-я конно-горная Донская батареи.

Богу», «ай да молодцы» пробѣжало по рядамъ, насторожившимъ слухъ къ разсказу пѣхотинца.

Въ двѣнадцатомъ часу дня мы разбили коновязи на широкомъ полѣ, позади восточной стороны Зимницы и каждый, кому служба позволяла, направился къ Дунаю, Крутой, песчаный спускъ къ мѣсту переправы кипѣлъ народомъ, и солнце жгло немилосердно запыленные ряды переправлявшейся пѣхоты. Молчаливо, хладнокровно двигалась она въ облакѣ стоявшей пыли и только блескъ ея холоднаго штыка внушительно сверкалъ надъ шумною толпою; казалось, только онъ одинъ, этотъ холодный, твердый штыкъ, какъ будто не глядѣлъ на тотъ крутой обрывъ турецкой стороны, который, нѣсколько часовъ тому назадъ, былъ мѣстомъ смерти и безсмертья.

Длинные шатры подъ значками «Краснаго Креста» раскинулись по Зимницѣ и были полны тѣми, кто заплатилъ своею кровью первый шагъ давно желаннаго успѣха. Многимъ изъ насъ судьба готовила ту же участь, скрывая ее въ приманкѣ грядущаго боя; но это грядущее было еще далеко, а потребности похода вызывали заботы о разрѣшеніи вопросовъ насущной необходимости. Минуты досуга проявлялись внезапно и потому впечатлѣнія ихъ были глубже.

Такъ, врядъ ли забудутъ свидѣтели этого дня потрясающее, сердечное ура, гремѣвшее на встрѣчу Государя, въ это же утро прибывшаго въ Зимницу. Но и это неудержимое выраженіе искренняго привѣта стихнуло предъ шатрами «Краснаго Креста», когда Государь вошелъ въ среду раненыхъ. Эта минута была полна благоговѣйнаго умиленія и тихаго, душевнаго торжества.

Въ первый же день прибытія 1-й бригады Кавказской дивизіи подъ Зимницу, подошли къ ней и донскіе полки Чернозубова; но дивизія соединилась только на нѣсколько дней, потому что черезъ три дня произошли въ ней новыя перемѣны, уничтожившія названіе Кавказской казачьей дивизіи.

Изъ виду необходимости имѣть самостоятельный кавалерійскій отрядъ, четыре кавалерійскихъ бригады были назначены подъ начальство состоявшаго при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ генераль-лейтенанта Гурко. Штабу бывшей Кавказской дивизіи приказано составить штабъ этого вновь созданнаго кавалерійскаго отряда. Временно, до прибытія генераль-лейтенанта Гурко, отрядомъ командовать генераль-маіору Рауху.

Въ каждую кавалерійскую бригаду были распредѣлены офицеры генеральнаго штаба и одинъ изъ нихъ, капитанъ Стромилловъ, назначенъ въ Кавказскую бригаду.

Нѣсколько позднѣе описываемаго времени начальникомъ штаба этого отряда назначенъ полковникъ Нагловскій.

Всѣ бригады, вошедшія въ составъ этого отряда, были наименованы по роду своего оружія, называясь: драгунская, сводная, донская и кавказская; каждая изъ нихъ состояла изъ полковъ:

1) Драгунская: 8-й Астраханскій драгунскій, 9-й Казанскій драгунскій и 16-я конная батарея, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника герцога Евгенія Лейхтенбергскаго.

2) Сводная: 9-й Кіевскій гусарскій, 30-й Донской и 10-я Донская батарея, подъ начальствомъ Свиты Его Величества генераль-маіора герцога Николая Лейхтенбергскаго.

3) Донская: 21-й и 26-й Донскіе и 15-я донская батарея, подъ начальствомъ полковника Чернозубова.

4) Кавказская: 2-й Кубанскій, Владикавказско-Осетинскій и 1-я Донская конно-горная батарея, подъ начальствомъ полковника Тутолмина.

Регулярные полки этихъ бригадъ были въ четырехъ-эскадронномъ составѣ; казаки—въ шести-сотенномъ и батареи въ шести-орудійномъ составѣ *).

Итого кавалерійскій отрядъ генерала Гурко заключалъ: двѣнадцать эскадроновъ тридцать сотенъ, восемнадцать четырехъ-фунтовыхъ орудій, шесть горныхъ орудій.

Къ отряду было придано парковое отдѣленіе, образованное **) для Кавказской казачьей дивизіи.

Сверхъ того къ составу этого отряда были присоединены: 4-я стрѣлковая бригада—четыре батальона и двѣ роты пластуновъ.

Четырнадцать горныхъ орудій ***).

Болгарское ополченіе—шесть дружинъ.

Гвардейскій полу-эскадронъ конвоя Его Величества, собранный изъ полковъ гвардейской кавалеріи.

Весь отрядъ наименованъ «передовымъ отрядомъ»

Образованіе такого отряда не могло не улыбаться каждому изъ насъ, въ виду непосредственнаго соединенія пѣхоты съ самостоятельными си-

*) Кавказская бригада перешла Дунай въ составѣ тысячи пятисотъ семидесяти казаковъ въ обоихъ полкахъ. Вычитая трубачей, урядниковъ, вьючныхъ и обозныхъ, каждую сотню можно будетъ принять дѣйствительною силою въ сто человекъ, т. е. двѣнадцать съ половиною рядовъ во взводѣ. Конно-горная батарея имѣла на лицо двѣсти тридцать четыре казака.

**) Приказомъ по дѣйствующей арміи отъ 25-го Января 1877 года.

***) Два потонуло при переправѣ потому вмѣсто шестнадцати, осталось четырнадцать.

лами конницы, и потому насъ радовала предстоящая возможность хорошей работы. Въ описываемое время, мостъ черезъ Дунай еще не былъ готовъ и пѣхота безостановочно перевозилась на судахъ, такъ какъ необходимость упорной обороны вновь занятого турецкаго берега, требовала возможно большаго сосредоточенія на немъ ея силы.

Но, съ другой стороны, она, по отсутствію при ней конницы, оставалась тамъ въ невѣдѣніи возможнаго на нее турецкаго наступленія. Для возможнаго уменьшенія этого затрудненія, въ первый же день переправы, была переведена туда часть Донскаго 23-го полка полковника Бакланова, которому выпало столько утомительной работы въ окрестностяхъ, что онъ не могъ освѣщать мѣстность дальними разѣздами. Поэтому сознавалась необходимость имѣть на томъ берегу больше конницы, а средствъ къ переправѣ ея не имѣлось, такъ какъ всѣ перевозочныя суда были заняты пѣхотою. Переправа вплавь была бы однимъ изъ средствъ въ этой помощи и она была предложена на обсужденіе бывшимъ начальникомъ штаба Журжевскаго отряда Свиты Его Величества генераль-маіоромъ Скобелевымъ 2-мъ.

Предложеніе это было сдѣлано для переправы всей Кавказской казачьей дивизіи, которая, за неприбытіемъ первыхъ трехъ бригадъ пердеваго отряда, оставалась еще подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Скобелева 1-го. Слѣдовательно, онъ могъ взять на себя отвѣтственность—разрѣшивъ охотникамъ побробовать свои силы. Разумѣется, охотниками явились всѣ, еслибы послѣдовало на то общее приказаніе, но—приказать переплыть водную равнину Дуная безъ пробы, было бы крайне неосмотрительно; потому, для опыта переправы, было разрѣшено назначить тридцать человѣкъ осетинъ и казаковъ Владикавказскаго полка. Вмѣстѣ съ ними пожелалъ переплыть генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й и два офицера Владикавказскаго-Осетинскаго полка.

Направленіе переправы было выбрано нѣсколько выше наводимаго моста, противъ не занятого войсками и пантонами острова. Расположенный въ шестидесяти или семидесяти саженьяхъ отъ берега, онъ дѣлилъ плутораверстную ширину переправы на двѣ неравныя части и могъ служить мѣстомъ отдыха, послѣ перваго приѣма переправы. Съ разрѣшенія начальника переправы, генераль-маіора Рихтера, дозволено было употребить подъ одежду, выюки и оружіе небольшія частныя лодки, собранныя въ достаточномъ количествѣ въ ближайшемъ къ Зимницѣ рукавѣ Дуная.

Прибывъ къ назначенному мѣсту, пловцы раздѣлись, такъ какъ быстрота теченія и ширина рѣки уничтожили всякую возможность переправы въ одеждѣ и, затѣмъ, они поплыли къ острову, съ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ во главѣ. Небольшая лодка слѣдовала за Скобелевымъ 2-мъ, но

тѣмъ не менѣе этотъ опытъ чуть было не стоилъ ему жизни, хотя онъ съ однимъ изъ казаковъ съ трудомъ, но доплылъ до праваго берега Дуная.

Казалось, что добрый конь генерала нѣсколько разъ выбивался изъ силъ и сердце замирало у насъ на берегу, когда глазъ терялъ въ широкой зыби, какъ бы нырявшихъ пловцевъ. Наконецъ, двѣ далекія другъ отъ друга точки, начали увеличиваться, и въ бинокль можно было различить генерала Скобева 2-го, вышедшаго на правый берегъ Дуная. Оба пловца благополучно добрались до Систова.

Всѣ прочіе охотники были разбросаны у береговъ острова напоромъ теченія, и принуждены были вернуться обратно. Измученные люди и кони свидѣтельствовали объ опасности общей переправы вплавь, требовавшей столько же времени, какъ и выжиданіе окончанія моста. Сколько помнится, этотъ опытъ былъ произведенъ въ третьемъ часу пополудни 18-го іюня. Утромъ 20-го числа было получено приказаніе о началѣ переправы, въ слѣдующей постепенности:

- 1) Артиллерійскія части войскъ, переправившихся уже на тотъ берегъ.
 - 2) Обозы этихъ частей.
 - 3) Бригадамъ отдѣльнаго кавалерійскаго отряда:
 - а) Драгунской бригадѣ съ ея обозомъ;
 - б) Донской бригадѣ съ ея обозомъ. Бригадамъ этимъ, послѣ переправы, двинуться на Царевцу и присоединиться къ 4-й стрѣлковой бригадѣ, съ которою составить авангардъ и продвинуться до Турско-Сливо.
 - в) Кавказской бригадѣ съ ея обозомъ. Послѣ этого присоединиться къ 35-й пѣхотной дивизіи, и вмѣстѣ съ нею, продвинуться до Дели-Сули;
 - г) Сводной бригадѣ изъ 9-го гусарскаго Кіевскаго и Донскаго казачьяго № 30-го полковъ съ 10-ю Донскою батареей. Бригадѣ этой присоединиться къ стрѣлковой бригадѣ.
 - 4) Болгарскому ополченію, которому направиться на соединеніе со стрѣлковою бригадой.
 - 5) Паркамъ: стрѣлковой бригады; отдѣленію парка, состоявшему при Кавказской дивизіи, и парковому отдѣленію, образованному для драгунской бригады. Паркамъ 8-го корпуса и 35-й пѣхотной дивизіи.
 - 7) 12-й кавалерійской дивизіи;
 - 8) 33-й пѣхотной дивизіи.
 - 9) Штабу 12-го армейскаго корпуса и 37-му казачьему Донскому полку.
 - 10) 12-й пѣхотной дивизіи.
 - 11) Корпусной артиллеріи 12-го корпуса.
 - 12) Паркамъ 12-го корпуса и 6-му телеграфному парку.
- 12-му корпусу, послѣ переправы, продвинуться до с. Винограды, Въ вышеизложенномъ порядкѣ, войска должны подходить къ Зимницѣ и

останавливаться у спуска къ первому мостику, устроенному на парусинныхъ понтонахъ черезъ затонъ Дуная.

Дальнѣйшее движеніе по переправамъ и порядокъ самой переправы приказано исполнять только—по распоряженію начальника 3-й саперной бригады генераль-маіора Рихтера—безъ приказанія котораго ни одна часть не имѣетъ права тронуться съ мѣста. Наблюденіе за порядкомъ, во время движенія по мостамъ, возлагалось на генераль-маіора Зарубаева, назначеннаго комендантомъ переправы.

Для наблюденія за порядкомъ, во время перехода войскъ черезъ островъ Адду, генераль-маіору Рихтеру приказано назначить особаго штабъ-офицера, всѣ распоряженія котораго должны исполняться безпрекословно.

Опредѣленная послѣдовательность переправы, возлагала на каждую часть обязанность непосредственнаго освѣдомленія о часѣ ея вступленія на мостъ; посему отъ полковъ были посланы офицеры за приказаніями къ генераль-маіору Рихтеру. Но, несмотря на строжайшій порядокъ, накопленіе военныхъ повозокъ уничтожало возможность опредѣленія часа нашего вступленія на мостъ, и посему назначаемое для сего время, два раза измѣнялось. Въ первый разъ, оно было приблизительно опредѣлено для Кавказской бригады словами: поздно вечеромъ или рано утромъ; затѣмъ, второй разъ: подъемъ съ бивуака былъ ей назначенъ 21-го іюня въ девять часовъ утра.

Итакъ, завтра Кавказская бригада должна была соединиться съ 35-ю пѣхотною дивизіей и, вмѣстѣ съ нею, продвинуться до Дели-Сулы; но слѣдовало знать, гдѣ находится 35-я пѣхотная дивизія и куда намъ двинуться изъ Дели-Сулы.

Между тѣмъ, въ непосредственномъ средоточіи нашихъ справокъ, т. е. въ штабѣ передоваго отряда, положительныхъ указаній на это не имѣлось; по частнымъ же свѣдѣніямъ сообщалось, что Кавказская бригада можетъ быть получить отдѣльное назначеніе.

Замѣчу, что штабъ передоваго отряда подвергался въ это время различнымъ перемѣнамъ и не утвержденный окончательно въ своемъ составѣ, не всегда могъ дать положительныя указанія. Находившійся на лицо капитанъ Сахаровъ, видя наше затрудненіе, отправился въ полевой штабъ за приказаніями.

Пока разрѣшались эти вопросы въ полевомъ штабѣ, заваленномъ спѣшными работами, мы были обрадованы вѣстью о прибытіи къ намъ на бивуакъ Государя Императора. Все пріючистилось, пріодѣлось, и Кавказская бригада на рубежѣ войны, впервые предстала предъ лицо Государя. Подѣхавъ къ намъ въ коляскѣ Государь сѣлъ на коня и шагомъ объѣхалъ сотни, вытянутыя въ пѣшемъ строѣ на правомъ крылѣ коновязей; милос-

тивно разговаривалъ со многими изъ казаковъ, и освѣдомясь о времени, назначенномъ для переправы, благословилъ насъ за Дунай. На сердцѣ было легко и весело. Офицеры вскочили на коней и проводили Государа до Зимницы.

Въ этотъ же день мы получили приказаніе о сформированіи небольшого отряда конно-піонеръ, подъ начальствомъ полковника графа Роникера. Въ составъ его Кавказская бригада выдѣлила двадцать пять человѣкъ, подъ начальствомъ Владикавказскаго полка, есаула Фролова; общее же число конно-піонеровъ кажется не превышало сто пятьдесятъ человѣкъ, находившихся все время въ передовомъ отрядѣ у генерала Гурко.

21-го Іюня.

Рано утромъ 21-го числа, капитанъ Сахаровъ получилъ возможность доставить намъ ожидаемыя свѣдѣнія, сообщивъ, что 35-я пѣхотная дивизія находится у Царевицы.

Полученное черезъ него приказаніе, передавало Кавказскую бригаду въ распоряженіе командира 9-го корпуса, какъ только онъ переправится черезъ Дунай; а до того времени подчиняло ее начальнику 35-й дивизіи. Время послѣдовательнаго перехода нашей подчиненности было указано въ прилагаемомъ при семъ росписаніи:

ІЮНЬ.	КАВКАЗСКАЯ БРИГАДА.	35-я пѣхотн. дивизія.	9-й корпусъ.
21	Послѣ переправы присоединяется къ 35-й дивизіи у Дели-Сулы.	Занимаетъ Дели-Сулы и къ ней присоединяется Кавказская бригада.	—
22	Выдвигается на шоссе изъ Бѣла въ Плевно, до рѣки Осмы, остается въ вѣдѣніи начальника 35-й пѣхотной дивизіи.	Остается у Дели-Сулы.	—

ЮНІА.	КАВКАЗСКАЯ БРИГАДА.	35-я ПѢХОТН. ДИВИЗІА.	9-й КОРПУСЪ.
23	Остается на рѣкѣ Осмѣ, высылая развѣдочныя партіи.	Переходить на шоссе изъ Плевны въ Бѣлу близъ Овча-Могилы.	Переправа. Расположеніе у Систова на пути въ Плевну.
24	Остается на рѣкѣ Осмѣ и поступаетъ въ распоряженіе командира 9-го корпуса.	Остается на мѣстѣ.	Переходъ по пути на Плевну и Никополь.
25	Получаетъ направленіе по распоряженію командира 9-го корпуса.	Дѣлаетъ переходъ по направленію къ Бѣлѣ.	Съ Кавказскою бригадою направляется по распоряженію корпуснаго командира.

Но выдѣлялись ли мы совершенно или временно изъ передоваго отряда, гдѣ расположится 9-й корпусъ и гдѣ будутъ находиться бригады передоваго отряда, мы должны были узнать и розыскать на походѣ.

Въ надеждѣ, что все дѣлается къ лучшему, мы поднялись съ бивуака въ девять часовъ утра 21-го іюня и остановились у спуска къ понтонному мосту. Но парки и обозы предшествовавшихъ частей, снова замедлили переправу и мы только, во второмъ часу пополудни, могли вступить на мостъ.

Сотни переправлялись справа рядами, имѣя лошадей въ поводу. Казаки шли по краямъ моста, кони были въ серединѣ. 1-я сотня Кубанскаго полка шла въ головѣ бригады; за Кубанскимъ полкомъ слѣдовала батарея, за нею Владикавказскій полкъ и Осетины; затѣмъ переправился обозъ.

По мѣрѣ того, какъ сотни вступали на берегъ, онѣ подымались по крутому песчаному берегу и сворачивали на большую тырновскую дорогу. Здѣсь, въ двухъ верстахъ отъ Систова, собирались и ожидали окончанія переправы. Песчаный, извилистый подъемъ, густая пыль подъ знойными лучами утомляли упряжныхъ лошадей и растягивали движеніе обоза, такъ что бригада могла двинуться на Царевцу только въ пять часовъ пополудни. Но предшествующіе обозы, которыхъ не было возмож-

ности обогнать и тутъ заставляли насъ двигаться столь медленнымъ шагомъ, что мы только подъ вечеръ подошли къ Царевѣ.

Здѣсь мы застали одинъ изъ полковъ 35-й дивизіи, располагавшійся на ночлегъ; прочіе ея полки, незадолго до нашего прихода выступили по дорогѣ на Турску-Сливу и, по всему вѣроятію, должны были почевать гдѣ-нибудь невдалекѣ по этому направленію. Съ ними находился и начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи. Узнавъ о выступленіи пѣхоты на Турску-Сливу, можно было предположить, что она оттуда направится на Дели-Сулу; но, по показанію нашего проводника *), ближайшій путь на Дели-Сулу сворачивалъ отъ Царевѣ круто направо черезъ Болгарску-Сливу, а не черезъ Турску-Сливу. Провѣрить же проводника по картѣ не было никакой возможности, такъ какъ на двухъ имѣвшихся у насъ картахъ: Каница и русской—ни одной дороги въ Дели-Сулу не обозначено.

Жители поддерживали показанія проводника и сверхъ того утверждали, что деревня Дели-Сула занята черкесами. О послѣднемъ извѣстіи сообщили и наши разъѣзды, продвинутые по дорогѣ на Булгарску-Сливу. До Дели-Сулы оставалось еще верстъ девять ночнаго, неизвѣстнаго намъ пути. Если пѣхота рѣшилась ночевать въ окрестностяхъ Царевѣ, то было естественно и намъ дожидаться утра у Царевѣ, дабы не имѣть дѣла съ черкесами ночью, еслибы оказалось, что Дели-Сула дѣйствительно занята ими.

Слѣдовательно, надо было удостовѣриться—дойдетъ ли сегодня до Дели-Сулы хоть часть 35-й пѣхотной дивизіи. По сему, за отсутствіемъ въ Царевѣ начальника 35-й дивизіи, къ нему наряженъ былъ офицеръ (сколько помнится, Кубанскаго полка хорунжій Милошевичъ), съ словеснымъ докладомъ о прибытіи Кавказской бригады, о сообщенномъ намъ кратчайшемъ направленіи на Дели-Сулу, о слухѣ присутствія въ ней черкесовъ и о назначеніи мѣста для ночлега, если намъ не будетъ приказано тотчасъ двинуться на Дели-Сулу.

Отвѣтъ начальника 35-й пѣхотной дивизіи былъ доставленъ намъ въ глубокія сумерки **); но онъ былъ выраженъ не приказаніемъ, а въ видѣ частнаго одобренія нашего предположенія почевать у Царевѣ. Отзывъ этотъ, переданный на словахъ, не долженъ былъ бы быть (во

*) Этотъ проводникъ, по прозванію Вѣльчикъ, былъ присланъ въ Зимницу, какъ было сказано, заботливостью полковника Паренсова. Вѣльчикъ не отличался мягкосердіемъ ко всему турецкому, но былъ неоднократно въ высшей степени полезенъ намъ, какъ опытный проводникъ.

**) Отправленный къ нему офицеръ догналъ его по дорогѣ на Турску-Сливу.

избѣжаніе недоразумѣній), приведенъ здѣсь, какъ положительное доказательство; но привожу его только въ виду возможности заключить изъ него, что 35-й дивизіи не было еще сообщено о совмѣстномъ ея движеніи съ Кавказскою бригадою на Дели-Сулу, поэтому начальникъ ея не взялъ на себя отвѣтственность въ направленіи Кавказской бригады; мы же съ своей стороны не знали: пойдетъ ли 35-я дивизія на Дели-Сулу или нѣтъ?

Это недоразумѣніе поставило Кавказскую бригаду въ неожиданное затрудненіе; но слѣдовало на что-нибудь рѣшиться, и я предпочелъ ночевать у Царевницы съ тѣмъ, чтобы утромъ 22-го числа, руководствуясь прямою обязанностью кавалеріи: освѣщать движеніе пѣхоты, двинуться въ головѣ ея на Дели-Сулу; не сомнѣваясь, что въ теченіе ночи, 35-я дивизія получитъ приказаніе о совокупномъ съ нами движеніи.

Итакъ, день 21-го іюня, далъ намъ полный разладъ предположеній съ дѣйствительностью.

Поздняя переправа и медленное движеніе отъ скопившихся обозовъ были причиною, что Кавказская бригада къ вечеру лишь прибыла въ Царевницу и соединилась только съ хвостомъ 35-й дивизіи; а затѣмъ, ни та, ни другая не дошли въ назначенный день до Дели-Сулы.

II.

Бой у Дели-Сулы.

22-го іюня.

На разсвѣтъ, 22-го числа, отъ Кавказской бригады были посланы два сильные разъѣзда: первый, по направленію къ Дели-Сулѣ чрезъ Болгарску-Сливу, подъ начальствомъ причисленнаго къ Кубанскому полку прапорщика Цама; второй—на связь съ 35-ю пѣхотною дивизіей и кавалерійскими бригадами передоваго отряда, подъ начальствомъ Владикавказскаго полка сотника Верещагина.

Этому послѣднему приказано доложить начальнику 35-й дивизіи о выступленіи Кавказской бригады изъ Царевницы и, въ случаѣ движенія 35-й дивизіи на Дели-Сулу, слѣдовать въ головѣ ея на соединеніе съ нами.

Черезъ нѣсколько времени по отправленіи этихъ разъѣздовъ, Кавказская бригада выступила на Дели-Сулу, черезъ Болгарску-Сливу (Сливовое тоже, по русской картѣ). Нашъ путь шелъ берегомъ ручья, подъ высокими холмами; спускаясь въ балки, взбираясь на подъемы, мы вступили въ узкое ущелье у Болгарской Сливы. Она какъ бы раздвинула

ущелье и плоскокрытые дома ея, словно гнѣзда, прилѣпились на утесахъ. Все глубже и дальше идетъ ущелье и протянется еще версты на двѣ—разсказываетъ проводникъ—а тамъ оно упрется въ поперечный кряжъ другого направленія горъ; а кряжъ этотъ крутой—прибавляетъ онъ выразительно—за нимъ еще два кряжа и между ними балки. Потомъ пойдетъ долина и въ той долинѣ Дели-Сула. За ней опять подъемъ и снова будутъ балки.

Владикавказскій полкъ шелъ въ головѣ колонны, имѣя въ авангардѣ сотню осетинъ.

Едва онъ миновалъ селеніе, какъ изъ развѣзда осетинской сотни дано было знать, что черкесы владѣютъ выходомъ ущелья. Мы ждали этого; но непріятно было убѣдиться въ томъ, что намъ заперли дорогу въ Дели-Сулу. Мы находились въ длинномъ ущельи; силы непріятели намъ не были еще извѣстны, и не подлежало сомнѣнію, что онъ не желаетъ пропустить насъ черезъ ущелье.

Вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ прискакалъ казакъ изъ развѣзда прапорщика Цамае съ донесеніемъ, что онъ, повидимому принятый черкесами за своего *), заманиваетъ и притягиваетъ ихъ на наше лѣвое крыло, и что черкесы быть можетъ поэтому тянутся цѣпью за нимъ, отодвинувъ свое лѣвое крыло отъ выхода изъ ущелья.

Это извѣстіе значительно облегчало наше положеніе, устраняя необходимость предстоявшей, быть можетъ упорной борьбы за обладаніе устьемъ ущелья.

При этомъ было сообщено, что передъ нами стоитъ человекъ триста конныхъ черкесовъ, а человекъ двѣсти баши-бузуковъ засѣли въ лѣсу подъ горами, на лѣвомъ ихъ флангѣ.

При полученіи этихъ донесеній, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) на усиленіе авангардной, осетинской сотни, выдвинута пополу-сотенно на высоты, что по обѣ стороны ущелья, вторая осетинская сотня. 2) Всей бригадѣ приказано стянуться; 3) Владикавказскому полку, шедшему за осетинами, приказано—быть готовымъ занять то положеніе, которое опредѣлится по осмотру мѣстности и противника.

Командиръ Владикавказскаго полка полковникъ Левисъ, узнавъ все, что относилось до его полка, уже скакалъ къ своимъ осетинамъ. Выѣхавъ вслѣдъ за нимъ на лѣвыя высоты, я увидѣлъ какъ черкесы джигитовали, вытянувшись густою вереницей на ближайшемъ къ намъ поперечномъ

*) Одинаковая одежда съ черкесами часто намъ помогала быть не узанными, но съ другой стороны иногда вызывала недоразумѣнія въ нашихъ собственныхъ войскахъ, дотолѣ насъ не выдавшихъ.

кряжѣ. Осетины развернулись конною цѣпью въ трехстахъ шагахъ отъ противника, отъ котораго отдѣляла ихъ глубокая балка.

Никогда не видавши черкесской схватки, я невольно былъ очарованъ открывшимся мнѣ зрѣлищемъ. Настоящая боевая джигитовка была въ полномъ разгарѣ; ружейная стрѣльба трещала по холмамъ; въ густомъ пороховомъ дыму мелькали кабардинцы *).

Осетины не уступали въ ловкости черкесамъ; ихъ обычно покойный взоръ заискрился подѣ свистомъ пуль и гулъ знакомыхъ звуковъ кабарды, казалось ободрялъ ихъ молодечество и удалъ. Этотъ поединокъ соплеменныхъ противниковъ, былъ первою задунайскою пробой осетинской вѣрности русскому знамени. Горцы манили ихъ на свою сторону и, послѣ отвѣтовъ, пришедшихся имъ не по нраву, пули летѣли въ отместку осетинамъ. Для примѣра упомяну объ одномъ изъ такихъ случаевъ, происшедшихъ на моихъ глазахъ. Черкесь, перестрѣливаясь съ прапорщикомъ Абисаловымъ, громко спросилъ его: магометанинъ онъ или христіанинъ? Въ отвѣтъ раздался веселый возгласъ: «я христіанинъ!» хотя стрѣлявшій былъ мусульманинъ.

Пронзительная брань пролетѣла въ воздухъ и выстрѣлы затрещали: у Абисалова оказались прострѣленными полы черкески, но самъ онъ отдѣлался легкою контузіей въ ногу.

Но эта забава не должна была продолжаться долго. Пули, за малымъ исключеніемъ, летѣли безвредно, а фронтальный натискъ подѣ гору, потомъ въ балку и снова на крутизну, не обѣщаль безусловнаго успѣха. Надо было воспользоваться возможностью взять черкесовъ съ фланга.

Для сего, въ поддержку осетинъ оставлены были 3-я и 4-я сотни Владикавказскаго полка; 1-я и 2-я были посланы въ обходъ обѣихъ крыльевъ черкесовъ, съ приказаніемъ спѣшиться и ружейнымъ огнемъ сбить ихъ съ занятаго кряжа; при удачѣ—повторить то же самое на остальныхъ кряжахъ. Кубанскій полкъ сталъ во второй линіи.

Огонь спѣшенныхъ сотенъ скоро произвелъ свое дѣйствіе, видимо поваливъ много раненыхъ черкесовъ, которые въ силу этого и уступили первый кряжъ. На второмъ и третьемъ кряжахъ повторилось то же самое. Черкесы, удерживаемые осетинами съ фронта и взятые казаками съ крыльевъ, очистили горы и отдали намъ Дели-Сулу, потерявъ между убитыми и ранеными своего предводителя Хандѣ-Бей, о чемъ мы узнали впоследствии отъ болгаръ и отъ плѣнныхъ.

Пѣшіе баши-бузуки, видя неудачу черкесовъ разбѣжались по лѣсу,

*) По свѣдѣніямъ, полученнымъ гораздо позднѣе описываемаго времени, можно предположить, что мы имѣли дѣло преимущественно съ кабардинцами.

но все-таки не миновали погони 1-й сотни Владикавказского полка. Сотня, посланная преслѣдовать черкесовъ, скорѣ была остановлена, потому что они, быстро отступая передъ нами въ юго-западномъ направленіи, не представляли цѣли гнаться за ихъ легкою, разсыпчатою нитью. Люди, знакомые съ черкесскою войною, скорѣ всего ожидали лишней тревоги, ибо были увѣрены въ томъ, что какъ бы далеко мы не преслѣдовали ихъ, дѣло не обойдется безъ вторичнаго посѣщенія насъ, хотя бы горстью смѣльчаковъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени небольшая шайка показалась передъ нами, но была отброшена сторожевою сотней и въ послѣдствіи мы нѣсколько разъ могли убѣдиться въ справедливости этого предположенія. Не обремененные, въ противоположность намъ, тяжелыми выюками, всюду считая себя дома, не отличая болгарскаго имущества отъ турецкаго, черкесы ставили себѣ цѣлью добычу и тревогу; ничѣмъ не будучи связаны, они рыскали сильными шайками и держали въ страхѣ болгарскія селенія, пока послѣднія не были прочно заняты русскими войсками. Мы заняли долину Дели-Сулы *), ставъ между двумя опустѣлыми, небольшими черкескими аулами.

Наступалъ второй часъ дня, а пѣхота не подходила. Поэтому, прапорщику Владикавказскаго полка Хоранову поручено было отправиться къ начальнику 35-й пѣхотной дивизіи съ донесеніемъ о нашемъ успѣхѣ и просьбою увѣдомить о времени прибытія пѣхоты. Мы не знали еще, есть ли турки передъ нами или нѣтъ, приказаніе же занять Дели-Сулу дивизіею пѣхоты и бригадою казаковъ, какъ бы указывало на непремѣнную обязанность владѣть этимъ мѣстомъ.

Едва уѣхалъ Хорановъ, какъ возвратился сотникъ Верещагинъ, посланный утромъ на соединеніе съ 35-ю дивизіею. Онъ нашелъ ее вблизи селеній Сары-Яръ и Турска-Слива, слѣдовательно, верстахъ въ десяти влѣво отъ насъ. Дивизія стояла на бивуакѣ недалеко отъ драгунской бригады Герцога Евгенія Лейхтенбергскаго и 4-й стрѣлковой бригады. Сотникъ Верещагинъ доложилъ начальнику дивизіи о нашемъ выступленіи изъ Царевіцы и затѣмъ направился на соединеніе съ нами, такъ какъ 35-я дивизія не имѣла приказанія выступить на Дели-Сулу. На возвратномъ пути, Верещагинъ соединился съ разѣздомъ гвардей-

*) Я говорю долину Дели-Сулы потому, что, какъ кажется, этимъ общимъ именемъ называются два аула, раскинутые въ долину и только на австрійской картѣ помѣченные именами: „Татаръ“ и „Черкесъ“. Въ верстѣ передъ ними расположенъ третій небольшой аулъ, который, подобно первымъ двумъ, былъ покинутъ черкесами до единого человека. Этотъ третій аулъ на картахъ не показанъ и проводникъ всѣхъ ихъ называлъ общимъ именемъ Дели-Сула.

скаго полузэскадрона, подъ начальствомъ штабъ-ротмистра Живковича, высланнаго изъ драгунской бригады Герцога Лейхтенбергскаго, для связи съ нами.

Итакъ, 22-го іюня мы стояли въ Дели-Сулѣ, но одни, безъ пѣхоты и потому рождался вопросъ: можемъ-ли мы уйти на Осму, не дождавшись прибытія 35-й дивизіи?

Одно изъ главныхъ рѣшеній этого вопроса заключалось въ положительномъ приказаніи штаба дѣйствующей арміи, выслать 23-го числа развѣздныя партіи съ рѣки Осмы.

Поэтому, я рѣшился до ночи обождать прибытія пѣхоты, переночевать въ Дели-Сулѣ и, утромъ, выступить уже по маршруту, выславъ развѣдочныя партіи тотчасъ по прибытіи на Осму. Замѣчу, что высылка развѣдочныхъ партій была необходима и для связи съ бригадами передоваго отряда, которыя вѣроятно 23-го числа должны были быть на одной высотѣ съ нами; но объ этомъ мы могли только догадываться, стараясь розыскать ихъ своими развѣздами *).

Подъ вечеръ вернулся къ намъ прапорщикъ Хорановъ, сообщившій о томъ, что начальникъ 35-й дивизіи, выслушавъ его донесеніе, тотчасъ выслалъ на поддержку къ намъ 1-ую бригаду 35 дивизіи, отъ начальника которой была доставлена Хорановымъ записка, помѣченная:

«У Турска-Слива въ 5½ часовъ 22-го іюня. «Начальникъ 35-й дивизіи приказалъ мнѣ двинуться на Дели-Сулу, чтобы очистить деревню и ущелье отъ черкесовъ и войти въ связь съ вами. Въ деревнѣ Турска-Слива я получилъ извѣстіе, что вы съ черкесами покончили и что тѣ, частію изрублены, частію разбѣжались; но что черкесы собрались въ Овча-Могилѣ, куда я имѣю приказаніе двинуться изъ Дели-Сулы; безъ кавалеріи я ничего не могу сдѣлать, особенно къ вечеру, соблаговолите прислать мнѣ часть вашей бригады, а если вы прибудете и со всею бригадой, то мы сдѣлаемъ вмѣстѣ поискъ въ Овчу-Могилу и очистимъ мѣсто нашей будущей стоянки. Жду васъ у Турска-Слива. Вашъ отвѣтъ потрудитесь мнѣ прислать поскорѣе, если можно, съ этимъ же офицеромъ».

По смыслу этой записки видно, что 35-й дивизіи не было извѣстно

*) Въ замѣткахъ М. Чичагова („Военный Сборникъ“, августъ 1874 года, стр. 264) сказано: „на другой день, т. е. 22-го іюня драгунская бригада бивуакировала все у той же деревни Турска-Слива и съ нетерпѣніемъ ждала приказаній и инструкцій для предстоящихъ дѣйствій. Вскорѣ пріѣхалъ генеральнаго штаба подполковникъ Фрезе, назначенный состоять офицеромъ генеральнаго штаба при драгунской бригадѣ, сообщившій намъ не только общее положеніе дѣлъ, но и программу дѣйствій корпусовъ“. Слѣдовательно, бригады передоваго отряда, 22-го числа, узнали о дальнѣйшемъ направленіи своего движенія отъ подполковника Фрезе, прибывшаго по отъѣздѣ изъ Турска-Сливы сотника Верещагина.

о данномъ направленіи Кавказской бригады, потому что въ ней указана Овча-Могила мѣстомъ нашей будущей стоянки.

Для разъясненія этого недоразумѣнія, я поручилъ капитану генеральнаго штаба Стромилову сообщить командиру 1-й бригады 35-й дивизіи имѣющееся у насъ приказаніе для слѣдованія на рѣку Осму, которое не связывается съ движеніемъ Кавказской бригады въ Овчу-Могилу; а по-сему, если не будетъ получено особаго приказанія начальника 35-й дивизіи, въ отиѣну распоряженія полевого штаба, то Кавказская бригада выступитъ 23-го числа изъ Дели-Сулы по направленію на рѣку Осму; присемъ присовокупляюсь: что, во 1-хъ, по собраннымъ у насъ свѣдѣніямъ, черкесы отступили прямо передъ нами на юго-западъ, а не на Овчу-Могилу; во 2-хъ, движеніе на Овчу-Могилу удаляетъ насъ отъ Осмы, и въ 3-хъ, если бы черкесы собрались въ Овчей-Могилѣ, съ цѣлью принять тамъ бой, то мы всегда можемъ послѣть на помощь 35-й дивизіи и, при удачѣ, взять ихъ во флангъ, или съ тылу; наконецъ, въ 4-хъ, намъ слѣдуетъ торопиться на Осму, чтобы занять единственную переправу въ среднемъ ея теченіи у Булгарени. Въ маршрутѣ, намъ данномъ, Булгарени не было указано, а просто значилось «выйти на Осму», но довольно взять карту, чтобы, глядя на нее, намѣтить Булгарени мѣстомъ выхода на Осму передоваго отряда, который шелъ на крайнемъ правомъ крылѣ нашихъ войскъ и поступалъ въ распоряженіе корпуса, идущаго отъ Систова на «Плевну и Никополь».

Передавъ наши соображенія командиру 1-й бригады 35-й пѣхотной дивизіи, капитанъ Стромиловъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ случаѣ, если не будетъ получено дальнѣйшихъ измѣненій, то онъ частью своихъ силъ займетъ Дели-Сулу.

Такимъ образомъ, мы могли спокойно двинуться далѣе.

III.

На Осмѣ.

23-го Іюня.

На разсвѣтѣ, 22-го іюня, къ намъ подошелъ головной баталіонъ 1-й бригады 35-й дивизіи. Повторивъ командиру баталіона суть данныхъ намъ приказаній, указавъ на имѣющійся въ оставляемыхъ нами селеніяхъ запасъ ячменя, изъ котораго нами было взято зерна на два дня *), мы вы-

*) Выступивъ за Дунай съ трехдневнымъ запасомъ ячменя, 23-го числа у насъ

ступили на Осму, въ Булгарени. Мѣстность, по которой мы шли, была степнаго вида и давала довольно хорошій кругозоръ; но плоскія возвышенности пересѣкались глубокими балками и перелѣсками, дававшими возможность укрываться въ нихъ партіямъ черкесовъ; а потому, во избѣжаніе всякой непріятной случайности, весьма возможной при длинной, всегда растянutoй походной колоннѣ, Кавказская бригада шла въ двѣ линіи взводныхъ колоннъ, съ уступами на флангахъ, имѣя батарею во взводной колоннѣ между линіями.

Обозъ, подъ прикрытіемъ арьергардной сотни, шелъ въ двѣ повозки. Авангардная сотня и боковые дозоры, посланные изъ сотенъ, что шли на уступахъ, освѣщали стороны нашего движенія.

Такое построеніе уменьшало количество отсталыхъ, не стѣсняло движенія и представляло готовый боевой порядокъ; поэтому оно всегда было принимаемо на переходахъ, гдѣ условія мѣстности его допускали. Замѣчу здѣсь, что построеніе это не вѣсьмъ нравилось; но оно обуславливалось отчасти боевою подготовкою бригады. Самоотверженные, лично храбрые кавказцы, не замѣнимые въ разѣздахъ одиночной службы, отважные до безумія, а потому подчасъ и лично безпечные, не имѣли возможности, и скажу болѣе, пожалуй, надобности заблаговременно быть подготовленными къ правильнымъ перестроеніямъ въ виду противника, дѣйствующаго на основаніи европейской тактики; а нерѣдко на Кавказскую бригаду выпадала работа, выполненіе которой было немислимо безъ усвоенія совокупныхъ построеній подъ огнемъ противника.

Поэтому, намъ необходимо было укорениться въ основныхъ порядкахъ боеваго устава, потребность которой высказалась подъ Плевной, Ловчей и Телишемъ, гдѣ Кавказской бригадѣ приходилось вызывать на себя изъ окоповъ турецкую пѣхоту, почти неразлучную съ кавалерійскими прикрытіями. Въ дѣлахъ подъ укрѣпленными ихъ лагерями была признана, если не вѣсьми, то многими, безпристрастно относившимися къ дѣлу лицами, польза уступовъ, и то условіе, что часть отъ части должна быть

оставалось его только на одинъ день; купить его было не у кого, такъ какъ деревни были пусты и потому мною дано разрѣшеніе забрать его на два дня изъ обѣихъ селеній, къ которымъ примыкалъ нашъ бивуакъ. При этомъ мы не избѣгли безпорядковъ, вызвавшихъ общее негодованіе офицеровъ. Единицы не какой-либо одной части бригады, но обѣихъ полковъ, забирая ячмень, отыскивали улья и начали выкуривать пчелъ; брошенная потомъ и не потушенная головня зажгла кучку хвороста—и оба селенія запылали. Съ большимъ трудомъ отстояли отъ огня большую часть дворовъ и виновные были наказаны. Этотъ случай, быть можетъ невольнаго, поджога, вызвалъ необходимость особаго караульнаго наряда въ селеніяхъ, при которыхъ намъ приходилось въслѣдствіи бивуакировать.

на опредѣленномъ уставомъ или мѣстностью, но не на произвольномъ разстояніи другъ отъ друга.

Случалось, какъ напримѣръ: на усиленной рекогносцировкѣ подѣ Ловчей 16-го іюля *), что несоблюденіе уставныхъ правилъ разбивало бригаду на отдѣльныя части; то безцѣльно скупивались подѣ огнемъ двѣ, три сотни, то произвольно разсыпалась въ цѣль та часть, которой слѣдовало быть оплотомъ стройнаго, медленнаго отступленія передѣ напоромъ, вызванныхъ на себя всѣхъ силъ противника. Предварительная наметка сотенъ, въ усвоеніи наивыгоднѣйшаго строя для взаимной поддержки другъ друга, облегчала возстановленіе порядка подѣ огнемъ противника, въ особенности при отражающемъ отступленіи. Если мѣстность не допускала возможности двигаться въ двѣ линіи, то конечно мы вытягивали общую колонну и боковые дозоры были высылаемы отъ четныхъ сотенъ въ одну сторону, отъ нечетныхъ (сотенъ) въ другую.

Движеніе на Осму обошлось безъ всякихъ столкновеній съ непріателемъ. Черкесы, по разсказамъ жителей, уходили отдѣльными шайками въ нѣсколькихъ часахъ передѣ нами, увозя на подводахъ своихъ раненыхъ и убитыхъ во вчерашнемъ дѣлѣ. Изъ всѣхъ случайностей, достойныхъ вниманія на этомъ переходѣ, не лишнимъ будетъ упомянуть о нашей полной зависимости въ Болгаріи отъ степени развитія проводниковъ.

Выше **) уже было сказано, что полковникъ Паренсовъ доставилъ мнѣ возможность нанять болгарина, проводника-переводчика. Онъ много разъ чрезвычайно былъ полезенъ по знанію мѣстности, но никогда не понималъ выраженій: «обойдти селеніе; стать между селеніями» и всего того, что не отвѣчало кратчайшему направленію къ избранному мѣсту.

Посему, вѣрность его показаній могла быть принимаема условно, пока мы не научились понимать другъ друга; но этимъ не устранялись еще недоразумѣнія по собранію свѣдѣній о мостахъ, жителейхъ и о всемъ, что было необходимо для нашихъ чисто военныхъ справокъ. Болгаре не разумѣли нашихъ воззрѣній, мы не понимали ихъ показаній о степени проходимости дорогъ и рѣчекъ. Иной разъ выраженіе: «турка бѣгалъ», было понимаемо въ смыслѣ «турки бѣжали»; а въ словахъ болгарина оно обозначало «турки подоспѣли на помощь». Словомъ сказать, надо было научиться понимать до-балканскій болгарскій языкъ, уступающій чистотѣ славянскаго произношенія въ балканахъ; примѣниться къ степени развитія и даже душевнаго спокойствія лица, передававшего свѣдѣнія.

*) Болѣе подробный отчетъ о рекогносцировкѣ Ловчи помѣщенъ въ своемъ мѣстѣ.

**) Страница 16.

Посему, въ особенности сначала, намъ трудно было добраться до настоящаго значенія болгарскихъ показаній.

Такъ случилось и на этомъ переходѣ. Испуганные болгаре не разсбивали насъ съ толку показаніями о присутствіи въ окрестностяхъ значительныхъ шаекъ баши-бузуковъ, путая при этомъ направленіе нашего движенія. Случалось, что болгаре со слезами объявляли о присутствіи въ двухъ-трехъ верстахъ рѣжущей и поджигающей сотни баши-бузуковъ, для отраженія ея посылалась полу-сотня, а зачастую оказывалось, что далеко не сотня, а просто двое трое бродягъ надѣлали переполоху.

Ко всему этому можно было приучиться опытомъ только впоследствии; сначала же, мы платились напраснымъ утомленіемъ людей и гонкою лошадей.

Не обошлось и этотъ разъ безъ посылковъ, значительно замедлившихъ наше прибытіе на Осму, на берега которой мы вступили около полудня, 23-го іюня.

Рѣка Осма, вытекая тремя горными потоками подъ хребтомъ Большаго Балкана, сливается въ одно русло у Трояна и отсюда, въ глубокой узкой расщелинѣ, течетъ на Ловчу. Здѣсь горное ущелье Осмы раздвигается подковой; горы лѣваго берега идутъ къ сѣверо-западу, по направленію на Плевну; горы праваго берега—отходятъ къ сѣверо-востоку. У крутаго ихъ подножія, продолжаетъ свое теченіе Осма, омывая высокіе обрывы праваго берега вплоть до селенія Лѣтницы, до котораго вполне сохраняетъ свойства горнаго, быстрого потока. Отъ Лѣтницы, теченіе ея переходитъ въ болѣе плавное; берега ея выравниваются оставаясь отъ четырехъ до пяти аршинъ въ отвѣсѣ, и въ такомъ видѣ она, направляясь на сѣверъ, пересѣкаетъ Плевно-Рущукскую дорогу у села Булгарени. Тутъ правый берегъ ея постепенно становится круче и она почти подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на западъ; течетъ въ этомъ направленіи верстъ десять и снова круто отходить на сѣверъ, омывая правымъ берегомъ отвѣсные обрывы отъ Мусылеу, вплоть до Никополя *). Десять верстъ западнаго, т. е. средняго теченія Осмы образуютъ роскошную долину, среди которой расположено село Булгарени на лѣвомъ берегу Осмы. Здѣсь берега ея не имѣютъ болѣе трехъ аршинъ въ отвѣсѣ; теченіе плавное, высота воды, въ обыкновенное время не превышаетъ двухъ аршинъ глубины, но послѣ нѣсколькихъ часовъ хорошаго дождя, тихая Осма поднимается до береговъ и обращается въ мутный, всесокрушающій по-

*) Такимъ образомъ, Осма три раза мѣняетъ свое направленіе. Вытекая съ горъ на сѣверъ, она въ среднемъ теченіи поворачиваетъ на западъ въ нижнемъ снова направляется на сѣверъ.

токъ уничтожающій на нѣсколько сутокъ всякое сообщеніе въ бродъ. Въ виду этихъ свойствъ рѣки, въ Булгарени построенъ прочный каменный мостъ. Узнавъ эти особенности въ Дели-Сули отъ проводника, нельзя было не признать необходимости занятія моста въ Булгарени, и врядъ ли отвѣтственность миновала-бы Кавказскую бригаду, если бы черкесы уничтожили его передъ нашими глазами. Уничтожить же его имъ было очень легко и, сколько можно предполагать, они испортили бы его, если бы мы не помѣшали.

Я не смѣю настаивать на моемъ предположеніи, но сузу объ этомъ по натиску довольно сильной партіи черкесовъ на нашу сторожевую сотню, едва занявшую посты по ту сторону моста, при нашемъ вступленіи въ Булгарени. Сторожевая сотня (6-я Кубанская), поддержанная тремя сотнями (1-й, 2-й и 3-й) Кубанскаго полка, взятыми по тревогѣ, опрокинула и преслѣдовала горцевъ, скрывшихся по направленію на Ловчу.

Въ этомъ небольшомъ дѣлѣ особенными молодцами показали себя: Кубанскаго полка хорунжій Свидинъ и казакъ 6-й сотни Ивановъ, положившіе начало своимъ отличіямъ, которыя они неоднократно выказывали за все время моего пребыванія съ ними. Хорунжій Свидинъ, высокій, статный красавецъ, соединялъ въ себѣ кипучую предприимчивость съ истинно-военнымъ взглядомъ распорядительнаго, боеваго наѣзника. Казакъ Ивановъ, человекъ дерзкой рѣшимости, былъ изъ числа штрафованныхъ и далъ себѣ слово турецкой кровью смыть свое пятно; поэтому не было въ 6-й сотнѣ опаснаго порученія, на которое не вызвался-бы Ивановъ, пока, наконецъ, рана не вывела его изъ строя, въ одной изъ рекогносцировокъ Ловчи. Сегодня же, 23-го іюня, онъ, въ молодецкой джигитовкѣ, погнался за тремя черкесами и, въ обоюдной перестрѣлкѣ, на скаку свалилъ одного и ранилъ другаго, усакавшаго, благодаря помощи поддерживающаго его товарища.

Упрочивъ свой бивуакъ въ Булгарени отбитіемъ черкесовъ, Кавказская бригада освѣтилась ближними разъѣздами, изъ которыхъ одинъ былъ посланъ и въ Овчую-Могилу.

Тамъ должна была быть 35-я пѣхотная дивизія, изъ-подъ вѣдѣнія которой мы выходили 23-го числа *); слѣдовательно, надо было войти въ связь съ конницею передоваго отряда **).

Этотъ разъѣздъ возвратился къ намъ на разсвѣтѣ 24-го числа. Но такъ какъ свѣдѣнія его были за 23-е іюня, то считаю умѣстнымъ закон-

*) На основаніи росписанія.

**) 9-й корпусъ долженъ былъ переправиться сегодня 23-го числа.

чить ими сегодняшний день, помѣстивъ полученныя мною записки изъ передоваго отряда.

Развѣздъ нашъ соединился въ Овчей-Могилѣ съ бригадою Герцога Николая Лейхтенбергскаго.

Слѣдовательно, Кавказская бригада могла быть покойна въ томъ отношеніи, что придержалась своихъ свѣдѣній объ отступленіи черкесовъ изъ Дели-Сулы и не направилась на Овчу-Могилю.

Но главная заслуга развѣзда была въ томъ, что онъ доставилъ записку отъ начальника сводной кавалерійской бригады, извѣщавшую полковника Тутолмина, что сводная «бригада выступаетъ въ восемь часовъ утра на рѣку Руссицу *), въ деревню Суходоль (по австрійской картѣ, а также и по картѣ Каница). При первомъ случаѣ сообщите, куда и когда вы идете?».

№ 6 (Герцогъ Николай Лейхтенбергскій).

При этой запискѣ были приложены копіи съ донесеній сводной бригады Герцога Николая Лейхтенбергскаго и драгунской Герцога Евгенія Лейхтенбергскаго.

1) Герцогъ Лейхтенбергскій доносилъ по начальству, что «отрядъ прибылъ въ Овчу-Могилю благополучно, непріятеля не видали. Посланъ эскадронъ на Денисухъ **), взводъ на Варени. Всѣ, кто были посланы для развѣдокъ о непріятелѣ, не встрѣтили его. Сегодня высылается большой развѣздъ на Бутово и Врбовку» (по дорогѣ на Севліево).

Подлинный подписалъ Герцогъ Николай Лейхтенбергскій.

Съ подлиннымъ вѣрно: подполковникъ Сухотинъ.

1877 года, 23-го іюня 10 час. утра.

2) Въ извлеченіи изъ донесенія командира драгунской бригады было сообщено: «Драгунская бригада благополучно дошла до деревни Батакъ, по дорогѣ на Тырновъ, въ которой отобрано у магометанскихъ жителей оружіе, при этомъ было встрѣчено нѣкоторое затрудненіе; а такъ какъ изъ одного дома драгуны были встрѣчены выстрѣлами, то деревня была сожжена, скотъ же былъ отобранъ въ видѣ пени. Развѣзды впереди никакого затрудненія не встрѣтили».

Итакъ, свѣдѣнія эти показали намъ, что 23-го іюня вся наша передовая конница почти одновременно прибыла на Осму и стала: а) драгунская бригада Герцога Евгенія Лейхтенбергскаго у Батака; б) за нею верстъ

*) Т. е. 24-го числа, потому что бригада прибыла въ Овчу-Могилю 23-го числа въ десять часовъ утра, какъ видно ниже. На русской картѣ, Суходоль (Сухундоль по Каницу не обозначенъ.

**) На картѣ русской и у Каница не обозначенъ, если только это не Дискутъ, стоящій на разныхъ мѣстахъ на обѣихъ картахъ.

десять позади сводная бригада Николая Лейхтенбергскаго; в) на одной высотѣ съ нею, но западнѣе отъ нея верстѣ на пятнадцать, Кавказская бригада.

Все пространство передъ нами было связано разѣздами, а отъ Кавказской бригады они были посланы и на наше правое крыло.

Но, если эти свѣдѣнія удовлетворяли Кавказскую бригаду въ томъ, что она своевременно пришла на Осму и не потеряла связи съ лѣвою колонною, то извѣстіе о выступленіи бригады Герцога Николая Лейхтенбергскаго въ деревню Суходоль не могло ее радовать. Суходоль находится въ разстояніи по крайней мѣрѣ тридцати верстѣ отъ Булгарени. Слѣдовательно, Кавказской бригадѣ приходилось держать связь на этомъ тридцативерстномъ разстояніи съ передовымъ отрядомъ, освѣщать мѣстность передъ собою и на правомъ крылѣ нашего движенія, т. е. въ сорокаверстномъ промежуткѣ между Плевною и Никоподемъ.

Въ заключеніе отчета о дѣйствіяхъ за 23-е іюня, считаю не лишнимъ упомянуть, если не о радужномъ приѣмѣ, то о полной увѣренности въ русское могущество, высказанной болгарами, при нашемъ приходѣ въ Булгарени. Село это, населенное болгарами, пострадало за нѣсколько дней до нашего прихода отъ черкесскаго набѣда, поплатившись двумя или тремя убитыми. Почти безмолвное въ часъ нашего прихода, оно, со священникомъ во главѣ, встрѣтило три Кубанскія сотни, возвращавшіяся на бивуакъ, черезъ Булгаренскій мостъ, послѣ отраженія черкесовъ, появившихся передъ нашею сторожевою сотнею *) и поднесло хлѣбъ-соль.

24-го Іюня.

По приказанію, данному намъ изъ полевого штаба, мы должны были: оставаясь двадцать-четвертое число на Осмѣ поступить въ распоряженіе начальника 9-го корпуса и только 25-го числа получить отъ него на правленіе дальнѣйшаго движенія. Итакъ: до полученія указанія отъ корпуснаго командира, Кавказская бригада не имѣла права предпочесть

*) Черезъ годъ послѣ этого событія мнѣ пришлось услышать, что это выраженіе болгарскихъ чувствъ было ничто иное, какъ насмѣшливая выходка какого-то шаловливого офицера Кавказской бригады. Я не слыхалъ отъ казаковъ происхожденія этой затѣи, но въ то время тѣмъ болѣе не представлялъ себѣ возможности посмѣянія надъ событіемъ, вызывающимъ возвышенное душевное настроеніе. Поэтому, находясь съ возвращающимися на бивуакъ сотнями, я остановилъ ихъ передъ облаченнымъ священникомъ и командиръ 1-й кубанской сотни, осѣнивъ себя крестомъ, съ молитвою принялъ хлѣбъ-соль. Примѣру его слѣдовали казаки, снявъ свои папахи, послѣ обычной команды „шапки долой!“.

какое-либо направление по собственному своему выбору. Слѣдовательно, ей одинаково было необходимо освѣтить мѣстность какъ прямо передъ собою на Ловчу, куда стягивались скопища черкесовъ, такъ и на западъ отъ себя, на Плевну, а равно и на длинный промежутокъ до Никополя, въ которомъ было, какъ говорили, отъ десяти до пятнадцати тысячъ низама съ черкесами. Поэтому, въ ожиданіи переправы 9-го корпуса, было приступлено къ освѣщенію окружающей насъ мѣстности, т. е. къ осмотру ее разѣздами, очищенію отъ непріятельскихъ шаекъ, къ обезоруженію мусульманскаго населенія, къ собранію свѣдѣній о непріятелѣ, о переправахъ и дорогахъ и присканію лазутчиковъ. Но, по неимѣнію на послѣдній предметъ достаточныхъ средствъ, потребность въ надежныхъ лазутчикахъ была у насъ ощутительна. Этому важному недостатку помогъ священникъ села Булгарени, указавъ намъ скрывавшагося отъ преслѣдованія турокъ іеродіакона Плевненскаго округа Евфимія Ѳеодорова. Это былъ человѣкъ, воспитывавшійся въ Россіи, превосходно говорившій по-русски, хорошо знавшій мѣстность Плевненскаго округа, имѣвшій вліяніе на православныхъ болгаръ и потому подвергнувшійся при началѣ войны преслѣдованію турокъ. Приведенный къ намъ священникомъ села Булгарени, онъ водворился въ нашей бригадѣ включительно до втораго сраженія подъ Плевной и показывалъ себя человѣкомъ вполнѣ безкорыстнымъ и преданнымъ нашему дѣлу.

Всѣ его показанія были сняты, отмѣчены на картѣ и записаны капитаномъ генеральнаго штаба Стромилловымъ *). Показанія его сводились къ тому что большинство селеній мѣшаннаго состава, т. е. каждое изъ нихъ составляло двѣ части: болгарскую и мусульманскую. Къ послѣдней относились турки, черкесы и крымцы. Большинство турокъ и черкесовъ ушло въ горы; все, способное носить оружіе, выступило въ поле и имѣеть своими главными притонами окрестности Ловчи и Телиша.

Отрядъ черкесовъ, встрѣтившій насъ 22-го іюня въ Дели-Сулы, до того числа имѣлъ свое пребываніе въ Вербицѣ. У него же были собраны, и, на сколько возможно, повѣрены, свѣдѣнія о берегахъ рѣкъ Осмы и Вида.

Объ Осмѣ имъ было сообщено, что она проходима въ бродъ въ тихую воду, но гораздо выше пояса человѣка; переправа по мостамъ суще-

*) Позднѣе, именно въ первыхъ числахъ іюля, я въ одномъ изъ полуофициальныхъ писемъ, посланныхъ по службѣ въ Главную квартиру, указывалъ на Евфимія Ѳеодорова какъ на человѣка, сообщавшаго намъ, съ подтвердившеюся точностью, первый разъ объ отсутствіи въ Плевнѣ турокъ, второй разъ о прибытіи шести таборовъ съ шестью орудіями, въ третій—о шестидесяти тысячахъ съ 65-ю орудіями. Письмо это сохранилось въ одномъ изъ сборниковъ частныхъ и полуслужебныхъ бумагъ, который вѣроятно современимъ будетъ напечатанъ.

ствуешь только въ двухъ мѣстахъ, именно: въ Булгарени и въ нижнемъ теченіи рѣки подъ Никоподемъ, у Мусылеу.

По вопросамъ о рѣкѣ Видъ онъ сообщилъ, что мосты чрезъ нее существуютъ тоже въ двухъ мѣстахъ: одинъ въ нижнемъ теченіи у Гиланъ (Бродъ тоже) и въ самой Плевнѣ, у Опанца. О бродахъ показалъ, что съ южной стороны рѣка удобопроходима въ малую воду; о сѣверной ея части не могъ дать свѣдѣній.

По разпросамъ о Плевнѣ, онъ показалъ о присутствіи въ ней до ста пятидесяти человѣкъ низама, сообщивъ затѣмъ, что турецкія регулярныя войска стоятъ лишь въ Виддинѣ, Никополѣ и Софіи. Для полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній о непріятелѣ, онъ устроилъ нѣчто въ родѣ почты между Плевною и нами, т. е. распорядился, чтобы свѣдѣнія о туркахъ были передаваемы отъ селенія въ селеніе, вплоть до Булгарени. Одновременно съ собираніемъ этихъ свѣдѣній, было приступлено къ осмотру мѣстности по направленіямъ: отъ Булгарени на сѣверо-западъ черезъ Санадинъ до Дебо *), мимо Порадима на Одерну, Лѣтницу и на связь съ передовымъ отрядомъ черезъ Ортакой, Варанію, Батакъ; отсюда обратно къ Булгарени, т. е. въ три дня было осмотрѣно и очищено отъ черкесовъ и баши-бузукъ, послѣ незначительныхъ, но рукопашныхъ и огнестрѣльныхъ схватокъ, до шестисотъ квадратныхъ верстъ. Для облегченія разъѣздовъ **) вся мѣстность на западъ отъ насъ была предоставлена Кубанскому, а къ югу Владикавказскому полкамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы разъѣзды не возвращались по одной и той же дорогѣ, но огибали бы извѣстную площадь. Отъ Кубанскаго полка были отправлены: 1-я сотня есаула Порхоменко на Тренчевицы и Новосело черезъ Санадинъ. Изъ послѣдняго селенія она отбросила партію черкесовъ и преслѣдовала ее верстъ шесть по направленію къ Никополю; обратное свое движеніе исполнила по лѣвую сторону рѣки Осмы. Въ обязанность этой сотни было поставлено не упустить возможности соединиться съ разъѣздами 9-го корпуса, такъ какъ по росписанію, онъ долженъ былъ уже находиться въ переходѣ за нами. Но разъѣзды, выдвинутые отъ нея по направленію къ Систову, не открыли 9-го корпуса.

5-я сотня, сотника Вышеславцева двинулась къ Плевнѣ на Раденицу и Сулейманъ-Дере. Въ первомъ изъ нихъ, сотня была встрѣчена огнемъ

*) Дебо расположено на лѣвомъ берегу Осмы, на русской картѣ показано ошибочно.

**) Направленіе дано по русской картѣ. Всѣ донесенія о службѣ Кавказской бригады до паденія Никополя поданы командирами полковъ: Кубанскаго, отъ 27-го іюня 1877 г. за № 1992; 28-го іюня № 1993; 4-го іюля № 1145. Владикавказскаго полка; отъ 22-го іюня за № 1464; 4-го іюля за № 1400.

жителей изъ засады. Казаки спѣшились, окружили засаду и черезъ переводчика потребовали покорности. Жители, вооруженные турецкимъ правительствомъ частью добровольно, частью силою, были обезоружены и на бивуакъ доставлено тридцать ружей, сорокъ пистолетовъ и двадцать ятагановъ.

Отъ Владикавказскаго полка: 1-я сотня есаула Астахова, пошла на Одерну, Каменку, Ортакой и Лежанъ. Между захваченными ею плѣнными, приведенъ одинъ изъ предводителей черкесскихъ шаякъ, по имени Нури.

3-я сотня есаула Солнышкина, пошла на Ортакой, Варанію и Батакъ. Обѣ сотни Владикавказскаго полка доставили на бивуакъ до ста ружей, ятагановъ и пистолетовъ, отобранныхъ у жителей, вооруженныхъ для сопротивленія русскимъ войскамъ.

25-го Юня.

25-го іюня мы должны были получить направленіе отъ командира 9-го корпуса, но никакихъ извѣстій о приближеніи его не было.

Посему, для непремѣнной связи съ нимъ, хотя бы у Систова, и для наблюденія праваго крыла нашего тыла, отправлена была полусотня 3-й сотни Кубанскаго полка, Сотника Вѣнкова—на Мерховицы, Татары и Якова. Въ этотъ день Мерховицы горѣли, зажженные черкесами, а жители этого селенія, какъ болгаре, такъ и мусульмане, бѣжали изъ него.

Направляясь далѣе къ селу Татары, Вѣнкову удалось соединиться съ сотнею 34-го Донскаго полка, бывшей на рекогносцировкѣ съ командиромъ 9-го корпуса, прибывшимъ съ мѣста переправы.

Въ этотъ же день, Кубанскаго полка, хорунжій Свидинъ, съ полусотнею 6-й сотни, былъ посланъ въ Санадинъ, гдѣ, по показанію жителей, снова появились черкесскія шайки. Ко времени прибытія Свидина, непріятель уже отступилъ изъ Санадина на Дебо. Но Свидинъ перешелъ Осму въ бродъ, глубиною подъ сѣдло, нагналъ турокъ, порубилъ, сколько могъ, и доставилъ пять человекъ плѣнныхъ, нѣсколько ружей, сабель и пистолетовъ. Плѣнные: одинъ офицеръ и четыре рядовыхъ низама, были взяты изъ отряда, вышедшаго изъ Никополя на рекогносцировку, въ промежутокъ между нами и 9-мъ корпусомъ. Сила турецкаго отряда наглядно опредѣлена хорунжимъ Свидинымъ въ два эскадрона кавалеріи и одну роту пѣхоты.

Для окончанія отчета о разѣздахъ Кавказской бригады, совершенныхъ до прибытія 9-го корпуса, включу въ 25-е число и поискъ, произведенный 2-й сотнею Владикавказскаго полка, 26-го іюня, на Лѣтницу.

2-я сотня Владикавказскаго полка, подъ начальствомъ есаула Прже-ленскаго, была двинута въ Лѣтницу (верстѣ двадцать пять къ югу отъ Булгарени). Разѣздами ея было удостовѣрено, что мусульмане бѣжали изъ бол-шей части селеній въ горы, собравшись тамъ въ вооруженныя скопища; жители же селенія Лѣтницы безпрекословно выдали восемьдесятъ ружей. Позднѣе, всѣ эти скопища угрожали Сельви и усилили оборону Ловчи, по занятіи ее турками; едва отступилъ занимавшій ее отрядъ донскихъ казаковъ, какъ эти шайки раскинули разбои и пожары по ея окрестно-стямъ, наводя ужасъ на болгарское населеніе.

Однимъ изъ послѣдствій предпринятыхъ нами поисковъ, было успо-коеніе и водвореніе болгаръ въ ихъ селеніяхъ, изъ которыхъ они до сей поры бѣжали, при малѣйшемъ слухѣ о появленіи черкесовъ и баши-бузукровъ. Покидая деревни, они увеличивали смятеніе въ окрестностяхъ и предоставляли свое имущество на добровольное разграбленіе непріятеля. Видя среди себя русскихъ, они покойнѣе оставались въ своихъ селахъ, и мы, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчали менѣе покинутыхъ селеній, чѣмъ бывало въ послѣдствіи, при нашихъ неудачахъ.

Когда же намъ приходилось показываться на новыхъ мѣстахъ послѣ печальныхъ событій Плевны, то болгаре, не всегда радовались нашему временному приходу; они прямо высказывали свое сожалѣніе объ этомъ, зная, что въ наказаніе за выказанное намъ радушіе, они не будутъ по-щажены послѣ нашего ухода.

Въ одинъ изъ дней нашего пребыванія въ Булгарени *), кубанскіе разѣзды привели на бивуакъ нѣсколько жителей и купцевъ города Плев-ны. Узнавъ о присутствіи русскихъ въ Булгарени, они пришли съ прось-бою послать въ Плевну отрядъ для прочной обороны города, опасаясь за свои торговые склады. При этомъ единогласно утверждали, что Плевна охраняется слабою ротою низама, находящеюся при госпиталѣ, въ ко-торомъ помѣщались раненые изъ первой бомбардировки Никополя, въ первыхъ числахъ іюня; но что мы могли дать болгарамъ для прочной обороны Плевны?

Крымцы, остававшіеся въ деревняхъ, особенно охотно выдавали ору-жіе. Если нельзя было быть увѣренными въ томъ, что оружіе ими вы-дано сполна, то во всякомъ случаѣ его было выдано много и все ото-бранное количество было передано священнику Булгарени для раздачи болгарамъ. Грабежи баши-бузукровъ пріутихли, нѣкоторые изъ взятыхъ въ плѣнъ, были уличены не только болгарами, но и крымцами, въ раз-боѣ и истязаніи болгаръ; сами же крымцы явились усердными слугами

*) 24-го или 25-го числа.

по доставкѣ намъ продовольствія. Одинъ изъ нихъ, расторопный и умный паренъ, ссылаясь на свое знакомство съ черкесами, утверждалъ, что если умѣть взяться за дѣло, то многіе изъ нихъ охотно перейдутъ на сторону русскихъ, и въ доказательство предлагалъ отпустить съ нимъ одного изъ офицеровъ, котораго онъ сведетъ къ черкесскимъ старшинамъ, ручаясь за успѣхъ.

Но такъ какъ порука его заключалась лишь лично въ немъ самомъ и, въ случаѣ обмана или неудачи, могла повести къ большимъ непріятностямъ, то предложеніе его не было принято.

Отдавая намъ оружіе, мусульмане просили выдать имъ, на имя селенія, удостовѣреніе въ томъ, что разѣзды наши не были встрѣчены враждебно, что оружіе ими выдано, какъ доказательство того, что наличные жители желаютъ мирно оставаться на своихъ мѣстахъ. Справедливость и необходимость удержать жителей на своихъ мѣстахъ, требовали удовлетворенія этой просьбы и посему тѣмъ селеніямъ, въ которыхъ не было оказано сопротивленія, были выданы свидѣтельства.

Переходя къ прерванному отчету о послѣдовательныхъ нашихъ дѣйствій, напомнимъ, что 25-го числа полу-сотня Кубанскаго полка вошла въ связь съ разѣздомъ 9-го корпуса.

Пока эта связь осуществлялась у селенія Татары, мы, на бивуакѣ у Булгарени, получили разъясненіе причины неприбытія 9-го корпуса.

Разъясненіе это заключалось въ новомъ приказаніи полеваго штаба, присланномъ черезъ штабъ 8-го корпуса съ надписью секретно. Суть его для Кавказской казачьей бригады заключалась въ приказаніи оставаться на рѣкѣ Осмѣ, а 9-му корпусу предписывалось только сегодня начать переправу черезъ Дунай.

Слѣдовательно, въ силу этого приказанія, наше движеніе впередъ было приостановлено на двое сутокъ противу первоначальнаго предположенія и 25-го числа *) наши войска должны были занимать: Передовой отрядъ—Батакъ; Кавказской казачьей бригадѣ—оставаться на Осмѣ; 35-я пѣхотная дивизія—у Овчей-Могилы, выдвинувъ, если нужно, авангардъ на рѣку Осму для поддержки Кавказской бригады; 8-я кавалерійская дивизія—у Павлы или на Янтрѣ, по распоряженію генералъ-лейтенанта Ванновскаго; 12-й корпусъ—у Павлы; 8-й корпусъ—на своихъ мѣстахъ производить работы, которыя продолжаетъ и 26-го іюня; 1-я пѣхотная дивизія—переправляется и идетъ на Царевницу, и 9-й корпусъ—начинаетъ переправу и располагается у Систово, по пути въ Плевну.

И такъ утромъ, 25-го числа, то есть того дня, въ который Кавказ-

*) Приказомъ на 25-е іюня по войскамъ дѣйствующей арміи.

ская бригада *) должна была выступить съ рѣки Осмы вмѣстѣ съ 9-мъ корпусомъ, она должна была оставаться на мѣстѣ. Слѣдовательно, она третій день не имѣла между собою и Систовымъ промежуточной части, такъ какъ бывшая за нею 35-я дивизія, 23-го числа перешла въ Овчу-Могилу.

Дѣлаю это замѣчаніе, съ единственною цѣлью обратить вниманіе тѣхъ, которые перѣдко винятъ конницу въ нежеланіи ея удалиться отъ пѣхоты. Сознавая многіе недостатки, рѣзко обозначившіеся у насъ въ минувшую войну, я тѣмъ не менѣе позволяю себѣ не безусловно согласиться съ справедливостью этого обвиненія, и карта лучше всякихъ разсужденій поддержитъ доказательство противнаго. Если конница, какъ говорятъ, не оказалась на высотѣ своего назначенія, то думаю, что это произошло именно оттого, что она, далеко выдвинутая въ слабомъ составѣ, не могла олицетворять собою самостоятельнаго кавалерійскаго отряда, безпрестанно расходуясь на всякаго рода разъѣзды, посылки, летучія почты и тому подобное. Если бы пѣхота имѣла при себѣ собственно къ ней приданную конницу, для ея ближняго охраненія и разъѣздовъ и для непосредственной ея поддержки въ бою, то, вѣроятно, отдѣльные кавалерійскіе отряды сослужили бы большую службу.

Растянутая въ одну линію, наша конница не имѣла за собою той глубины охранительнаго расположенія, которая позволяла-бы чередовать сторожевую службу и оттого ряды ея таяли преждевременно; оттого она въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (какъ напримѣръ Кавказская бригада и нѣкоторые другіе полки), буквально не покидала передовой цѣпи; а это непрерывное физическое и нравственное напряженіе вызывало утомленіе чрезвычайное. Но привсемъ томъ, полная покорность обязанности, и беззавѣтная отвага не оставляли ряды въ самые тяжелые дни нашихъ испытаній.

Итакъ, мы вошли въ связь съ 9-мъ корпусомъ, то есть, выполнили ее въ первый же день его переправы. Повидимому, связь произошла случайно; но въ сущности, съ обѣихъ сторонъ были приняты къ тому мѣры. Кавказская бригада выслала отъ себя полу-сотню Кубанскаго полка, 9-й корпусъ, по переходѣ Дуная, отправилъ къ намъ, на Булгарени, сотню 34-го Донскаго полка, съ капитаномъ генеральнаго штаба Куммерау. Получивъ черезъ него приказаніе корпуснаго командира явиться къ нему, я съ капитаномъ Стромиловымъ, въ одиннадцать часовъ вечера 25-го іюня, прибылъ въ Ореше, гдѣ была расположена главная квартира 9-го корпуса. Бугскій уланскій полкъ и 9-й Донской казачій составляли кавалерійскую бригаду при 9-мъ корпусѣ. Командующій 9-й

*) По первоначальному распредѣленію.

кавалерійской дивизіей генераль-маіоръ Лошкаревъ, находился при этой бригадѣ и Кавказской бригадѣ, по приказанію начальника 9-го корпуса было предписано быть въ его распоряженіи. При генераль-маіорѣ Лошкаревѣ находился и командиръ 1-й бригады 9-й дивизіи, генераль-маіоръ Ольдекопъ. Остальные два полка 9-й дивизіи: Казанскій драгунскій и Кіевскій гусарскій вошли въ составъ передоваго отряда.

Генераль Криденеръ объявилъ намъ, что по приказанію Главнокомандующаго, Кавказская бригада временно причислена къ 9-му корпусу, для усиленія его кавалерією, но по миновеніи надобности будетъ возвращена въ составъ передоваго кавалерійскаго отряда.

Вслѣдъ затѣмъ, намъ было приказано неуклонно держать разъѣзды съ передовымъ отрядомъ, а во всемъ остальномъ руководствоваться приказаніями по 9-му корпусу.

Ближайшія распоряженія Кавказская бригада должна была получать отъ генераль-маіора Лошкарева, назначеннаго начальникомъ кавалеріи 9-го корпуса.

Выслушавъ докладъ о дѣйствіяхъ Кавказской бригады за прошлые дни, разсмотрѣвъ отмѣченную капитаномъ Стромилковымъ карту, разспросивъ его о сдѣланныхъ замѣткахъ, корпусный командиръ остановилъ свое вниманіе на Плевнѣ, и я доложилъ ему, что по часъ моего отъѣзда изъ Булгарени, въ Плевнѣ, по собраннымъ извѣстіямъ, не было болѣе 120—150 человекъ вооруженныхъ турокъ.

Дальнѣйшія событія подъ Плевной послѣдовали тотчасъ послѣ нашихъ первоначальныхъ успѣховъ,—и внезапною своею возбудили много ложныхъ слуховъ. Передача отдѣльныхъ личныхъ впечатлѣній, и отсутствіе точныхъ свѣдѣній о послѣдовательномъ ходѣ дѣлъ, перепутали отдѣльные событія, и исказили истину. Поэтому я позволяю себѣ думать, что буду вправѣ упомянуть здѣсь о соображеніяхъ командира 9-го корпуса, по поводу занятія Плевны на столько, на сколько онѣ касались Кавказской бригады. Занятіе Плевны не ускользало у него изъ виду, такъ какъ можно было опасаться, что при движеніи 9-го корпуса на Никополь, турки могутъ угрожать этому предпріятію, прибывъ изъ подъ Софіи или Виддина. Слѣдовательно, намъ выгодно было занять Плевну. Но 9-му корпусу не изъ чего было отдѣлять такого отряда, который могъ бы отстоять Плевну отъ приступа на нее мало-мальски значительныхъ силъ непріятеля; а между тѣмъ, ближайшія подкрѣпленія къ нему были у Систова; и лично мнѣ конечно неизвѣстно, насколько онѣ могъ на нихъ рассчитывать *).

*) Примѣръ же Казанлыка и первое занятіе Ловчи, достаточно говорятъ за безо-

Для прочнаго занятія Плевны не стоило и посылать въ нее менѣе одного полка; но надо помнить, что отъ Ореше до Плевны онъ долженъ былъ пройти почти шестьдесятъ верстъ; выступивъ 26-го числа поутру, онъ могъ быть въ Плевнѣ только 27-го вечеромъ, или 28-го числа утромъ. Плевна же была занята, послѣ полудня 27-го числа шестью таборами турокъ, при шести орудіяхъ и нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ. Слѣдовательно, если часть 9-го корпуса двинулась бы на Плевну прямо отъ Систова, то она нашла бы тамъ турокъ, предупредившихъ ее на десять—двѣнадцать часовъ. Но 25-го вечеромъ Плевна была еще свободна и корпусный командиръ сочувственно отнесся къ выраженной ему просьбѣ придать хоть два баталіона, къ Кавказской казачьей бригадѣ, и ими занять Плевну, такъ какъ одни казаки, конечно, не могли быть достаточной силой для обороны города. Нельзя упускать изъ виду, что Кавказская бригада должна была держать связь съ передовымъ отрядомъ, находившимся подъ Тырновымъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Плевны, и на сорокъ верстъ къ сѣверу между Видомъ и Осмой; поэтому она могла располагать максимумъ шестью конными сотнями при трехъ фунтовыхъ орудіяхъ; т. е. четыремястами человѣкъ пѣшей обороны *), назначенной собственно для защиты города.

Корпусный командиръ совершенно былъ согласенъ съ необходимостью послать хотя два баталіона пѣхоты въ Плевну, и тутъ же былъ сдѣланъ расчетъ о возможности исполненія этого предположенія. Но оказалось, что по расчету необходимыхъ силъ для сбора ихъ передъ Никополемъ, въ настоящее время никакая часть не могла быть отдѣлена на Плевну.

Къ вечеру 25-го числа только головныя части 5-й пѣхотной дивизіи подходили къ Ореше **).

Получивъ дополнителныя приказанія отъ генераль-лейтенанта Криденера и генераль-маіора Лошкарева, мы выѣхали изъ Ореше рано утромъ 26-го іюля и въ восемь часовъ утра прибыли къ своей бригадѣ въ Булгарени.

лезность занятія какого-либо нужнаго пункта, безъ возможности удержать его за собою при наступленіи непріятеля.

*) Дѣлаю это поясненіе для лицъ не знакомыхъ съ числительностью конной бригады; мнѣ лично приходилось слышать сужденія основанныя на предположеніи, что кавалерійская бригада заключаетъ въ себѣ отъ пяти до шести тысячъ чоловѣкъ, слѣдовательно, представляетъ вполне самостоятельную силу для обороны города.

**) 9-й корпусъ состоялъ изъ 5-й и 31-й пѣхотныхъ дивизій.

IV.

Кавказская бригада въ распоряженіи 9-го корпуса.

26-го Юня.

Здѣсь мы узнали, что не болѣе часа назадъ, выступила съ бивуака ночевавшая у насъ полу-сотня Донскаго № 30-го полка, (изъ бригады герцога Николая Лейхтенбергскаго); она была выслана разъѣздомъ изъ Батака отъ сводной бригады для связи съ нами, но, миновавъ Булгарени прошла въ Плевну. Слабая рота низама, (сто двадцать человѣкъ) положила передъ ней оружіе, но сотенный командиръ не могъ забрать съ собою сдавшихся въ плѣнъ, въ виду появленія несоразмѣрной съ его силами партіи черкесовъ и пришелъ въ Булгарени въ ночь съ 25-го на 26-е число; переночевавъ у насъ на бивуакѣ онъ вернулся къ своему отряду, выступившему подъ Тырновъ. Замѣчу, что 25-го числа, Тырновъ былъ занятъ отрядомъ генерала Гурко *)

Итакъ разъѣздъ 30-го донскаго полка, подтвердилъ достовѣрность сообщенныхъ намъ свѣдѣній о Плевнѣ.

27-го Юня.

Послѣ полудня 27-го числа, мы были увѣдомлены безкорыстнымъ нашимъ развѣдчикомъ Евфиміемъ о приближеніи турецкой регулярной пѣхоты къ Плевнѣ; вмѣстѣ съ болгаринѣмъ, доставившимъ это извѣстіе, пришли изъ Плевны жители, успѣвшіе выбраться оттуда заблаговременно. Всѣ они одинаково свидѣтельствовали о приготовленіяхъ къ поголовному бѣгству болгаръ, въ виду появленія турокъ подъ Плевной; но расходились между собою въ показаніяхъ, о направленіи движенія турокъ; по словамъ однихъ они прибыли изъ подъ Софіи, по словамъ другихъ изъ подъ Никополя.

По полученіи этихъ извѣстій, отъ кавказской бригады были двинуты къ Плевнѣ двѣ сотни Владикавказскаго полка (первая и вторая) при двухъ орудіяхъ, конногорной батареи подъ начальствомъ подполковника Бибикова. При этомъ было условлено, что если въ скоромъ времени отъ него не будетъ получено благопріятныхъ извѣстій, то это молчаніе принято будетъ за признакъ дѣйствительнаго присутствія турокъ въ Плевнѣ, и

*) О появленіи черкесовъ передъ разъѣздомъ 30-го Донскаго полка — пишу по рассказу, и за точность его не рѣчаюсь.

въ подкрѣпленіе ему будутъ высланы двѣ сотни осетинъ. Въ то же время отъ Кавказской бригады послано донесеніе, въ штабъ 9-го корпуса о занятіи Плевны турками и объ отправленіи подполковника Бибикова для опредѣленія турецкихъ силъ.

Бибиковъ выступилъ около пяти часовъ пополудни и, слѣдуя по Плевненскому шоссе встрѣтилъ неподалеку отъ селенія Раденицы, новую толпу болгаръ съ находившимся между ними Евфиміемъ. Присутствіе этого послѣдняго было въ высшей степени полезно, такъ какъ его показанія, до сихъ поръ были толковыя. Онъ передалъ Бибикову, что турки вступили въ Плевну изъ подъ Никополя, сего числа въ четыре часа пополудни; а прибывъ къ намъ на разсвѣтъ, опредѣлилъ мнѣ число ихъ въ шесть таборовъ, шесть орудій и нѣсколько сотенъ Черкесовъ.

По полученіи этихъ свѣдѣній было бы безцѣльно продолжать движеніе ночью, и потому, Бибиковъ ночевалъ въ Раденицѣ, чтобы на разсвѣтъ выступить на Плевну. О ночлегѣ въ Раденицѣ и о полученныхъ свѣдѣніяхъ онъ увѣдомилъ командира полка полковника Левиса слѣдующею запискою, присланной мнѣ командиромъ полка:

«27-го іюня. Подполковникъ Бибиковъ сообщилъ слѣдующее: два священника, выѣхавшіе изъ нашего лагеря въ Плевну и вернувшіеся назадъ, встрѣтили въ Раденицѣ дивизіонъ, объявили, что Кель-Ассанъ-паша въ четыре часа пополудни съ пѣхотою, кавалеріею и шестью орудіями занялъ Плевну, отступивъ отъ Никополя. Дивизіонъ остался въ Раденицѣ; и съ разсвѣтомъ сдѣлаетъ рекогносцировку къ Плевнѣ, чтобы удостовѣриться въ точности сообщенныхъ свѣдѣній. Жду приказанія.»

Полковникъ Левисъ.

Записка эта была получена поздно вечеромъ 27-го числа и назначенныя на его подкрѣпленіе двѣ сотни осетинъ тотчасъ были двинуты на Раденицу.

28-го Іюня.

Между тѣмъ на 28-е число была предположена, въ штабѣ 9-го корпуса рекогносцировка на Дебо, Слатину и Лозаницу, подъ начальствомъ генераль-маіора Лошкарева, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Главныя силы: 9-й уланскій Бугскій, со 2-й Донской батареею, 20-й Галицкій пѣхотный, со 2-й и 5-й батареями 5-й артиллерійской бригады слѣдуютъ изъ с: Пятикладенцы по большой дорогѣ на Никополь, имѣя въ головѣ отрядъ генераль-маіора Ольдекопа изъ 9-го уланскаго Бугскаго полка и 2-хъ сотенъ 9-го Донскаго полка, подъ начальствомъ командира

полка. Эти части выступают въ десять часовъ утра съ бивуака у с. Пятикладенцы.

2) Двѣ сотни 9-го Донскаго полка, подъ командою войсковаго старшины Смирнова, въ десять же часовъ утра, выступаютъ изъ с. Пятикладенцы черезъ Новосело въ Эски-Новачи на рѣкѣ Осмѣ, гдѣ обязательно должны войти въ связь съ Кубанскимъ казачьимъ полкомъ и слѣдовать далѣе на Слатину.

3) Остальныя двѣ сотни 9-го Донскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Криденера, выступая въ десять часовъ утра, слѣдуютъ черезъ Татаръ-Село въ Яково на Калиново до Лозоицъ.

4) Пѣхота: 20-й Галицкій, 2-я и 5-я батареи 5-й артиллерійской бригады, выступаютъ изъ Пятикладенцы въ десять три четверти часовъ утра и слѣдуютъ за 9-мъ Уланскимъ полкомъ на Никополь.

5) Кубанскій полкъ, Кавказской бригады, выступаетъ съ своего бивуака, съ расчетомъ прибыть въ село Лени-Новаджи въ двѣнадцать часовъ пополудни 28-го іюня и долженъ войти въ связь съ 2-мя сотнями 9-го Донскаго полка.

Конечными мѣстами движенія были назначены: Лозоица, Слатина и для Кубанскаго полка Дебо; войскамъ, идущимъ по правому берегу Осмы приказано сдѣлать привалъ у деревни Эски-Новачи и въ первомъ часу дня продолжать слѣдованіе далѣе. Командиръ отряда обозначилъ свое мѣсто-пребываніе въ 9-мъ уланскомъ Бугскомъ полку, куда и приказано доставлять донесенія.

Выступленіе назначено безъ обоза, которому приказано собраться въ Пятикладенцахъ, гдѣ и принять изъ интенданскаго транспорта, буде таковой прибудеть, сухари на пополненіе израсходованныхъ.

Итакъ, на утро 28-го іюня, Кавказская бригада должна была участвовать въ двухъ рекогносцировкахъ: 4-мя сотнями Владикавказскаго полка у Плевны и Кубанскимъ полкомъ въ направленіи на Дебо.

Рано утромъ, Кубанскій полкъ выступилъ по назначенію. Около полудня, 28-го числа, мы получили отъ начальника штаба 9-й кавалерійской дивизіи сообщеніе, отправленное 28-го іюня, въ девять часовъ утра, съ бивуака у деревни Пятикладенцы.

«Начальникъ штаба 9-го корпуса передалъ, что командиръ корпуса приказалъ не начинать предположеннаго движенія на городъ Никополь, впредь до приказанія».

Полковникъ Макшеевъ.

Въ силу сего Кубанскій полкъ возвратился на бивуакъ, а генералу Лошкареву было донесено, что отъ подполковника Бибикова, не получено еще донесеній изъ подъ Плевны.

Около трехъ часовъ пополудни было получено вторичное сообщеніе отъ генераль-маіора Лошкарева.

28-го іюня, деревня Пятикладенцы.

«Движеніе авангарда 9-го армейскаго корпуса къ Никополю, приоста-новленное на основаніи вашего донесенія объ отступленіи противника къ Плевнѣ, командиръ корпуса приказалъ продолжать; поэтому ввѣренный мнѣ авангардъ началъ движеніе отъ Пятикладенцы въ часъ пополудни сего 28-го іюня».

Генераль-маіоръ Лошкаревъ.

Увѣдомленіе это было привезено разъѣздомъ Бугскаго уланскаго полка и съ нимъ же было отправлено къ генералу Лошкареву только что полу-ченное донесеніе Бибикова, о произведенной имъ рекогносцировкѣ. Одно-временно съ этимъ, отъ Кубанскаго полка были посланы сильныя разъѣ-ды по дорогѣ на Плевну и западнѣе ея на Турскій-Тростяникъ до лѣваго берега Осмы.

Подполковникъ Бибиковъ доносилъ, что онъ, выступивъ на разсвѣтѣ, и пройдя деревню Гривицу, завязалъ за нею перестрѣлку съ непріятельскою конною цѣпью, которая отступила на Плевну; но вслѣдъ затѣмъ, по ди-визиону Владикавказскаго полка, былъ открытъ огонь изъ четырехъ орудій, прикрытыхъ, приблизительно таборомъ пѣхоты. За этими передовыми си-лами, видѣлся лагерь и можно было предположить о существованіи еще двухъ орудій, поставленныхъ скрытно на позиціи у Гривицы.

Высмотрѣвъ, на сколько было возможно, силы противника, опредѣленные имъ «не менѣе какъ въ четыре тысячи человѣкъ», при четырехъ или шести орудіяхъ и двухъ конныхъ сотняхъ, Бибиковъ, началъ отводить свои сотни изъ подъ выстрѣловъ турецкихъ орудій; но отступалъ медленно, задер-живаясь на всякомъ, сколько-нибудь удобномъ закрытіи, дабы не оставить за собою бѣгущихъ изъ Плевны болгаръ. Пропустивъ всѣхъ спасавшихся изъ Плевны за ряды ввѣренныхъ ему сотенъ, Бибиковъ отошелъ на Бул-гарени. По полученіи этихъ свѣдѣній, изъ Кавказской бригады было от-правлено донесеніе въ штабъ 9-го корпуса.

Итакъ, рекогносцировка Владикавказскаго полка, произведенная 28-го іюня, подтвердила занятіе Плевны четырьмя или шестью тысячами турокъ. Авангардъ же 9-го корпуса, продвинувшись въ это время къ Никополю по правому берегу Осмы, дошелъ до села Мерховицы.

29-го Іюня.

На 29-е іюня Кавказская бригада получила, въ числѣ прочихъ войскъ 9-го корпуса, диспозицію, въ которой было предписано:

- 1) Главнымъ силамъ 9-го корпуса приблизиться къ своему авангарду, находящемуся на правомъ берегу Осмы.
- 2) Вологодскому полку занять Булгарени, а
- 3) Кавказской бригадѣ было приказано:
 - а) Сохранять связь съ передовымъ отрядомъ;
 - б) Наблюдать за Плевной;
 - в) Стараться поддержать дѣйствіе отряда генералъ-маіора Лошкарева для перерыва сообщенія Никополя съ Плевною и Виддиномъ *).
 - г) Устроить конную почту въ Истижорѣ. Последнее приказаніе было выражено въ особой запискѣ, присланной отъ корпуснаго командира отъ 29-го іюня.

Полковнику Тутолмину.

«Сегодня придутъ въ Булгарени два полка пѣхоты безъ четырехъ ротъ, съ тремя батареями. Хорошо бы узнать, сколько именно войскъ въ Плевнѣ. Весьма желательно, чтобы вы поддержали поискъ генерала Лошкарева на мосты ниже Дебо и къ сторонѣ Виддина. Устройте конную почту въ Истижорѣ, куда я посылаю казаковъ, посылаю вамъ патроновъ и сухарей».

«Генералъ-лейтенантъ баронъ Криднеръ.»

«Я ѣду въ Пятикладенцы, куда направляйте донесенія въ продолженіи дня».

Итакъ, по отношенію къ Никополю, Кавказская бригада должна была выслать отъ себя значительную часть, чтобы поддержать поискъ генералъ-маіора Лошкарева на мосты у Дебо и къ сторонѣ Виддина, т. е. въ Гиляны (Бродъ).

Предстоящая намъ работа поселила въ насъ тягостныя предчувствія по сознанію трудности ея удачнаго выполненія. Ясно было, что по растянутости нашего расположенія, намъ трудно будетъ во время помочь другъ другу, не только собраться для какого-либо рѣшительнаго предпріятія.

Но обстоятельства и служба требовали отъ насъ возможнаго исполненія и для сего, въ Кавказской бригадѣ было сдѣлано распоряженіе, одною частью бригады дѣйствовать на юго-востокъ отъ Плевны, другою на сѣверо-западъ отъ нея. Именно:

*) Диспозиція отданная по 9-му армейскому корпусу и Кавказской бригадѣ 28-го іюня 1877 года, село Ореше.

а) Одна сотня (3-я Владикавказскаго полка) была назначена на разъѣзды въ Тырново, для связи съ передовымъ отрядомъ и потому одна ея полусотня тотчасъ же отправлена туда подъ начальствомъ сотника Верещагина; б) другая полусотня ея, должна была выступить туда же, въ случаѣ надобности. (Въ виду этого назначенія, она не расходовалась на разъѣзды, оставаясь въ составѣ бригады, въ готовности выступить по направлению на Тырново). Сотнику Верещагину было указано посылать свои донесенія къ намъ черезъ Булгарени въ Турскій-Тростяникъ; в) въ это послѣднее мѣсто, какъ наиболѣе выгодное для наблюденія за Плевной, по средоточію въ немъ путей, идущихъ отъ обоихъ крыльевъ 9-го корпуса, были назначены двѣ сотни Кубанскаго полка; г) одна сотня сборная отъ обоихъ полковъ была оставлена при обозѣ. Смотри по надобности, она могла служить подкрѣпленіемъ на Тырновъ или Тростяникъ; д) остальные восемь съ половиной сотенъ *) должны были слѣдовать черезъ Тростяникъ на Мечку, для соединенія съ генераль-маіоромъ Лошкаревымъ, которому предписано было, по диспозиціи на 29-е число іюня, занять переправу на Осмѣ у Мысылеу, а если окажется возможнымъ, то и переправу черезъ Видь у Гилянъ.

Начало нашего движенія было назначено въ шесть часовъ утра, выступленіемъ на Турскій-Тростяникъ Кубанскаго полка, при двухъ орудіяхъ. Оттуда онъ долженъ былъ возможно далѣе освѣтить мѣстность и если не встрѣтятся препятствій, оставить въ Тростяникѣ двѣ сотни, съ остальными слѣдовать на Мечку. Владикавказскій полкъ долженъ былъ выступить вслѣдъ за Кубанскимъ и смотря по обстоятельствамъ, сегодня или завтра дойти до Мечки. Переходъ отъ Булгарени до Мечки верстъ двадцать, пять.

По прибытіи Кубанскаго полка въ Турскій-Тростяникъ, командиръ полка доносилъ, что «ввѣренный ему полкъ прибылъ въ селеніе Турскій-Тростяникъ въ одиннадцать часовъ пополудни и посланы разъѣзды: 1) въ Вербицу; 2) въ Кожловцы и 3) въ Парадимъ. Остальные четыре

*) Здѣсь я считаю нужнымъ оговорить, что сборная сотня была составлена изъ лучшихъ лошадей, дабы по возможности намъ не имѣть задержки въ своемъ движеніи. Поэтому, выходя изъ Булгарени, мы имѣли полное число сотенныхъ значковъ въ каждомъ полку; но сотни выступили по десяти рядовъ во взводѣ, т. е. въ уменьшенномъ количествѣ рядовъ. Говорю это въ виду того поясненія, что ниже придется упоминать о присутствіи подъ рукой шести съ половиной сотенъ; но это число должно означать только валовой итогъ людей, но не число нумерныхъ сотенъ. Выступившія сотни можно было считать круглымъ числомъ по девяносто строевыхъ казаковъ въ каждой, такъ какъ въ ряды ихъ не входили вьюки и состоящее при нихъ необходимое число людей въ родѣ прикрытія, которое конечно не могло принимать участія въ дѣлахъ бригады.

сотни и два орудія выступаютъ въ Мечку, выслать разъѣзды для связи съ 9-й кавалерійской дивизіей въ селенія Дебо и Новаджи.

Владикавказскій полкъ нагналъ въ Турскомъ-Тростяникъ Кубанцевъ и вмѣстѣ съ ними выступилъ на мечку; двѣ сотни Кубанскаго полка (первая есаула Порхоменки и вторая сотника Шишкова) оставлены въ Тростяникъ подъ начальствомъ маіора Сипягина. 4-я и 5-я сотни Кубанскаго полка (есаула Юрьева и сотника Вышеславцева) подъ начальствомъ войсковаго старшины князя Кирканова назначены были въ авангардъ для непосредственной поддержки генерала Лошкарева.

Къ вечеру 29-го іюня, дѣйствія Кавказской бригады сводились: 1) къ тому, что въ Турскомъ-Тростяникъ 1-я сотня есаула Порхоменки отбросила отъ Парадима до двухсотъ человекъ черкесовъ *); 2) въ Мечкѣ. Сотникъ Вышеславцевъ, посланный съ полусотнею въ разъѣздъ на Мечку обезоружилъ ея жителей; 3) князь Киркановъ, соединивъ обѣ сотни, продвинулся для поддержки отряда генерала Лошкарева, захватилъ турецкій обозъ, испортивъ телеграфъ изъ Плевны въ Никополь и отдѣльными разъѣздами вошелъ въ связь съ 9-ю кавалерійскою дивизіею за Осмою.

Разъѣздъ переправился черезъ рѣку, и возвратился отъ начальника дивизіи съ запискою, помѣченною:

«Авангардъ 9-го корпуса въ Кавказскую бригаду.

«29-го іюня одиннадцать часовъ сорокъ минутъ, бивуакъ у Мерховицы.

«До настоящаго времени въ содѣйствіи не нуждаюсь, тѣмъ болѣе, что за Осмою стоятъ непріятельскія войска, а я Осмы не переходилъ и расположенъ въ виду Никополя.

Генералъ Лошкаревъ.

Итакъ, 29-го іюня, Кавказская бригада, выступивъ изъ Булгарени, боемъ освѣтила площадь отъ Парадима черезъ Вербицу до Дебо, и на основаніи диспозиціи стала одною изъ своихъ частей въ Мечкѣ, для поддержки генерала Лошкарева, другою въ Тростяникъ для наблюденія за Плевной.

*) Донесеніе 29-го іюня, семь часовъ пополудни, мѣсто отправленія Турскій-Тростяникъ. Въ пять съ половиною часовъ пополудни, разъѣздъ, посланный въ Парадимъ донесъ о присутствіи въ немъ приблизительно двухъ сотенъ горцевъ, видимо намѣревавшихся отрѣзать разъѣздный взводъ. Есауль Порхоменко двинулся съ главнымъ карауломъ на выручку и отогналъ непріятеля, у котораго видимой потери четыре лошади. Что касается до потери непріятеля въ людяхъ, то она не могла быть видима вслѣдствіе мѣстныхъ условій. У насъ потери нѣтъ. (Маіоръ Сипягинъ).

30-го Іюня.

Въ седьмомъ часу утра, изъ штаба 9-го корпуса, расположеннаго въ Ореше, намъ прислана была диспозиція на 30-е число, по которой *) главнымъ силамъ 9-го корпуса приказано было: 1) стянуться правымъ берегомъ Осмы черезъ Новосело къ деревнѣ Новачи. 2) Костромскому пѣхотному полку занять Турскій-Тростяникъ, для наблюденія за Плевной. 3) 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи (Архангелогородскій полкъ безъ 4-хъ ротъ и Вологодскій пѣхотный полкъ) съ 4-ю батареею 31-й артиллерійской бригады занять Мечку, для наблюденія за путями, ведущими изъ города Никополя въ Плевну. 4) Одному изъ полковъ Кавказской бригады, приказано оказывать содѣйствіе Костромскому полку, другому же, 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. 5) Командующему 9-ю кавалерійскою дивизіею, кромѣ возможныхъ рекогносцировокъ ничего не предпринимать въ теченіе 30-го іюня.

Слѣдовательно, Костромской полкъ и 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, становились на мѣста Кавказской бригады;—она освѣтила ихъ прибытіемъ наканунѣ и снова получила приказаніе служить имъ между Никополемъ и Плевною.

Оставленные въ Тростяникѣ двѣ сотни Кубанскаго полка, по соображеніямъ полковаго командира, были замѣнены 3-ю и 4-ю сотнями, подъ начальствомъ князя Кирканова, которому приказано было поступить въ распоряженіе командира Костромскаго пѣхотнаго полка для наблюденія за Плевною. 2) Въ случаѣ надобности, князю Кирканову было разрѣшено воспользоваться сборною сотнею, оставшеюся при обозѣ. 3) Такъ какъ 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи прибывала сегодня въ Мечку, то мнѣ слѣдовало дожидаться ея прихода и условиться съ командиромъ бригады о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а пока продолжать освѣщеніе площади отъ Мечки по направленіямъ на Плевну и Никополь.

Для сего полусотня 6-й сотни Кубанскаго полка, подъ начальствомъ хорунжаго Свидина, была отправлена въ село Гиляны на рекогносцировку находившагося тамъ моста, на обратномъ пути донести объ осмотрѣ начальнику 9-й кавалерійской дивизіи, и получить отъ него пропуски и пароли, взамѣнъ окончившихся, выданныхъ изъ Главной квартиры передъ переправой.

Владикавказскому полку было приказано освѣтить все пространство отъ праваго крыла Кубанскихъ сотенъ, стоящихъ въ Тростяникѣ, и продвинуться возможно далѣе къ дорогѣ Плевно-Никополь.

*) Диспозиція по войскамъ 9-го корпуса и Кавказской бригадѣ 29-го іюня, село Ореше.

Назначенная для этого 4-я сотня Владикавказскаго полка, въ семь часовъ утра открыла, въ глубокой лощинѣ селенія Куюловцы, человекъ четыреста конныхъ черкесовъ. Есауль Скоритовскій тотчасъ же послалъ донесеніе на бивуакъ, а самъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, завязалъ перестрѣлку.

Но черкесы, видя превосходство своихъ силъ, перешли въ наступленіе, которое Скоритовскій удерживалъ огнемъ спѣшенныхъ казаковъ, отступая шагъ за шагомъ на главные силы. На поддержку Скоритовскому была выслана 1-я сотня Владикавказскаго полка, подъ начальствомъ есаула Астахова, и вслѣдъ за нею поднялись по тревогѣ остальные шесть сотенъ, потому что по нѣкоторымъ особенностямъ, можно было предположить непріятеля сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Полковникъ Левисъ двинулъ осетинъ на поддержку двухъ передовыхъ сотенъ и черкесы, завидя приближеніе нашихъ подкрѣпленій, бѣжали. Тогда 1-я и 4-я сотни Владикавказскаго полка бросились ихъ преслѣдовать по направленію къ Плевнѣ и гнали вплоть до лѣса, находящагося за Вербицей, въ которомъ черкесы и укрылись *).

Въ половинѣ этого дѣла подоспѣла на выручку 2-я сотня Кубанскаго полка отъ Турскаго-Тростяника и способствовала преслѣдованію черкесовъ.

Управившись съ черкесами въ юго-западномъ направленіи, мы снова были подняты по тревогѣ въ четыре часа, противъ черкесскаго отряда, появившагося въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Бресляницы. Сторожевая сотня Кубанскаго полка, поддержанная 1-й сотнею Владикавказскаго, была двинута для отраженія этой новой шайки силою въ двѣсти человекъ, появившихся, повидимому, съ цѣлью захватить пасшійся болгарскій скотъ, но встрѣченная нашими сотнями, она была опрокинута и преслѣдуема.

Главнымъ же успѣхомъ этого дня былъ удачный понекъ хорунжаго Свидина на Гиляны, для осмотра моста на рѣкѣ Видѣ.

Выступивъ, на легкѣ, рано поутру изъ Мечки, онъ къ двѣнадцати часамъ дня былъ уже передъ мостомъ у селенія Гиляны (Бродъ). Убѣдясь въ существованіи деревяннаго на сваяхъ моста и узнавъ отъ жителей о частомъ появленіи черкесовъ и турецкихъ обозовъ идущихъ изъ Никополя, подъ военнымъ прикрытіемъ къ Гилянамъ, хорунжій Свидинъ двинулся далѣе къ Никополю и подошелъ къ высотамъ Шамли. Ловко пробравшись передъ аванпостами расположенными передъ нимъ по направленію на востокъ на Мыслеу, онъ повернулъ къ югу на Дебо, близъ

*) Донесенія полковыхъ командировъ.

котораго и расположился на отдыхъ. Съ ранняго утра, лошади его были осѣдланы и потому онѣ нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ, во время котораго хорунжій Свидинъ отправилъ донесеніе въ Мерховицы, объ осмотрѣ моста въ Гилянахъ. Между тѣмъ, выставленные имъ сторожевые посты извѣстили о приближеніи конной шайки, челоѣкъ въ шестидесять, черкесовъ. Быстро поднятая полусотня опрокинула и преслѣдовала непріятеля вплоть до Мыслеу.

Одновременно съ появленіемъ хорунжаго Свидина передъ Мыслеу была выслана противъ него сотня турецкой конницы съ бивуака, что виднѣлся по направленію на Шамли, и казаки были встрѣчены оттуда орудіейнымъ огнемъ.

Тогда, Свидинъ отступилъ снова на Дебо, гдѣ и дождался отвѣта отъ генераль-маіора Лошкарева, присланнаго въ запискѣ, отъ 30-го іюня, 7-ми часовъ пополудни, съ бивуака у деревни Мерховицы.

Хорунжему Свидину, въ селеніе Дебо.

«Пароль корпуснымъ штабомъ сообщенъ только до 30-го іюня, а потому пароль, отзывъ и пропускъ на 1-е іюля остаются тѣже, что были 20-го іюня. Передайте командиру Кавказской бригады, что сегодня 30-го іюня изъ деревни Вубе (Убла) *) выбита непріятельская пѣхота, деревня Вубе занята теперь 1-мъ баталіономъ Галицкаго полка. Далѣе не двинулись согласно приказанію командира корпуса. Развѣзды донесли, что на лѣвомъ берегу Осмы, у деревни Мыслеу, турки строятъ ложементы для пѣхоты и на четыре орудія.

«Генераль-маіоръ Лошкаревъ.»

Получивъ эту записку хорунжій Свидинъ возвратился въ одиннадцать часовъ ночи на бивуакъ подъ Мечку.

Между тѣмъ около трехъ часовъ пополудни, была получена записка начальника 5-й пѣхотной дивизіи:

Отъ 30-го іюня одиннадцати часовъ двадцать минутъ пополудни:

Изъ штаба 5-й дивизіи у села Пятикладенцы **).

Начальнику Кавказской бригады полковнику Тутолмину.

«Для свѣдѣнія сообщаю копію съ записки ко мнѣ генерала Шнитникова, полученной сегодня въ десять часовъ утра. Я со штабомъ 5-й дивизіи слѣдую сегодня съ 19-мъ Костромскимъ полкомъ въ село Турскій-Тростяникъ».

«Генераль-лейтенантъ Шпильдеръ.»

*) На правомъ берегу Осмы.

**) На правомъ берегу Осмы.

Въ этой копіи сообщалось:

Начальнику 5-й пѣхотной дивизіи.

«30-го числа іюня мѣсяца восемь часовъ, изъ Ореше, что командиръ корпуса рѣшилъ произвести сегодня всѣ предположенные передвиженія съ слѣдующими лишь измѣненіями:

«Стрѣлковымъ ротамъ 123-го пѣхотнаго *) полка, съ 1-ю батареею 5-й артиллерійской бригады (вмѣсто 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады) идти не черезъ Ново-село въ Новачи, а прямою дорогою въ Мырховицы, въ отрядъ генераль-маіора Лошкарева, которому объ этомъ и сообщите. Къ Костромскому же полку идущему въ Турскій-Тростяникъ, присоединить 5-ю батарею 31-й артиллерійской бригады. Саперная рота пойдетъ въ Новачи для устройства моста, куда сегодня переѣзжаетъ и корпусной командиръ. Пошлите объ этомъ извѣстіе полковнику Тутолмину».

Генераль-маіоръ Шнитниковъ.

Позднимъ вечеромъ 30-го числа подошла къ намъ 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи (17-й Архангелогородскій полкъ и 18-й Вологодскій полкъ генераль-маіора Кноринга) и расположилась на бивуакъ у Мечки.

Итакъ, 30-е число даетъ слѣдующій сводъ дѣйствій Кавказской бригады:

1) Двукратное пораженіе черкесовъ.

2) Рекогносцировка моста у Гилянъ.

3) Сообщение о семь авангарду 9-го корпуса и въ добавленіе къ этому дню, слѣдуетъ замѣтить, что на мѣста Кавказской бригады прибыли: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи въ Мечку, а Костромской полкъ въ Тростяникъ.

1-го Іюля.

На 1-е іюля никакихъ приказаній Кавказской бригадѣ не было при-слано; слѣдовательно, для нея осталось въ силѣ приказаніе отъ 30-го іюня, по которому она должна была оказывать содѣйствіе Костромскому полку въ Тростяникъ и 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, подъ Мечкой, т. е. на пути изъ Никополя въ Плевну. Изъ числа всѣхъ путей, ограниченныхъ рѣками Осмой и Видомъ было два главныхъ. Одинъ изъ нихъ, который назову среднимъ, шелъ изъ Мечки въ пяти верстахъ западнѣе

*) Въ подлинникѣ написано 123 Костромскаго полка; вмѣсто 123 Козловскаго полка.

Дебо, на Мысылеу; другой, выходя изъ Плевны, раздѣлялся у Бресляницы (верстъ десять западнѣе Мечки) на два рукава: первый изъ нихъ велъ на Осму къ Мысылеу, второй выходилъ къ рѣкѣ Виду на Чіековцы, отсюда спускался горами на Градешти, и здѣсь снова подымался въ гору у селенія Шамли.

На основаніи донесеній нашихъ разъѣздовъ, я былъ убѣжденъ, что турки должны предпочитать эту послѣднюю дорогу всѣмъ прочимъ, для сообщенія по ней между Никополемъ и Плевною. Не будучи длиннѣе средняго пути, она по отдаленію отъ насъ и по направленію своему подъ обрывами высокаго побережья Вида, была удобна для турокъ, прикрытыхъ горами.

Разсуждая такимъ образомъ, я считалъ необходимымъ большую часть своихъ силъ приблизить къ рѣкѣ Виду; на средней же дорогѣ, по которой разсчитывала двинуться наша пѣхота, оставлялъ двѣ сотни для освѣщенія 1-й бригады 5-й дивизіи и связи съ нами.

Предположеніе свое о движеніи пѣхоты по средней дорогѣ, я основывалъ на разговорѣ моемъ наканунѣ съ генераломъ Кнорингомъ, который, предполагая быть двинутымъ по ней, высказалъ о необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи хотя бы полсотню казаковъ и прислать ихъ по полученіи имъ приказанія о выступленіи.

Теперь я не могу хорошо припомнить, сообщилъ ли мнѣ генераль Кнорингъ о конечномъ пунктѣ своего движенія; но у меня сохранилась его записка, въ которой сказано:

«Прошу выслать назначенную моему отряду полусотню казаковъ; немедленно выступаю по направленію въ Говорени, что передъ Шамли».

«Генераль-маіоръ Кнорингъ.»

Смыслъ этой записки требовалъ, чтобы сотни казачьей бригады съ одной стороны выдвинулись къ рѣкѣ Виду на лѣвое крыло нашихъ войскъ, а съ другой освѣтили бы дорогу передъ 1-й бригадой 5-й дивизіи на Говорени. Затѣмъ, мы должны были дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ на рѣкѣ Видѣ, и уничтожить мостъ въ Говореняхъ (Градешти), чтобы прервать тамъ сообщеніе турокъ по лѣвому берегу рѣки *).

Но расходъ казаковъ былъ до того великъ, что при всемъ желаніи назначить ихъ въ распоряженіе генерала Кноринга, я просилъ у него позволенія прислать лично въ его распоряженіе только нѣсколько чело-

*) Говорени означена на картѣ Каница и отвѣчаетъ селу „Градешти“ на русской картѣ Артамонова. На австрійской картѣ подъ этими именами показаны два селенія, но въ дѣйствительности существуетъ одно.

вѣкъ; для освѣщенія же его движенія по средней дорогѣ, назначилъ двѣ сотни подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта (6-ю Кубанскую и 2-ю Владикавказскую). Они должны были быстро двинуться на Градешти, уничтожить мостъ и присоединиться къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, гдѣ бы она не остановилась.

Остальные шесть съ половиною сотенъ съ конногорными орудіями должны были двинуться черезъ Бресляницу на крайнюю, т. е. самую западную дорогу къ Виду.

Утромъ 1-го іюля, кавказскія сотни выступили изъ Мечки, пѣхота готовилась къ подъему. Едва шесть съ половиною сотенъ миновали деревню, какъ разъѣзды дали знать, что отъ Бресляницы показалась партія черкесовъ и осетины, бывшіе въ авангардѣ, завязали перестрѣлку. Въ это время я былъ потребованъ къ начальнику 5-й дивизіи, только что прибывшему въ Мечку, по которой тянулась наша пѣхота, и требовавшему меня къ себѣ.

Поручивъ старшему по себѣ полковнику Левису заступитъ мое мѣсто, я явился къ генералу Шильдеру, вѣзжавшему въ селеніе и доложилъ ему о взятомъ мною направленіи, о сдѣланномъ распоряженіи уничтожить мостъ и о томъ, что начинается дѣло по направленію къ Бресляницѣ. Одобривъ первоначальныя распоряженія, генералъ выѣхалъ на высоту за Мечкой, откуда ясно было видно завязавшееся дѣло.

Человѣкъ пятьсотъ конныхъ черкесовъ засѣли было въ балкѣ, намѣреваясь отрѣзать нашу авангардную сотню; но угрожаемые обходомъ первой Владикавказской сотни, выдвинутой съ нашего праваго крыла, они бросили балку и вытянулись передъ нашимъ фронтомъ.

Съ высоты, на которой стоялъ генералъ было видно, какъ вся черкесская туча принимала юго-западное направленіе, отходя на Плевну...

Видя это движеніе, начальникъ дивизіи указалъ мнѣ на него со словами: «они отступаютъ».

— Они насъ заманиваютъ ваше превосходительство, отвѣтилъ я: «Ихъ цѣль—отвлечь насъ отъ нашего движенія. Догнать себя они не дадутъ, у нихъ нѣтъ ни одного мѣшка на лошади; боя они не примутъ; но какъ только мы ихъ бросимъ, они снова станутъ джигитовать передъ нами».

Поэтому, я просилъ позволенія отогнать ихъ какъ можно дальше и затѣмъ на сегодня ограничиться выборомъ удобнаго ночлега, съ котораго можно было бы дѣйствовать какъ въ сторону Плевны такъ и Никополя.

При этомъ, я позволилъ себѣ предложить генералу присоединить къ намъ баталіонъ пѣхоты, въ виду того, что путь по Виду идетъ черезъ селенія, которыя могутъ быть заняты турками, и мы, можемъ быть, будемъ поставлены въ необходимость выбивать ихъ оггуда, что врядъ ли обойдется

дешево, по неимѣнію у насъ штыковъ. Предложеніе свое я основывалъ на томъ, что 1-я бригада 5-й дивизіи вмѣсто движенія на Говорени (Градешти), только что получила направленіе на Осму, въ село Дебо, т. е. уходила отъ насъ на востокъ; между тѣмъ по диспозиціи ей также, какъ и намъ, приказано быть на путяхъ изъ Плевны въ Никополь (диспозиція на 30-е іюня), и наступленіе на Никополь потребуетъ, по всему вѣроятію части войскъ на дорогу, къ рѣкѣ Виду, для овладѣнія батареями у Шамли. Слѣдовательно, отдѣленіе небольшой части пѣхоты не составитъ напраснаго движенія, но дастъ намъ возможность смѣлѣе и шире раскинуться въ своихъ разбѣдахъ. Но эта, быть можетъ неосновательная, просьба не согласовалась съ предположеніями начальника дивизіи и намъ приказано было преслѣдовать горцевъ; 1-я бригада 5-й дивизіи была направлена на Дебо.

По отбытіи генерала къ 1-й бригадѣ 5-й дивизіи, всѣ шесть съ половиною сотенъ Кавказской бригады перешли въ наступленіе противъ черкесовъ и владикавказцы, бывшіе въ первой линіи насѣдали на нихъ неотступно. Но сегодня, какъ и прежде, черкесы не сходились близко; они издалека открывали огонь, занимали глубокія балки, которыми изрѣзана вся площадь около Бресляницы и при первыхъ шагахъ, обнаруживавшихъ рѣшительное движеніе съ нашей стороны, онъ разсыпался и усакивали во весь опоръ.

Ясно, что это была превосходная сторожевая конница, не обремененная व्यюками, ни въ чемъ не нуждавшаяся, ибо вездѣ хозяйничала какъ дома; опираясь на Плевну, занятую шестью таборами турецкой пѣхоты, черкесы были свободны и легки въ своихъ наѣздахъ, имѣя цѣлью не города занимать, а тревожить своимъ появленіемъ русскія войска. Слѣдовательно, намъ оставалось только бить ихъ тѣмъ же оружіемъ, т. е. не давать имъ установиться и, отогнавъ какъ можно дальше, самимъ поспѣвать на высоту нашихъ колоннъ. Преслѣдованіе черкесовъ, отступавшихъ на Плевну, велось, какъ сказано, настойчиво, но и черкесы дразнили насъ упорно. Ежедневное соприкосновеніе съ ними видимо убѣдило казаковъ въ сравнительной бесполезности стрѣльбы съ коня, и потому, при всякой возможности, казаки охотно спѣшивались, засѣвъ по пяти-шести человекъ за отдѣльными закрытіями и тѣмъ наносили значительную убыль противнику.

Осязательными тому доказательствами служили тѣла, правда, рѣдко, но все-таки оставляемые черкесами на мѣстахъ нашего боя.

Эти случайности, нарушавшія коренной черкесскій обычай, свидѣтельствовали о степени поспѣшнаго ихъ отступленія передъ натискомъ казаковъ.

Такъ, въ сегодняшнемъ бою подъ Бресляницею, помню оставленнаго въ полѣ величаваго старика съ длинною сѣдою бородою, про котораго говорили: «старый джигитъ»; и осетины съ какимъ-то благоговѣніемъ осматривали его гозыри изъ оленьей кости, сдѣланныя, по ихъ словамъ по старинному кавказскому образцу. Отогнавъ черкесовъ, мы возвратились въ Бресляницу, порядкомъ измучивъ лошадей и вступили въ нее далеко за полдень.

Въ Бресляницѣ мы застали свѣжіе слѣды утренняго черкесскаго набѣга. Оказалось, что они побывали здѣсь передъ встрѣчей съ нами, забрали что могли и зарѣзали нѣсколькихъ болгаръ. Какъ теперь вижу двухъ изъ нихъ окровавленныхъ, безоружныхъ, лежавшихъ въ какомъ-то согбенномъ положеніи, ясно указывавшемъ на мольбу о пощадѣ; надо было зарыть тѣла, но жители разбѣжались и только подъ вечеръ вернулось нѣсколько человѣкъ, которые помогли казакамъ похоронить убитыхъ.

Въ этотъ день, точно также какъ и въ предшествовавшіе дни, нами не была забыта связь съ войсками, стоящими по ту сторону Осмы, и потому, одновременно были посланы донесенія съ разѣздами Владикавказскаго полка корпусному командиру и начальнику 9-й кавалерійской дивизіи. Отъ послѣдняго была получена записка:

Отъ 1-го іюля, пять часовъ сорокъ пять минутъ, съ бивуака у Мерховицы.

«Полковнику Тутолмину. Записка ваша получена, у насъ новаго ничего нѣтъ; пароли при семь прилагаются.

Генераль-майоръ Лошкаревъ.»

Въ заключеніе о дѣйствіяхъ 1-го іюля расскажу объ уничтоженіи Гилянскаго моста, по донесенію, полученному рано утромъ 2-го іюля. Подполковникъ Энгельгардтъ доносилъ:

«Полковнику Тутолмину. Мостъ сожгли, новый телеграфъ уничтожили; при перестрѣлкѣ съ нашей стороны потери не было. У непріятеля отбить обозъ, взято двое въ плѣнъ. О числѣ убитыхъ и раненыхъ у нихъ намъ неизвѣстно».

«Подполковникъ Энгельгардтъ. 2-е іюля, бивуакъ у Дебо».

Слѣдовательно, 1-е іюля было закончено уничтоженіемъ моста въ Гилянахъ, и двѣ кавказскія сотни стали на бивуакъ въ Дебо, съ 1-ю бригадой 5-й пѣхотной дивизіи. Подробности о сожженіи моста мы узнали 2-го числа вечеромъ, когда соединились съ этими двумя сотнями; но для законченности рассказа приведу ихъ здѣсь, насколько помню, прося участниковъ извинить меня, ежели кое что позабылъ, а потому и передамъ не точно.

Подполковникъ Энгельгардтъ, по указанію хорунжаго Свидина, шель среднею дорогою изъ Мечки на Градешти. Небольшая партія черкесовъ, въ разсыпную сновала передъ нимъ по всему протяженію пути. Не желая обнаруживать цѣли своего движенія, Энгельгардтъ ровно подавался впередъ вплоть до Градешти. Отсюда онъ хотѣлъ быстро ударить на черкесовъ, отогнать ихъ прямо передъ собою на Шамли, и въ то же время, съ необходимымъ числомъ казаковъ, повернуть на Гиляны и взорвать мостъ. Отъ Градешти до Гилянъ версты двѣ. Съ этою цѣлю, взявъ съ собою хорунжаго Свидина *) и взводъ Владикавказской сотни хорунжаго Тимоѣева, онъ рысью двинулся къ Гилянамъ, а есаулу Пржеленскому съ остальными семью взводами поручилъ отогнать черкесовъ. Замѣчу, что противоположный конецъ моста упирается въ селеніе Бродъ (Гиляны), расположенное на лѣвомъ берегу рѣки. По прибытіи на мостъ, казаки были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ селенія, чрезъ которое не болѣе полчаса какъ прошелъ обозъ, выступившій изъ Никополя. Ружейный огонь былъ открытъ отсталыми изъ его прикрытія. Тѣмъ не менѣе, Свидинъ лично поджегъ динамитъ, но взрывомъ патроновъ мостъ не былъ достаточно разрушенъ **)

Тогда, во избѣжаніе новой неудачи, разломали настилку, подрубили нѣсколько свай, натаскали сухаго кустарника, оказавшагося подъ рукой, и зажгли его. Все это вспыхнуло; турки же, открывшіе огонь изъ селенія, бѣжали при взрывѣ динамита и мостъ былъ сожженъ. На уничтоженіе моста было употреблено часа два времени. Между тѣмъ есаулъ Пржеленскій, быстро ударивъ на черкесовъ, погналъ ихъ передъ собою и въ то же время увидѣлъ подъ горою, спустившійся уже съ Шамли небольшой обозъ съ слабымъ прикрытіемъ. Черкесы бѣжали, а налетѣть на обозъ было дѣломъ одной минуты. Часть прикрытія была изрублена, двое взяты въ плѣнъ и черкесы преслѣдуемы на крутости Шамли. Здѣсь преслѣдованіе было остановлено въ виду непріятельскаго лагеря, такъ какъ дальнѣйшее движеніе впередъ становилось безцѣльнымъ и невозможнымъ. Есаулъ Пржеленскій возвратился съ двумя взятыми плѣнными и присоединился у Градешти къ подполковнику Энгельгардту.

Затѣмъ обѣ сотни подполковника Энгельгардта вмѣстѣ съ обозомъ и плѣнными направились на Дебо, по прибытіи въ которое присоединились къ бивуаку 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи.

*) Хорунжій Свидинъ завѣдывалъ оружіемъ Кубанскаго полка и на его рукахъ были всѣ патроны, какъ боевые, такъ и динамитные; ему лучше чѣмъ другимъ было знакомо обращеніе съ динамитомъ.

**) Заложено было три кавалерійскихъ патрона, т. е. каждый въ четверть фута.

Итакъ, вечеромъ 1-го іюля войска нашего отряда занимали слѣдующее расположеніе:

Названіе частей.	Мѣсто расположенія.
По лѣвую сторону Осмы.	
6 ¹ / ₂ сотенъ Кавказской бригады.	Въ Бресляницѣ.
1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи и 2 кавказскихъ сотни . . .	Въ Дебо.
Костромской полкъ и 2 кавказскія сотни	Въ Турскомъ-Тростяникѣ.
По правую сторону Осмы.	
Авангардъ 9-го корпуса	Въ Мерховицѣ.
Главныя силы 9-го корпуса . . .	Въ Новачи.
Обозъ при одной сотнѣ Кавказской бригады	Въ Болгарени.

V.

Бой подъ с. Градешти.

2-го Іюля.

Въ восемь часовъ утра намъ была прислана диспозиція на 2-е іюля съ приложенной къ ней запиской начальника 5-й дивизіи, отъ «2-го іюля шесть часовъ пополудни, изъ штаба 5-й дивизіи у селенія Дебо. Командиру Кавказской сводной бригады. Прилагая при семъ диспозицію корпуса на 2-е іюля увѣдомляю, что она можетъ быть отложена до завтра и вы получите отъ меня дополнительную диспозицію тотчасъ по полученіи отвѣта изъ корпуснаго штаба на посланное мною донесеніе. Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ».

Въ присланной диспозиціи *) было приказано: 1) отряду генералъ-

*) Диспозиція по войскамъ 9-го корпуса и Кавказской бригадъ отъ 1-го іюля 1877 г. Бивуакъ при деревнѣ Новачи.

лейтенанта Шильдера (1-й бригадѣ 5-й дивизіи при трехъ батареяхъ, Кавказской бригадѣ и уланскому Бугскому полку *) овладѣть непріятельскими позиціями и батареями въ низовьяхъ Осмы и Вида, и черезъ мость у Мыслеу войти въ связь съ генераль-маіоромъ Лошкаревымъ; 2) это движеніе должно прикрываться со стороны Плевны Кавказской бригадой; 3) по овладѣніи батареями предписывалось стать фронтомъ къ рѣкѣ Осмѣ, и 4) выставить сильный наблюдательный отрядъ къ дорогѣ, ведущей изъ Рахова; 5) обозу третьяго разряда и части батарейнаго находится въ Дебо подъ прикрытіемъ сотни Кавказской бригады.

Слѣдовательно, по смыслу этой диспозиціи главное наблюденіе за дорогой изъ Плевны возлагалось на Кавказскую бригаду. Посему, независимо отъ измѣненія диспозиціи **) на 2-е іюля намъ слѣдовало стать въ такомъ мѣстѣ, откуда удобнѣе было бы наблюдать за Плевной и Никополемъ. Такимъ мѣстомъ было селеніе Градешти, потому что въ немъ сосредоточиваются пути на Плевну, Никополь и Дебо, а главное, черезъ него шла дорога на Гиляны въ Рахово. Слѣдовательно, на основаніи диспозиціи, тутъ долженъ былъ стоять сильный наблюдательный отрядъ. Посему, всѣ шесть съ половиной сотенъ Кавказской бригады съ горными орудіями выступили на Градешти утромъ 2-го іюля.

Дорога изъ Бресляницы на Градешти идетъ глубокимъ ущельемъ на Чіековцы; выходя изъ его устья, она лѣзится у подножія горъ, которыя въ дѣйствительности подходятъ къ ней ближе, чѣмъ то показано на десяти-верстной картѣ; обрывы этихъ горъ становятся выше и круче по мѣрѣ приближенія къ Градешти.

Само селеніе Градешти прилѣпилось восточной стороною къ подножію почти отвѣсныхъ утесовъ, а съ западной, раскинулось на широкой топкой равнинѣ рѣки Вида, въ разстояніи двухъ верстъ отъ праваго его берега. По образцу всѣхъ турецко-болгарскихъ селеній, каждый дворъ Градешти (а всѣхъ ихъ было до двухсотъ пятидесяти) обнесенъ высокимъ валомъ съ колючимъ кустарникомъ и глубокою узкою канавой. Эта внѣшняя ограда каждаго отдѣльнаго двора, способствовала упорной оборонѣ, укрывая противника засѣвшего за нею; скрываясь за наружною оградой, онъ находилъ еще себѣ убѣжище въ садахъ и за стогами хлѣба.

Не доходя двухъ верстъ до селенія, развѣздъ авангардной сотни (1-ая Кубанскаго полка) увѣдомилъ насъ о присутствіи въ немъ турецкой пѣхоты и о движеніи обоза, идущаго отъ Шамли по равнинѣ между

*) 2-го іюля переведенному съ праваго на лѣвый берегъ Осмы.

**) Котораго, скажу между прочимъ, мы не получили, хотя предписанное овладѣніе непріятельскими позиціями было отложено, какъ мы узнали уже вечеромъ.

Видомъ и Градешти. Полусотня 2-й сотни Кубанскаго полка тотчасъ была назначена для овладѣнія обозомъ *); а авангардная сотня, скрытно подведенная къ селенію, была остановлена въ разстояніи отъ него ружейнаго выстрѣла, спѣшена и разсыпана по скатамъ горъ, на пути нашего наступленія. При осмотрѣ селенія оказалось, что вся обращенная къ намъ опушка его была занята стрѣлками.

По дорогѣ, внутри селенія, сновали одиночные люди, какъ бы исполняя приказанія, а съ высотъ Шамли подбѣгали еще человѣкъ двѣсти пѣхоты; изъ окраины его, обращенной въ нашу сторону, отдѣлилось нѣсколько стрѣлковъ, которые залегли въ ямахъ передъ селеніемъ, воспользовавшись этимъ выгоднымъ для нихъ закрытіемъ.

Можно было ручаться за триста человѣкъ низама, засѣвшихъ въ деревнѣ. Слѣдовательно, узелъ дорогъ, къ которому мы стремились, оказался занятымъ непріателемъ. При видѣ Градешти, занятаго турками трудно было угадать причину ихъ пребыванія въ немъ. Можетъ быть они проходили изъ Никополя въ Плевну, можетъ быть, узнавъ объ уничтоженіи моста на Видѣ, они пришли въ Градешти съ цѣлью исправить его.

Имѣя обязанность препятствовать сообщенію турокъ между Никополемъ и Плевною, мы должны были отбросить ихъ въ томъ случаѣ, если бы они двинулись на Плевну, или отрѣзать имъ путь отступленія на Никополь; но во всякомъ случаѣ препятствовать исправленію уничтоженнаго вчера моста и, при возможности, выбить ихъ изъ селенія.

Посему, полковнику Левису, съ четырьмя сотнями и батареею, поручено было обойти селеніе съ восточной стороны и открыть орудійный огонь по лѣвому крылу и тылу турокъ. 1-я, 2-я и 5-я Кубанскія сотни, подъ начальствомъ подполковника Кухаренко, были оставлены противъ входа въ селеніе на пути нашего наступленія, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить турокъ въ случаѣ ихъ движенія на Плевну. 1-я и 2-я сотни, подъ непосредственнымъ начальствомъ маіора Сипягина, расположились: 1-я по дорогѣ передъ выходомъ изъ селенія, 2-я уступомъ передъ нею, но гораздо правѣе, по скатамъ горъ; крайнія пары ея связывались съ сотнями Владикавказскаго полка, обходившими селеніе съ восточной стороны. 5-я сотня Кубанскаго полка расположилась лѣвѣе 1-й и залегла въ канавѣ, противъ югозападнаго угла Градешти. 1-й и 5-й Кубанскимъ сотнямъ было приказано вести ружейную перестрѣлку, пока не представится возможности

*) Обозъ оказался опорожненными болгарскими повозками, возвращавшимися изъ Никополя по доставленіи туда продовольствія. Тѣмъ не менѣе онъ былъ задержанъ до окончанія боя и часть его взята подъ убитыхъ и раненыхъ по неимѣнію у насъ собственнаго обоза.

по успѣху орудійнаго огня спуститься съ горъ 2-й сотнѣ Кубанскаго полка. Тогда всѣ три сотни должны были ворваться въ селеніе.

Поручивъ подполковнику Кухаренкѣ выполнение отданныхъ приказаній, я поспѣшилъ на неизвѣстную еще мнѣ восточную сторону селенія, такъ какъ оттуда опредѣлялся главный ходъ боя.

Прибывъ къ полковнику Левису, я нашелъ его только что окончившимъ свои распоряженія. Занявъ гребень высотъ надъ Градешти, онъ выдвинулъ на него четыре орудія, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ и треть изъ нихъ разсыпалъ въ цѣнь по гребню горъ. Полторы сотни и два орудія оставлены въ резервѣ. Къ сторонѣ Плевны и къ Шамли были высланы разъѣзды.

Удачная постановка четырехъ орудій, помѣщенныхъ двумя отдѣльными взводами надъ восточной окраиной Градешти, способствовала мѣткости артиллерійскаго огня; но турецкія пули ложились между прислугою; отодвинуть же орудія отъ гребня не было возможности, потому что Градешти лежало у крутыхъ обрывовъ подъ нашими ногами; снять ихъ хотя бы на нѣсколько шаговъ назадъ значило бы скрыть отъ нихъ предметъ поражаемости. Но не взирая на частый огонь противника, прислуга батареи хладнокровно исполняла свое дѣло. Со втораго выстрѣла вѣрно было опредѣлено растояніе въ триста сажень и ни одинъ снарядъ не пропалъ даромъ.

Здѣсь была первая проба конно-горной батареи, которая, въ полномъ смыслѣ слова, отличилась мѣткостью своихъ выстрѣловъ *). На первыхъ порахъ можно было предполагать, что турки не выдержатъ этого огня; но мы ошиблись. Прекрасно укрытые за валами и строеніями, размѣщенные на просторной линіи огня, они мало терпѣли отъ разрыва гранатъ; нужно было употребить много времени и снарядовъ, чтобы засыпать ихъ гранатами, которыя, за неимѣніемъ вблизи запаснаго парка **), мы должны были сберегать до крайности. Между тѣмъ турецкія подкрѣпленія стояли въ пяти верстахъ отъ насъ, на высотѣ Шамли, и ежеминутно могли подойти на выручку своихъ къ Градешти. Предполагая, на основаніи этихъ соображеній, что дѣло можетъ затянуться и Градешти придется уступить туркамъ, вопреки приказанію препятствовать ихъ сообщеніямъ по рѣкѣ Виду, я въ одиннадцатъ часовъ утра отправилъ донесеніе начальнику

*) Разумѣется, дальность боя не была удѣломъ трехъ-фунтоваго орудія.

**) Сформированное для бывшей Кавказской дивизіи парковое отдѣленіе находилось при передовомъ отрядѣ, а снабжавшій насъ зарядами и патронами паркъ 9-го корпуса былъ за Осмой, близъ села Ореше. Слѣдовательно, посылка за ними требовала двухъ дней, къ тому же мы шли безъ обоза; зарядныхъ ящиковъ въ казачьихъ полкахъ не имѣется и все количество патроновъ было на сѣдлѣ.

5-й дивизіи въ Дебо о началѣ нашего боя съ турецкою пѣхотою, засѣвшею въ селеніи; и просилъ его поддержать насъ, такъ какъ мы можемъ ввязаться въ бой съ превосходными силами непріятеля. Овладевъ же селеніемъ, мы могли засѣсть въ немъ и держаться въ виду скорого прибытія пѣхоты, на которую я рассчитывалъ на основаніи диспозиціи 2-го іюля предписывавшей «овладѣть непріятельскими позиціями и батареями въ низовьяхъ Осмы и Вида».

Мало по малу, огонь нашихъ орудій становился дѣйствительнѣе въ томъ отношеніи, что селеніе вспыхнуло въ двухъ мѣстахъ; расположенные въ загорѣвшихся дворахъ, турки бросились тушить охватившее ихъ пламя и я, считая время благопріятнымъ для приступа, приказалъ 2-й сотнѣ Кубанскаго полка спуститься по ущелью, присоединиться къ первой Кубанской сотнѣ и вмѣстѣ съ нею занять юго-восточную окраину деревни. 5-я сотня должна была ударить на юго-западный уголъ деревни, отъ лѣваго фланга 1-й сотни. 2-я сотня быстро ворвалась въ передніе дворы юго-восточной окраины, но успѣхъ ея совершенно неожиданно растянулъ наши силы. Выбитые ею турки бѣжали въ діагонально противоположный, сѣверо-западный уголъ деревни и тѣмъ потянули за собою увлекшихся казаковъ. Отъ этой случайности дѣло принимало неблагопріятный оборотъ. 2-я сотня могла попасть подъ выстрѣлы 1-й Кубанской сотни, и пробѣгая по направленію орудійнаго огня, она понудила, изъ боязни положить своихъ, приостановить огонь нашихъ орудій.

Но скоро огонь ихъ снова былъ открытъ, черезъ головы казаковъ, предупрежденныхъ о безопасности для нихъ этого рода стрѣльбы. Тѣмъ не менѣе, турки воспользовались этою приостановкою; засѣвъ въ сѣверо-западномъ углу деревни, они упорно оборонялись въ немъ, открывъ усиленную пальбу по двумъ нашимъ орудіямъ, поражавшихъ ихъ въ этомъ направленіи.

Тогда пришлось подкрѣпить 2-ю сотню Кубанскаго полка и выбить турокъ изъ этого конца деревни. Расположенная на горахъ, 4-я сотня Владикавказскаго полка, была назначена поддержать 2-ю Кубанскую сотню, которая, съ помощью ея, снова выбила турокъ изъ заваловъ; но, выбиваемые казаками изъ дворовъ, они бросались въ разныя стороны и наши невольно разбивались, по нѣскольку человѣкъ, на отдѣльныя схватки, ослаблявшія рѣшительное нападеніе.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка времени, удалось собрать 2-ю и 4-ю сотни и, вновь сплоченныя, онѣ дружно погнали турокъ по западной сторонѣ селенія; но туркамъ снова удалось засѣсть въ одномъ изъ болѣе обширныхъ и укрытыхъ дворовъ Градешти.

Тѣмъ не менѣе, мало по малу всѣ четыре сотни, находившіяся въ селеніи, соединились и усилили свой натискъ.

Въ описываемый часъ, непріятель упорно держался въ юго-западномъ углу селенія, противъ 1-й и 5-й сотенъ Кубанскаго полка. Имъ обѣимъ, но въ особенности 5-й, особенно трудно было ворваться въ деревню, такъ какъ имъ пришлось перебѣгать по совершенно открытой полянѣ. Счастливая случайность, которою воспользовался командиръ 1-й сотни есауль Порхоменко, нѣсколько помогла ему въ первой перебѣжкѣ и я упомяну о ней, какъ объ удачномъ примѣненіи къ совершенно своеобразному и неожиданному прикрытію. Расположенная передъ входомъ въ деревню, 1-я сотня лежала уступомъ за 2-ю, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ ограды. Въ то время, когда 2-я сотня спускалась по ущелью въ Градешти, маіоръ Сипягинъ, начальствовавшій 1-ю и 2-ю сотнями, оставивъ небольшой резервъ, началъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, подвигать впередъ цѣпь 1-й сотни. Движеніе это, по открытой мѣстности, не должно было обойтись безъ потерь; но въ это время отъ 2-й сотни по направленію къ 1-й, выскочило, испуганное выстрѣлами и появившимися въ ущельи казаками, стадо буйволовъ.

Есауль Порхоменко мгновенно поднялъ казаковъ, завернулъ стадо на деревню и подъ его прикрытіемъ 1-я сотня выиграла болѣе половины пространства, отдѣлявшаго ее отъ деревни. Турецкіе стрѣлки бѣжали изъ занятыхъ ими ямъ передъ деревней и 1-я сотня овладѣла ими. Въ это время, 2-я сотня ворвалась уже въ юго-восточную ограду и вслѣдъ за нею 1-я сотня бросилась на завалы съ своей стороны. Турки, какъ было сказано, въ бѣгствѣ своемъ увлекли 2-ю сотню, другая ихъ часть отбѣжала въ юго-западные дворы и засѣла въ нихъ передъ 1-й сотней. 5-я сотня, расположенная лѣвѣе 1-й, примкнула къ ея лѣвому крылу и вслѣдъ за нею ворвалась въ юго-западную окраину, но въ свою очередь встрѣтила сильное сопротивленіе. Упорная оборона каждого завала и двора съ одной стороны и настойчивый, но безпрестанно распадающійся на отдѣльныя схватки, приступъ, съ другой стороны, затягивали овладѣніе селеніемъ, бой изъ-за котораго, начавшись въ одиннадцатъ часовъ, продолжался уже болѣе двухъ часовъ.

Около этого времени дано было знать, что въ 4-й сотнѣ Владикавказскаго полка патроны на исходѣ, а пополнить ихъ не откуда. У полковника Левиса оставалось только двѣ съ половиною сотни; одна изъ нихъ была расположена пополусотенно въ прикрытіе орудій; дополсотни стояло въ дозорахъ на Шамли и Плевну, слѣдовательно, въ резервъ оставалась только одна сотня; но дѣлать нечего, шлемъ свѣжую осетинскую сотню, съ приказаніемъ

отозвать 4-ю сотню по частямъ, если то будетъ возможно, потому что ей нечего было дѣлать въ селеніи безъ патроновъ.

И вотъ какъ лава, съ горъ спустились осетины, рвавшіеся въ бой и смѣшались съ красными верхушками Кубанскихъ казаковъ. Трудно было имъ одолѣвать турокъ; но не пули, роемъ летавшія въ пространствѣ, затрудняли казаковъ; имъ трудно было добраться до хорошо укрытаго противника. За неимѣніемъ штыковъ, казаки лезли на валы съ кинжалами въ рукахъ, но тутъ встрѣчали не людей, а штыкъ противника и пулю въ лобъ. Подчеркиваю слово въ лобъ, потому что почти все наши убитые были поражены въ голову, точно также какъ и турки, о чемъ свидѣтельствовали прострѣленные фески, валявшіеся еще на другой день въ Градешти. Засѣвшие за густыми колючими кустарниками сплошнаго ряда валовъ, турки были недоступны съ фронта. Поэтому казаки, руководимые офицерами и лучшими урядниками, гдѣ дружнымъ напоромъ, гдѣ ловкимъ обходомъ по глубокой канавѣ, врывались въ пролеты дворовъ и тутъ начиналась свалка, за кучами сухаго, горящаго хвороста; передніе ряды турокъ падали подъ напоромъ ворвавшейся горсти храбрецовъ, а задніе бѣжали въ сосѣдніе дворы, откуда встрѣчали нашихъ новой обороной.

Тѣмъ не менѣе, хотя медленно, но они отступали и будучи напоследокъ отовсюду выбиты, держались въ двухъ смежныхъ просторныхъ дворахъ. Казаки выбили ихъ и отсюда; селеніе Градешти было взято, но противникъ отступилъ въ чашу обширнаго сада, или, скорѣе, въ густую рощу, совершенно укрывшую его отъ выстрѣловъ нападающихъ. Роща отстояла на нѣсколько десятковъ саженой отъ деревни, и турки сѣяли на нихъ свои пули. Утомленные казаки невольно пріостановились передъ этимъ новымъ препятствіемъ и залегли за высокимъ валомъ передъ послѣднимъ убѣжищемъ турокъ. Орудія усилили огонь, направляя его черезъ головы нашихъ сотенъ и роща затрещала; но турки не сдавались, казаки видимо утомились трехчасовымъ упорно медленнымъ боемъ. Подкрѣпить ихъ не представлялось возможности, имѣя въ резервѣ всего на все одну сотню, которую только въ крайности мы могли употребить въ дѣло. Наступалъ уже третій часъ дня; въ это время, съ одной стороны, именно отъ Кубанскихъ сотенъ прислано донесеніе о недостаткѣ у нихъ патроновъ, а съ другой, получено извѣстіе отъ сторожеваго поста, выставленнаго къ сторонѣ Шамли, что тамъ, на высотахъ, показалась турецкая пѣхота съ двумя орудіями. Вслѣдъ за тѣмъ оттуда прилетѣла къ намъ граната большаго калибра, за нею другая, третья и двѣ изъ нихъ упали на мѣсто перевязки нашихъ раненыхъ, но, благодаря Бога, не разорвались и никого не ранили.

Можетъ быть, эти три гранаты служили сигналомъ ободренія защитникамъ Градешти, потому что послѣ трехъ выстрѣловъ, турецкія орудія смолкли и показавшаяся изъ виноградниковъ пѣхота въ числѣ двухъ батальоновъ, залегла на скатахъ горъ, разсыпавъ свою цѣпь поперекъ дороги спускающейся отъ Шамли къ Градешти.

Положеніе наше было непріятное. Выбивъ противника изъ всей деревни, нѣтъ причины предположить, что наши сотни не управлялись бы съ ними въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ, хотя тутъ дѣло было бы не легче. Но турки съ высотъ Шамли могли, наконецъ, убѣдиться въ слабости нашихъ силъ—и двинуть подкрѣпленія въ Градешти.

Въ виду этого—вторично было отправлено донесеніе на Осму о положеніи нашего дѣла;—но вскорѣ по отправленіи этого донесенія, отъ начальника 5-й дивизіи въ отвѣтъ на мое первое донесеніе, намъ было прислано приказаніе *) отступить въ Дебо, по невозможности выслать подкрѣпленіе.

Тяжело было сознать бесполезность продолжительнаго боя, начатаго для осуществленія перерыва связи непріятеля; но держаться своими собственными слабыми силами противъ сильныхъ турецкихъ подкрѣпленій мы не могли. Всякое дальнѣйшее продолженіе боя послѣ приказанія отступить становилось безцѣльнымъ, а пожалуй и преступнымъ. Потому было сдѣлано распоряженіе объ отступленіи изъ селенія дробными частями и безъ сигнала, дабы общимъ движеніемъ не ободрить противника; орудіямъ въ то же время приказано усилить огонь. Мало по малу, наши сотни собрались къ пяти часамъ пополудни, подобравъ убитыхъ и раненыхъ, за исключеніемъ трехъ, которыхъ не могли отыскать **). Но на слѣдующій день тѣла ихъ были найдены и преданы землѣ ***). Подобравъ убитыхъ мы тутъ же, подъ Градешти, въ виду двухъ турецкихъ батальоновъ, dokonчили перевязку раненыхъ и отступили на Дебо.

Убитые и раненые были уложены на подводы, захваченныя 2-ю сотнею Кубанскаго полка, передъ началомъ нашего дѣла. Турки не открыли по насъ огня, и мы въ сумерки вступили на бивуакъ 1-й бригады 5-й

*) Между имѣющимися у меня подлинными записками—этого приказанія не сохранилось. Можетъ быть оно утеряно или было словесное.

**) Вскочивъ на валы, они были убиты на узкихъ ихъ гребняхъ и свалились въ кусты, къ сторонѣ турокъ.

***) Они были указаны намъ болгарами, слегка засыпавшими ихъ тѣла землею, послѣ отступленія турокъ изъ Градешти вслѣдъ за нами. Павшіе не были изуродованы. По прибытіи нашемъ на другой день въ Градешти, останки ихъ были преданы землѣ, а оружіе снятое съ нихъ болгарами было выдано ими. Одежда была частью снята, и два бешмента были найдены въ повинутомъ турками лагерѣ на Шамли.

пѣхотной дивизіи, у Дебо. Потери наши заключались: убитыми тринадцать (Владикавказскаго полка восемь, Кубанскаго пять человѣкъ); ранеными четырнадцать (Владикавказскаго шесть, Кубанскаго восемь); итого двадцать семь человѣкъ.

По отступленіи нашемъ отъ Градешти, и турки отступили въ Никополь, потерпѣвъ, по словамъ жителей, большой уронъ въ дѣлѣ съ нами *).

Итакъ мы отошли отъ Градешти, съ грустнымъ сознаніемъ напрасно пролитой крови, утѣшая себя тѣмъ, что доказали трудность препятствовать сообщенію противника, не имѣя на то достаточной силы. Но мы исполнили свое дѣло на столько, на сколько позволяли намъ наши силы.

Мы отступили, отступили и турки; на Плевну они не прошли и мостъ въ Гилянѣхъ не возстановили. Въ этомъ можетъ быть малозначущемъ бою, было выказано много подвиговъ личнаго мужества, которые, какъ и большинство таковыхъ, остаются неизвѣстными, едва лишь вызывая мимолетное воспоминаніе о нихъ среди товарищей. Скромность совершившаго подвигъ, искреннее уваженіе къ нему, случайнаго быть можетъ свидѣтеля его, упрочиваютъ лишь бодрость духа и не вызываютъ разсказовъ въ короткіе промежутки отдыха, непрерывной сторожевой службы. Но еще менѣе становятся извѣстными единичныя явленія боя въ тѣхъ случаяхъ, когда горсть людей совершаетъ свое дѣло одиноко, вдали отъ всѣхъ, находясь въ постоянномъ напряженіи передъ превосходными силами противника. Тутъ нѣтъ мѣста увлеченіямъ и порывамъ: тутъ чувства уступаютъ долгу, неумолимо посылающему въ бой; и человѣкъ идетъ въ него затѣмъ, чтобы умереть и потому, что надо умереть.

Въ такомъ настроеніи находились кавказскія сотни подъ Градешти, нѣсколько часовъ не выходившія изъ подъ турецкаго огня.

Я не умѣю передать всей тягости этого боя; но думаю, что можно будетъ составить нѣкоторое понятіе о нравственномъ состояніи бойцовъ изъ словъ урядника Малюги **), присланнаго за патронами изъ 4-й сотни Владикавказскаго полка.

Покойно кончивъ свой докладъ, усталый, закоптѣлый, этотъ юноша, казалось, выражалъ глазами: «дайте же патроновъ».

— «Отдохните, вы устали», сочувственно обратились къ нему слушавшіе его. — «Я ничего, отдохнулъ, отвѣчалъ онъ, но въ окопахъ тяжело; сначала была вода, а теперь ручей потекъ кровью и напиться негдѣ». Конечно, эти слова многимъ покажутся ничего не выражающими;

*) Болгары разсказывали, что подъ убитыхъ и раненыхъ турокъ было употреблено до двадцати подводъ.

**) Изъ вольноопредѣляющихся Владикавказскаго полка.

но кто томился жаждою во время боя, тотъ пойметъ, что значить: «ручей потекъ кровью». Къ этому можно прибавить, что раненыхъ и убитыхъ приходилось оттаскивать изъ-подъ окоповъ и подъ выстрѣлами относить ихъ на крутую гору, подъ знойными лучами солнца.

Не доходя трехъ верстъ до Дебо, мы встрѣтили высланный къ намъ на подкрѣпленіе, по второму моему донесенію, Бугскій уланскій полкъ, переправившійся въ этотъ день на лѣвый берегъ Осмы. Но такъ какъ помощь уже была не нужна, то мы вмѣстѣ съ уланами въ сумерки вступили на бивуакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, въ лазаретъ которой и сдали нашихъ раненыхъ.

Начальникъ дивизіи, пропустивъ мимо себя казаковъ, отдѣльно благодарилъ каждую сотню. Тяжело было смотрѣть на этихъ закоптѣлыхъ, цѣлый день дравшихся безъ пищи и воды, казаковъ. Но покойно шли они на смерть, покойно и молча засыпали они теперь въ ожиданіи завтрашняго боя.

Съ разсвѣтомъ назначено было выступленіе на Никополь. Не зная всѣхъ соображеній начальника дивизіи, я считаю въ высшей степени опрометчивымъ и неблагоприятнымъ разсуждать о необходимости или безполезности присылки къ намъ пѣхотнаго подкрѣпленія; но не могу не припомнить, что мы съ сердечною благодарностью прослушали разсказъ о томъ, что командиръ Вологодскаго полка предлагалъ послать часть своего полка на подкрѣпленіе въ Градешти.

VI.

Ночной бой подъ Самовидомъ.

3-го Іюля.

На разсвѣтѣ 3-го іюля мы получили распоряженіе о движеніи на Никополь, присланное при запискѣ начальника 5-й пѣхотной дивизіи:

Отъ «3-го числа іюля, въ 4 часа 30 минутъ по полуночи, изъ штаба дивизіи на маршѣ, командиру Кавказской бригады полковнику Тутолмину.

«Посылаю только что полученную изъ корпуса диспозицію. Сейчасъ приказалъ 17-му Архангелогородскому полку, по овладѣніи селомъ Градешти *), держаться правѣе и ближе къ 18-му Вологодскому, идущему для овладѣнія мостомъ у села Мыслеу. Бугскіе уланы охраняютъ лѣвый флангъ 17-го полка; вашей же бригадѣ, кромѣ охраненія моего тыла,

*) Архангелогородскому полку не пришлось брать Градешти, очищеннаго турками.

слѣдуетъ, частью въ связи съ Бугцами, наблюдать дорогу въ село Гиляны, не пропуская непріятеля изъ Никополя и въ Никополь.

Генераль-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ» *).

Слѣдовательно, Градешти назначено исходнымъ пунктомъ для лѣваго крыла 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Поднявшись оттуда на Шамли, Архангелогородскій полкъ долженъ былъ овладѣть тамошними батареями и потомъ стянуться вправо къ Вологодскому, которому приказано овладѣть мостомъ на Осмѣ у Мысылеу.

Съ полученіемъ этого приказанія, въ Кавказской бригадѣ были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Двѣ сотни, находившіяся при 1-й бригадѣ 5-й дивизіи (6-я Кубанская и 2-я Владикавказская) подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта, должны были вплоть до окончанія боя оставаться на лѣвомъ флангѣ пѣхоты. Обѣ сотни принимали одновременное и непосредственное участіе въ наступленіи Архангелогородскаго полка, разсыпавъ наѣзтниковъ на лѣвомъ флангѣ его стрѣлковъ, чтобы обезпечить ихъ, ничѣмъ не прикрытыхъ отъ виноградниковъ и кустовъ, на крайнезападныхъ крутистяхъ Шамли. Остальныя шесть съ половиною сотенъ Кавказской бригады направились на Градешти **) и, согласно диспозиціи, стали за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, наблюдая дорогу на Плевну. Между нами и Архангелогородскимъ полкомъ, уступомъ впередъ, шли Бугскіе уланы. Архангелогородскій полкъ прошелъ черезъ Градешти и съ бою овладѣлъ покатосями Шамли. Мы подавались по мѣрѣ наступленія нашего боеваго порядка, и вслѣдъ за нимъ поднялись на высоты Шамли; миновали два покинутыхъ непріятельскихъ лагеря, изъ которыхъ отступили турки при натискѣ Архангелогородскаго полка и остановились на возвышенной площади между сс. Шамли и Самовидомъ. Сѣверная сторона ея спускалась къ Дунаю, а западная обрывалась надъ широкимъ низменнымъ прибрежьемъ рѣки Вида. Съ высотъ, на которыхъ мы остановились, открывался далекій кругозоръ къ сторонѣ Никополя и на западъ отъ него на всю низменность Дуная при впаденіи въ него Вида, за лѣвымъ берегомъ котораго отъ Гилянъ, разстилалась волнообразная площадь между низовьями Искера и Вида. Наблюденіе за этою стороною было удобное. Но возвышенная площадь праваго берега Вида, въ противоположность западной, изрѣзана глубокими крутыми балками, скрывающими въ нихъ движеніе войскъ. Здѣсь Архангелогородскій полкъ покончилъ бой, и послѣ того, какъ турки очи-

*) Диспозиція по войскамъ 9-го армейскаго корпуса и Кавказской бригады 2-го іюля 1877 года д. Мыршховицы.

**) Гдѣ нашли и похоронили тѣла убитыхъ казаковъ, какъ сказано выше.

стили передъ нимъ всю площадь до Никополя, онъ, согласно приказанію, стянулся къ Вологодскому полку на Осму, который, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ переправою у Мыслеу. За Архангелогородскимъ полкомъ послѣдовали и сотни Энгельгардта, дабы не оставить 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи безъ конницы. Бугскій уланскій полкъ остановился въ полуверстѣ отъ с. Самовида, подъ крутыми утесами праваго берега рѣки Вида, близъ его впаденія въ Дунай.

По всему было видно, что битва смолкла какъ передъ нами, такъ и у Мыслеу. Это сознаніе какъ-то чувствуется и кажется, что усталымъ людямъ сама природа даетъ отдыхъ. Время было очень далеко за полдень; никакихъ дальнѣйшихъ приказаній мы еще не получили и надо было воспользоваться, быть можетъ, случайнымъ затишьемъ и напоить лошадей. Поэтому мы примкнули къ Бугскому полку, выставивъ сторожевые посты для наблюденія за непріятелемъ и за движеніемъ нашей пѣхоты.

Убѣжденный въ томъ, что намъ, въ силу полученнаго поутру приказанія: «препятствовать сообщенію противника изъ Никополя и въ Никополь», придется ночевать гдѣ-нибудь вблизи отъ мѣста нашего привала, я выѣхалъ впередъ за деревню Самовидъ выбрать болѣе выгодное мѣсто для ночлега, такъ какъ то, на которомъ мы остановились, не отвѣчало боевымъ условіямъ. Здѣсь пароходы могли насъ обстрѣливать съ Дуная, а турки безнаказанно бить съ верху внизъ. Поэтому, какъ изъ худшихъ лучшее, была выбрана холмистая площадь версты на полторы за селеніемъ Самовидъ. Мѣстность эта господствовала надъ береговой дунайской дорогой и долиною рѣки Вида. Тутъ же скрещивались двѣ дороги: одна изъ нихъ, западная, шла по берегу Дуная, другая—восточная, круто сворачивала на востокъ черезъ рѣку Осму. Крутой курганъ, какъ вышка, стоялъ въ узлѣ этихъ дорогъ, и ко времени моего пріѣзда на немъ ужъ помѣстился сторожевой казакъ сосѣдняго поста. Часть кургана была окопана турками подъ батареею.

Такъ какъ вблизи этого мѣста разыгралось наше дѣло, бывшее въ ночь съ 3-го на 4-е іюля, о которомъ, вѣроятно по неимѣнію своевременно подробныхъ донесеній *), было рассказано много небылицъ, съ удареніемъ на то, что казаки «проспали турокъ», то я считаю себя обязаннымъ остановиться на подробностяхъ, очерчивающихъ наше тогдашнее положеніе. Еслибы обвиненія, возводимыя на Кавказскую бригаду, касались исключительно одного меня, то я не остановился бы на нихъ, предоставляя читателю дѣлать выводы изъ отчета военныхъ дѣй-

*) Послѣдовавшіе затѣмъ тяжелые дни Шевны столько дали работы, что никакія подробныя донесенія не могли быть составлены и потому многое осталось неизвѣстнымъ.

ствій бригады; но проспать противника можно только совокупностью единицъ, составляющихъ цѣлую отдѣльную часть; открыть и выслѣдить противника лежитъ на добросовѣстности и способности развѣзда. Правственные качества каждаго отдѣльнаго всадника составляютъ главную силу конницы въ тѣхъ общихъ задачахъ, которыя выражаются словами «наблюдать» и «содѣйствовать». Слѣдовательно, успѣхъ кавалерійской службы не всегда опредѣляется приказаніемъ начальника, обязаннаго довѣряться добросовѣстности развѣзда. Начальникъ указываетъ направленіе развѣзда, а развѣздъ, ушедшій отъ него за нѣсколько верстъ, руководствуется общимъ правиломъ очутиться ближе къ противнику. Вотъ почему, для полноты своего отчета, я введу въ него мелкія подробности, которыя, при обыкновенныхъ условіяхъ военного изложенія, не имѣютъ мѣста.

Выѣхавъ на курганъ, я узналъ отъ стоявшаго на немъ сторожеваго казака, что онъ передъ собою турокъ не видитъ, но что наша пѣхота и ея отсталые стягиваются на востокъ, къ Осмѣ.

Въ это время мы увидѣли, вправо отъ себя, приближающійся къ намъ рысью развѣздъ донскихъ казаковъ, между которыми можно было различить двухъ всадниковъ въ черкескахъ. Предполагая, что одинъ изъ нашихъ дозоровъ соединился съ донцами 9-го корпуса, бывшими за Осмой, и везетъ намъ приказаніе, я подозвалъ ихъ къ себѣ; но оказалось, что оба всадника въ черкескахъ были переведенные изъ другихъ частей: въ Кубанскій полкъ войсковой старшина Колокольцевъ и во Владикавказскій полкъ есаулъ Козловъ. Они направлялись къ намъ изъ Главной квартиры черезъ штабъ 9-го корпуса и находились во время боя при корпусномъ командирѣ.

Получивъ отъ генерала Криденера приказаніе отправиться къ мѣсту своего служенія, они по линіи нашихъ войскъ прибыли на лѣвый флангъ боеваго расположенія, т. е. къ нашему кургану. Прибытіе ихъ безъ новаго приказанія какъ бы указывало на то, что мы не будемъ придвинуты куда-либо ближе къ пѣхотѣ, и потому надо было торопиться перейти съ мѣста привала на новое мѣсто до наступленія сумерекъ. Отъ мѣста привала до кургана дорога тянется въ узкихъ горныхъ поворотахъ и, извиваясь глухими, скалистыми колѣнами, выводитъ въ самыя противоположныя направленія. Посему, для указанія головной сотнѣ кратчайшаго направленія, я взялъ съ поста, у кургана, одного изъ казаковъ и вмѣстѣ съ Колокольцевымъ и Козловымъ возвратился къ сотнямъ. Тутъ мнѣ сообщили, что Бугскіе уланы получили черезъ ординарца, посланнаго отъ ихъ полка, приказаніе отойти къ нашей пѣхотѣ на рѣку Осму, а на вопросъ, обращенный къ ординарцу: касается ли это приказаніе кавказскихъ сотенъ, онъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію, приказаніе касается всей

кавалеріи лѣваго фланга. Но оставшійся за моимъ отъѣздомъ на бивуакъ генеральнаго штаба капитанъ Стромиловъ высказался, что по словесному приказанію мы не можемъ отойти съ пути сообщенія турокъ и просилъ письменнаго о томъ подтвержденія.

Сколько я могъ понять, то приказаніе, выраженное ординарцемъ относительно передвиженія собственно кавказскихъ сотенъ, не было сообщено безусловно и опредѣленно *); поэтому оно и вызвало со стороны капитана Стромилова просьбу о письменномъ подтвержденіи его, дабы имѣть право сложить съ себя возложенную на насъ обязанность «не пропускать непріятеля изъ Никополя въ Плевну». Но затѣмъ ни письменнаго, ни словеснаго приказанія мы не получали. Конечно, вышло бы покойнѣе, какъ потомъ показали обстоятельства, еслибы капитанъ Стромиловъ не возбудилъ этого вопроса. Можетъ быть мы ушли бы за пять верстъ на Осму къ Мыслеу, избѣгли бы всякихъ нареканій, а турки, подъ покровомъ темной ночи и высокихъ горъ, безпрепятственно могли бы двигаться на Плевну. Но за то поглядѣвъ на этотъ случай съ другой стороны, надо вспомнить, что Никополь еще не былъ взятъ и никто не могъ быть увѣреннымъ въ его сдачу завтра утромъ; поэтому и балки, ведущія на лѣвый флангъ 9-го корпуса, могли быть посѣщены хотя бы черкесами, которымъ немногого стоило появиться передъ бивуакомъ нашей пѣхоты. Можетъ быть, я поступилъ неправильно, но призналъ отвѣтъ капитана Стромилова совершенно справедливымъ, и мы перешли на вновь выбранное мѣсто за селеніемъ Самовидъ. Поручивъ казаку, взятому, какъ сказано, отъ кургана, показать дорогу головѣ колонны, которую составляли кубанскія сотни, я, по какой-то задержавшей меня причинѣ, остался на мѣстѣ привала; но всматриваясь въ направленіе кубанскихъ сотенъ, бывшихъ уже на половинѣ подъема улицы Самовида, замѣтилъ, что они не попали на указанный путь, а пошли по другому, болѣе крутому подъему. Поспѣшнѣ туда, я убѣдился, что сотни три, съ соответствующими при нихъ орудіями, уже миновали поворотъ, выходившій на должное направленіе. Для оправданія ошибки проводника, скажу, что всѣ закоулки и горные проходы у деревни Самовидъ одинаково узки и одинаково схожи другъ съ другомъ; признакомъ могъ служить какой-ни-

*) При справкѣ по этому поводу въ октябрѣ 1878 г. Н. Н. Стромиловъ снова подтвердилъ мнѣ, въ письмѣ, что при немъ было передано ординарцемъ: „Кавказской бригадѣ дозволяется отойти къ р. Осмѣ, въ Мыслеу, и присоединиться къ остальной кавалеріи отряда“. На это ординарцу было предложено капитаномъ Стромиловымъ доставить, какъ можно скорѣе, письменное приказаніе о передвиженіи бригады, въ виду важности занимаемаго бригадою пункта и отсутствію какихъ бы то ни было войскъ, охраняющихъ нашъ лѣвый флангъ на всемъ протяженіи между рр. Осмою и Видомъ.

будь лишній камень и потому ошибиться въ выборѣ поворота было не трудно; но такъ или иначе, надо было поправить ошибку, тѣмъ болѣе, что орудійныя лошади сильно напрягались на подъемѣ и растягивали наше движеніе. Но направить на желаемый поворотъ можно было только недошедшія еще до него владикавказскія сотни; остальные уже втянулись въ тѣсную разѣлину горы; которая, направляясь далѣе, выводила на открытую кайму подъ обрывистымъ утесомъ. Слѣва опрокинулась пропасть, справа высилась отвѣсная скала. Повернуть орудія можно было только на рукахъ; но при этомъ мы потеряли бы не мало времени на перепряжку лошадей и потому выгоднѣе было продолжать наше движеніе по двумъ направленіямъ.

Эта первая, случайно выбранная головою колонны дорога, скоро свернула вправо, поднялась въ горы и на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ, уперлась въ довольно высокій валь. Оказалось, что она была перекопана глубокой, узкой траншеей, которая тянулась по песчанной, вновь продѣланной турками, военной дорогѣ, какъ разъ туда, гдѣ было выбрано мѣсто подъ курганомъ.

Турки имѣли здѣсь превосходную фланговую позицію для небольшого отряда, на которой они, повидимому, не задержались, потому что не было слѣдовъ боя. Головные сотни перепрыгнули траншеею и высокій валь, а я, слѣдуя въ промежуткѣ между ними и орудіями, остановился разглядѣть нѣтъ ли гдѣ-нибудь пролета для выхода батареи; но валь далеко тянулся влѣво, а направо были тѣ же горы и подъ ними та же глубокая траншея; батарея нѣсколько оттянулась, лопаты были только при лафетахъ. Въ это время проѣзжалъ мимо меня почему-то отставшій и догонявшій полкъ, разумный и всегда находчивый старшій трубачъ Кубанскаго полка Гараѣоновъ; не помню, по какому случаю, онъ остановился подлѣ меня, но у меня засѣли въ памяти его слова и добрый, умный взглядъ его блестящихъ, черныхъ глазъ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Ваше высокоблагородіе, зарыть надо!

— Знаю, братъ; но вѣдь у васъ нѣтъ лопатъ, отвѣчалъ я.

— Топоры найдутся и руки есть; начнемъ копать, а тамъ орудія подойдутъ, у нихъ лопатки должны быть.

Это великодушное предложеніе казака было неоцѣнимымъ даромъ въ то время, когда каждая минута была дорога, и я былъ свидѣтелемъ того, какъ работа закипѣла подъ топорами казаковъ. Ко времени прихода батареи, часть вала на ширину лафетнаго хода была срыта въ траншеею, а артиллерійскія лопаты и имѣвшіяся на передкахъ фашины dokonчили остальное.

Я упоминаю объ этомъ, быть можетъ маловажномъ, случаѣ, считая себя обязаннымъ свидѣтельствовать о немъ, какъ о военной находчивости и радушной помощи, которую я неоднократно встрѣчалъ со стороны своихъ подчиненныхъ.

Въ то время, какъ казаки сбрасывали валъ въ траншею, проходившую въ этомъ мѣстѣ между тремя высокими холмами, находившіеся при мнѣ три казака, выѣхали на нихъ дозоромъ. Мало ли что могло случиться въ тѣсномъ ущельи и потому осторожность никогда не была забыта казаками. Вскорѣ одинъ изъ нихъ, урядникъ Кубанскаго полка Иноземцевъ, подѣхалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Подъ Никоподемъ что-то темнѣетъ; этого не было замѣтно, когда мы были на курганѣ; кажется, турки.

— Все вамъ турки! отвѣчалъ я ему, не желая отвлечь вниманіе работавшихъ; но, конечно, безпокойство закралось въ душу и я выѣхалъ на тотъ курганъ, съ котораго смотрѣлъ Иноземцевъ.

Мнѣ показалось, что далеко вдаль я видѣлъ колонны.

— Видите? спросилъ онъ меня. Мнѣ оставалось только благодарить его. Будучи увѣренъ въ томъ, что какъ постъ, стоящій на курганѣ, такъ и дошедшія до него сотни должны уже были видѣть турокъ, если это они, я не тревожился о разѣздахъ или о случайной оплошности, и потому остался до конца работы въ траншеѣ.

Когда орудія благополучно начали переѣзжать засыпанную траншею, я поспѣшилъ къ кургану. Подходившія къ нему сотни становились бивуакомъ, но расположеніе, взятое ими, не отвѣчало тому направленію, которое, какъ мнѣ казалось, было болѣе правильнымъ. Я думалъ измѣнить его, но видя чрезвычайное утомленіе людей, посоветился тревожить ихъ въ это время и взошелъ на курганъ, гдѣ стояли офицеры, всматриваясь къ Никополю. Мнѣ указали на то, что я уже видѣлъ, и на вопросъ мой о разѣздахъ отвѣтили, что они посланы съ приказаніемъ убѣдиться въ чемъ дѣло. Вниманіе офицеровъ было возбуждено тѣмъ, что они различали какъ-будто длинный рядъ телѣгъ и колонны пѣхоты, высылающія стрѣлковыя цѣпи въ нашу сторону. По этому поводу между офицерами возбужденъ былъ споръ. Одни принимали показавшіяся колонны за русскія войска, другіе признавали ихъ за турокъ. Последнее слово осталось за подполковникомъ Кухаренкой и есауломъ Барышъ-Тыщенкой, обратившимъ вниманіе на то, что у стоящихъ противъ насъ войскъ не видно бѣлыхъ шароваръ. Это служило положительнымъ признакомъ турокъ. Кромѣ того, за пѣхотною цѣпью разѣзжали всадники. Это то же было не по-русски.

Съ однимъ изъ разѣздовъ былъ отправленъ сотникъ Фокъ *), который вскорѣ прискакалъ съ донесеніемъ, что онъ сосчиталъ пять батальоновъ низама, остановившихся въ колоннахъ не далѣе пяти верстъ передъ нами, и добавилъ, какъ объ одной изъ подробностей своего осмотра, что ясно видѣлъ два распущенныхъ знамени. Сотнику Фоку, какъ очевидцу, поручено было немедленно ѣхать на Осму къ корпусному командиру или начальнику 5-й дивизіи; словомъ, къ тому, кого онъ найдетъ тамъ и доложить о присутствіи передъ нами турокъ, показавшихся отъ Никополя. Справедливость требуетъ сказать, что, какъ нѣкоторымъ офицерамъ, такъ и мнѣ все еще не вѣрилось, что передъ нами стали турки.

Я, по крайней мѣрѣ, готовъ былъ думать, что это были наши войска, такъ какъ два часа тому назадъ на всей сѣверо-западной площади не было противника. Къ тому же человекъ десять отсталыхъ Архангелогородскаго полка, увидѣвъ нашихъ казаковъ, не послѣдовали за полкомъ, а пріютились къ намъ. Они возвращались отъ мѣстъ нашихъ постовъ и объявили, что турокъ давно ужъ не видать.

— Убѣждены ли вы въ томъ, что это турки? спросили Фока.

— Убѣжденъ, отвѣчалъ онъ и поскакалъ на Осму, сказавъ при этомъ, что по пути туда онъ снова удостовѣрится.

Въ это время сумерки спустились и храбрый офицеръ подѣхалъ почти къ самому турецкому посту, выставленному за гребнемъ одной изъ балокъ и окликнулъ его. Въмѣсто отвѣта постъ спустился ниже; Фокъ выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, но турки прилегли и скрылись въ балкѣ; очевидно, они не желали себя обнаружить. Фокъ прискакалъ обратно, и передавъ только-что мною рассказанное, прибавилъ:

— Вѣрите ли теперь? Послѣ этихъ словъ, онъ, безъ малѣйшаго конвоя, поспѣшилъ на Осму, хотя за темнотою ночи, только къ утру доѣхалъ до пѣхоты и потому явился къ ней поздно, чѣмъ вторично посланный по другой дорогѣ **).

Итакъ, шесть съ половиною слабыхъ кавказскихъ сотенъ, удаленныя отъ своихъ подкрѣпленій, остались ночевать въ виду пяти таборовъ пѣхоты.

Поэтому, намъ предстояло на столько усвоять свое положеніе, чтобы каждый могъ сознательно отдать себѣ отчетъ на случай предстоящаго, быть можетъ, ночного дѣла.

*) Второй сотни Кубанскаго полка.

**) О второмъ посланномъ на Осму будетъ сказано ниже. Сотникъ же Фокъ направился по дорогѣ, что шла передъ нами на Осму. Но пѣхота стала у Мыслеу, т. е. уступомъ позади насъ, поэтому Фоку пришлось спуститься съ сѣвера на югъ, т. е. ѣхать вдвое больше втораго, направленного позади нашего расположенія.

Теперь уже необходимо было сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ расположеніи нашего бивуака, дабы увеличить фронтальное обстрѣливаніе мѣстности и приблизиться къ болѣе удобному склону утесовъ, въ сторону Вида. Отсюда мы могли взять непріятеля во флангъ, еслибы ему удалось прорваться на подгорную дорогу за Самовидомъ; но во всякомъ случаѣ заперали туркамъ дорогу въ селеніе, т. е. путь на Плевну и миновать насъ имъ не было возможности.

Находя необходимымъ посоветоваться съ начальниками частей, я предложилъ имъ обсудить способъ встрѣчи непріятеля, такъ какъ покинуть наше мѣсто безъ приказанія мы не имѣемъ права; отойти отъ него въ сторону значитъ безъ сопротивленія пропустить турокъ. Теперь же мы находимся въ положеніи обороняющихся ущелье, и обязаны выполнить свой долгъ. Поэтому, принимая во вниманіе, что по малочисленности своей, сами мы не можемъ ударить на противника, а конное дѣло не можетъ имѣть мѣста въ глухую ночь по балкамъ и оврагамъ, предложилъ имъ встрѣтить турокъ пѣшимъ боемъ, оставаясь на мѣстѣ нашего бивуака, котораго, какъ сказано, миновать они не могутъ, въ случаѣ ихъ движенія на Плевну.

Отвѣтомъ на это было единодушное согласіе начальниковъ частей. Главное было рѣшено. О томъ же именно порядкѣ въ какомъ надо стать и что дѣлать по тревогѣ, каждый зналъ и самъ; потому что, до переправы за Дунай, приказомъ по Кавказской дивизіи было предписано генераломъ Скобелевымъ 1-мъ располагаться по почамъ въ опасныхъ случаяхъ на бивуакъ, не иначе, какъ покоемъ, занимая четвертую сторону его повозками обоза; казаки становились по-сотенно на сторонахъ, а за ними размѣщались стреноженные кони. Въ общихъ чертахъ приготовленія наши заключались въ томъ, что сторону, обращенную къ Никополю заняла батарея между первыми сотнями Владикавказскаго и Кубанскаго полковъ; между орудіями залегли стрѣлки изъ соеѣдинныхъ сотенъ. Тыльную сторону составляли двѣ лазаретныя и бывшія при отрядѣ три офицерскія повозки. Какъ на эту послѣднюю сторону, такъ и на двѣ боковыя разставлены остальные сотни; дежурное орудіе заряжено, всѣ остальные наведены на ближній выстрѣлъ; часть прислуги находилась у лафетовъ. Кони должны были быть стреножены за сотнями внутри покая; пищи готовить не приказано, огней не разводить, коновязей не разбивать и впереди, къ сторонѣ непріятеля, заложены секреты; отдѣльные начальники условились о мѣстахъ своего нахожденія, и на случай какой-либо особой необходимости, мѣстомъ общаго сбора былъ выбранъ раскидистый дубъ, къ которому случайно примыкало наше расположеніе.

Обычно короткіе сумерки Болгаріи скоро смѣнились непроглядной

тьмою, а въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи, секреты заслышали гулъ отъ движенія непріятели; вслѣдъ затѣмъ, турки обозначили себя отдѣльными выстрѣлами, перешедшими въ безпорядочную стрѣльбу съ довольно далекаго разстоянія. У насъ было приказано открыть огонь только съ вѣрнаго выстрѣла и цѣлить ниже. Вскорѣ, огненная линія турокъ, развернулась передъ нами широкимъ полукругомъ. Наши орудія открыли огонь и головныя сотни дали залпъ. Турки облегли насъ съ трехъ сторонъ и послѣ двухъ, трехъ минутъ перестрѣлки, внезапно, съ пронзительнымъ крикомъ бросились на нашъ бивуакъ.

Встрѣченные почти въ упоръ огнемъ нашихъ сотенъ они мгновенно отхлынули отъ нашихъ рядовъ, но небольшая кучка чуть было не зашла на батарею. Была минута, когда орудійная прислуга, поддержанная казаками, вступила въ рукопашный бой.

Находившемуся при дежурномъ орудіи Донской конно-горной батареи уряднику Костину особенно посчастливилось при этомъ. Онъ первый свалилъ наскочавшаго верхомъ на орудіе турецкаго всадника. Между ворвавшимися въ наши ряды было трое или четверо конныхъ; всѣ они мгновенно были убиты, но одному изъ нихъ удалось остаться въ живыхъ, благодаря остановившему занесенные на него удары сотнику Шанаеву, который заботился о захватѣ языка *).

Такимъ образомъ, первый приступъ былъ отбитъ; турки отбѣжали на холмы впереди нашего расположенія и оттуда продолжали довольно частый огонь, мало приносившій намъ вреда. Сравнительно съ ними мы стояли въ едва замѣтной логвинѣ, на ружейномъ выстрѣлѣ отъ окружавшихъ насъ волнообразныхъ холмовъ. Турки съ нихъ открыли въ насъ свой огонь, но пули летѣли черезъ наши головы. Положивъ на землю стрѣлковъ, казаки отвѣчали имъ рѣдкими выстрѣлами; скоро перестрѣлка смолкла и снова стало темно послѣ яркаго освѣщенія, охватившаго насъ съ трехъ сторонъ.

Черезъ нѣсколько времени турки какъ бы опомнились и вострепнулись; они вновь открыли пальбу и вторично бросились на насъ, но и на этотъ разъ были отбиты огнемъ нашихъ. По отбитіи втораго приступа пальба совершенно прекратилась и не возобновлялась. Турки какъ бы притаились; и какое-то странное, не привычное молчанье воцарилось во мракѣ ночи.

Мы ничего не видѣли и не слышали передъ собою, и находились

*) Т. е. плѣннаго, отъ котораго можно было добыть свѣдѣнія. Спасенный Шанаевымъ турокъ былъ ординарцемъ убитаго на батарее офицера и захваченъ съ великолѣпными выюками и бумагами полковой переписки.

въ какомъ-то неиспытанномъ настроеніи; но сердце робко подсказывало, что наше дѣло вышло не дурно и въ тревожно-радостномъ настроеніи тутъ же подъ дубомъ, сошелся нашъ военный совѣтъ. Онъ продолжался не долго. Въ виду почти совершеннаго истощенія патроновъ, разстрѣлянныхъ въ ежедневныхъ дѣлахъ съ 29-го іюня, безъ возможности пополнить ихъ своевременно, одно мнѣніе было подано за отступление; оно имѣло за себя неоспоримую, благоразумную осторожность; но было невыполнимо, потому что трудно было отходить ночью съ артиллеріею, и въ добавокъ послѣ успѣха почти ничего намъ не выяснившего. Отступить теперь значило бы признать несостоятельность нашего рѣшенія, единодушно принятаго съ вечера.

Командиръ Владикавказскаго полка, полковникъ Левисъ, первый подалъ голосъ противъ этого мнѣнія и рѣшительно выразился за необходимость «стоять до послѣдняго». Его сотенные командиры дружно поддерживали слова своего полковника, и снова единогласно было рѣшено стоять и умирать, «а съ разсвѣтомъ, что будетъ, то будетъ».

Послѣ такого настойчиваго, окрыляющаго бодрость духа рѣшенія, оставалось только сдѣлать распоряженія—для дѣйствій въ конномъ строѣ,—на разсвѣтъ. Пѣшій бой былъ вызванъ необходимостью почной обороны ущелья, конный бой былъ нашимъ свойствомъ, и мы снова должны были обратиться въ нему.

Наивыгоднѣйшія дневныя его условія заключались въ возможности внезапно ударить съ нѣкотораго разстоянія на турокъ, еслибы они продолжали свое движеніе на Плевну; но въ то же время намъ слѣдовало стать въ такое положеніе, въ которомъ мы могли бы служить заслономъ своей пѣхоты, въ случаѣ наступленія противника на лѣвый флангъ 9-го корпуса. Осмотрѣнная съ вечера мѣстность удостовѣряла, что вправо отъ насъ идутъ на Осму глубокія балки; и намъ было выгодно стать тыломъ къ одной изъ нихъ. Но мы должны были исполнить это передвиженіе скрытно и прежде всего занять притаившагося противника. Съ этою цѣлью рѣшено было употребить въ дѣло осетинъ, поручивъ имъ до разсвѣта подалѣе отдѣлится отъ насъ вправо и обойти лѣвое крыло турокъ; высмотрѣть ихъ расположеніе и при возможности ударить на нихъ въ шашки.

Для прикрытія нашего передвиженія съ фронта была назначена 1-я сотня Кубанскаго полка, къ сторонѣ Вида посланъ сильный разъѣздъ отъ 5-й сотни того же полка.

По окончаніи всѣхъ этихъ распоряженій было отправлено вторичное донесеніе на Осму, къ начальнику 5-й дивизіи, съ расчетомъ получить если не пѣхоту, то хоть двѣ свѣжія сотни подполковника Энгельгардта.

Здѣсь я считаю нужнымъ оговорить, что отправленіе этого донесенія въ глухую ночь, среди окружавшаго насъ непріятеля, было сопряжено съ полною опасностью; тѣмъ не менѣе майоръ Сипягинъ *) охотно вызвался на эту смѣлую поѣздку, взявъ съ собою только двухъ казаковъ.

Одновременно съ этимъ, мы перестроились въ болѣе выгодный, какъ показали случайности ночнаго боя, порядокъ, размѣстивъ орудія на три стороны нашего четырехугольника.

Подполковникъ Кухаренко и командиръ батареи Костинъ приложили не мало хлопотъ устроить это перестроеніе въ тишинѣ и порядкѣ. Наконецъ, при первомъ мерцаніи зари, представилась возможность начать наше фланговое движеніе. Левисъ вытягивалъ колонну, Кухаренко руководилъ тыломъ.

Передъ разсвѣтомъ, мы вытянулись по новому направленію и осетины, успѣвшіе продвинуться по лѣвую сторону наступленія турокъ, дали знать, что передъ нами не существуетъ уже сплошнаго ихъ строя, но замѣтны отдѣльные кучки разбѣянныхъ по полю людей. Въ это время на столько уже разсвѣло, что можно было рассмотреть окружающіе насъ предметы.

Полученное извѣстіе измѣняло наше положеніе. Изъ обороняющейся скученной горсти людей, казаки должны были развернуться въ погоню за непріателемъ, такъ какъ стало ясно, что онъ былъ разбросанъ огнемъ нашихъ сотенъ. Но хотя имъ и предстояло легкое уничтоженіе разбросанныхъ по кукурузѣ турокъ, тѣмъ не менѣе нельзя было пускаться въ преслѣдованіе безъ патроновъ; поэтому, въ надеждѣ на скорое прибытіе сотенъ подполковника Энгельгардта, отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна снабдила другую остатками своихъ патроновъ. Такимъ способомъ, можно было отдѣлать для преслѣдованія турокъ достаточно снабженныхъ патронами двѣ сотни осетинъ и по десяти человѣкъ казаковъ изъ каждой сотни нашего отряда; сверхъ сего одна полусотня была послана по дорогѣ на Плевну. Остальныя, по чрезвычайному утомленію, были отведены на Осму, на которой въ это время двѣ наши сотни уже сѣдлали лошадей и спѣшили къ намъ на подмогу.

Рысью подоспѣвшія сотни Энгельгардта развернулись въ погоню, усилили уничтоженіе разбѣяннаго непріятеля и захватили большой обозъ, брошенный турками по дорогѣ, недалеко отъ мѣста нашего боя. Часть его нѣсколько ранѣе была захвачена осетинами, но значительное боль-

*) Причисленный на время войны къ Кубанскому полку.

шинство повозокъ досталось казакамъ. Повидимому, прикрытіе обоза разбѣжалось ночью, и ко времени прибытія Энгельгардта, около повозокъ собралось человекъ шестьдесятъ—семьдесятъ турецкихъ пѣхотинцевъ; они встрѣтили казаковъ выстрѣлами, но до сорока ихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ; человекъ пятнадцать положившихъ оружіе взято въ плѣнъ, остальные бросились бѣжать и попали подъ общую расправу на обширной площади Шамли и Самовида, на которой происходили еще долго отдѣльныя схватки казаковъ съ отстрѣливавшимися отъ нихъ, въ кукурузѣ, турками. Рыская, если можно такъ выразиться, по полю, казаки уничтожили у Шамли, въ покинутыхъ вчера турецкихъ лагеряхъ, громадное количество патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ. Вчера мы проходили мимо этихъ запасовъ, но намъ было не до уничтоженія ихъ; сегодня же забрать ихъ не могли, о сдачѣ Никополя еще не было извѣстно, и ихъ подожгли; взрывъ ихъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ сдачи крѣпости и чуть было не надѣлалъ тревоги.

Въ это утро, всеми преслѣдовавшими сотнями было взято и доставлено на бивуакъ: три знамени (изъ нихъ два взяты съ бою въ одиночныхъ схваткахъ осетинами Бекъ-Узаровымъ и Сокаевымъ; третье было найдено въ обозѣ); большой обозъ на воловьихъ подводахъ съ патронами, имуществомъ, галетами, рисомъ и шестидесятью палатками, часть которыхъ была роздана въ полки и батарею; одно стальное крупновское орудіе, замѣченное урядникомъ 2-й сотни Владикавказскаго полка, Филатовымъ. Подъ орудіемъ былъ подбитъ лафетъ, и за нимъ укрылось два или три человекъ турокъ, въ ту минуту, когда на него наскочалъ Филатовъ съ товарищами. Турки были изрублены; орудіе снято съ лафета и доставлено на одной изъ повозокъ. Сдавшіеся въ плѣнъ безъ боя человекъ пятнадцать турокъ, были доставлены на бивуакъ.

Вся эта добыча находилась уже у насъ очень не позднимъ утромъ 4-го іюля. Первая же часть обоза, захваченная осетинами, и знамя отбитое Бекъ-Узаровымъ, были доставлены на Осму въ то время, когда пришло извѣстіе о сдачѣ Никополя. Сокаевъ отнялъ знамя позднѣе Бекъ-Узарова у пѣхотинца, сорвавшего полотно съ его древка, и обвинившаго кругомъ себя, въ видѣ пояса. Турокъ упорно отстрѣливался отъ преслѣдовавшихъ его осетинъ, но былъ сраженъ пулею Сокаева, который подскочавъ къ нему, обратилъ вниманіе на его толстый зеленый поясъ: — онъ оказался знаменемъ. Оба знамя были зеленого цвѣта, но одно съ богатою золотою, другое съ шелковой каймою. Третье, взятое въ обозѣ, было большого квадратнаго размѣра, прозрачной зеленой ткани. Сколько кажется, оно имѣло низшее значеніе.

Все неразобранныя за излишествомъ палатки, орудіе и два знамени

были сданы 6-го числа коменданту Никополя, въ чемъ и получено отъ него письменное удостовѣреніе *).

Знамя же отбитое Сокаевымъ и по ошибкѣ принятое нами за значекъ, не было отослано; но въ послѣдствіи, когда по разбору на немъ надписей, оно оказалось знаменемъ, то въ свою очередь было отправлено 11-го іюля въ Главную квартиру.

Наши потери, собственно въ ночномъ бою, были баснословно мало, заключааясь въ трехъ убитыхъ и пяти раненыхъ. Лошадей шесть было выведено изъ строя. Сверхъ сего, перебито пулею знаменное древко Владикавказскаго полка, тотчасъ же принятое и сохраненное во все время боя, полковымъ адъютантомъ, сотникомъ Ляпинымъ.

Я не возьмусь опредѣлять потери турокъ, но онѣ были велики, въ особенности подъ выстрѣлами нашихъ орудій. Думаю, что разницу между нашею и турецкою потерею можно объяснить только тѣмъ, что у насъ были орудія и мы стояли на мѣстѣ; турки же, бросаясь на насъ, стрѣляли въ запальчивости кое-какъ. Конечно, и у насъ не обошлось безъ замѣшательства, которое могло бы имѣть непріятныя послѣдствія, если бы не своевременно принятые мѣры. Именно, въ одной изъ сотень, расположенныхъ къ сторонѣ рѣки Вида, часть лошадей шархнулась во время перваго приступа, прорвала свои ряды и ринулась по направленію на Плевну. Чтобы поправить эту неудачу была послана полусотня той же сотни при самомъ началѣ нашего передвиженія на Осму.

Ихъ переловили на высотѣ Градешти-Дебо и часу въ девятомъ утра пригнали на бивуакъ у Мыслеу.

Оказалось, что за исключеніемъ двухъ, всѣ казачьи лошади этой сотни были на лицо. У насъ же появилось нѣсколько турецкихъ, изъ числа которыхъ я хорошо помню одну, примчавшуюся къ намъ, въ ночномъ бою, въ совершенно исправной артиллерійской збруѣ.

По неимѣнію положительныхъ данныхъ, я не берусь утверждать количество атакующихъ насъ турокъ, а равно и того, прорвались-ли они на Плевну и если прорвались, то въ какомъ именно числѣ.

Единственными, болѣе или менѣе достовѣрными, свѣдѣніями намъ служили прежде всего наши плѣнные. Они показали: 1) что пять таборовъ съ обозомъ вышли изъ Никополя на плевненскую дорогу, съ цѣлю пройти на Плевну; 2) атаквало насъ шесть ротъ низама, которыя и

*) «1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи. 6-го іюля 1877 г. № 191. г. Никополь. — Командующему Кавказскою казачьею бригадою. Представленное при рапортѣ отъ 6-го сего іюля за № 30, одно стальное орудіе безъ лафета, два знамя, изъ коихъ одно египетскаго войска, а другое турецкаго войска и турецкихъ палатокъ тридцать восемь, мною получено. Комендантъ крѣпости города Никополя, генераль-маіоръ Бѣлокопытовъ.

отхлынули послѣ приступа; о томъ же, что сдѣлалось съ остальными таборами, плѣнные не знали; но сколько можно было заключить изъ ихъ разказовъ, то шесть ротъ были назначены для прикрытія обоза, направленного въ Плевну. На другой же день послѣ сдачи Никополя, т. е. 5-го іюля, капитанъ Стромиллозъ, будучи по дѣламъ службы въ крѣпости, спрашивалъ объ этомъ, между прочимъ, нѣсколькихъ турецкихъ офицеровъ, и они подтвердили ему достовѣрность показаній плѣнныхъ, прибавивъ, что остальные таборы, видя неудачу шести ротъ, возвратились въ Никополь *).

Конечно, это показаніе не можетъ быть принято за положительное свѣдѣніе; но для насъ оно было важно въ томъ отношеніи, что подтвердило показанія сотника Фока и нашихъ плѣнныхъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что часть турокъ добралась до Плевны; но несомнѣнно также и то, что они разбились о нашу встрѣчу. Можетъ быть часть изъ нихъ достигла лѣваго берега Вида, ниже Самовида, переправясь на лодкахъ при его сліяніи съ Дунаемъ и оттуда уже двинулись на Плевну. Но допуская этотъ случай, какъ обвиненіе, что мы не задержали турокъ, придется спросить людей, ратующихъ противъ конницы: допускаютъ ли они какой-нибудь предѣлъ растяжимости дозоровъ и силы конницы?

Въ представленномъ мною описаніи, я старался изложить со всею добросовѣстностью бой, происшедшій въ ночь съ 3-го на 4-е іюля. Здѣсь, шесть съ половиною кавказскихъ сотенъ, остались оборонять ущелье передъ пятью турецкими таборами, не смѣя сложить съ себя вѣренной имъ охраны и тѣмъ вызвали разнообразные и язвительные разказы. Одни хвалили насъ, другіе осмѣивали.

Одни говорили, что Кавказская бригада построила конное каре и

*) Привожу по этому поводу дословную выдержку изъ дневника капитана Стромилова, доставленную мнѣ въ октябрѣ 1878 г. „Результатъ боя извѣстенъ, но важность его не вполне выяснена. Възвизшій по дѣламъ службы 5-го іюля въ крѣпость Никополь, состоявшій при бригадѣ генеральнаго штаба капитанъ Стромилловъ, слышалъ отъ плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, въ томъ числѣ офицера турецкаго генеральнаго штаба, хорошо говорившаго по-французски, слѣдующее: отрядъ, попытавшійся пробиться сквозь линію нашего обложенія, состоялъ изъ шести ротъ лучшаго низама, при двухъ крупновскихъ орудіяхъ, конвоировавшихъ транспортъ съ имуществомъ въ Видинъ или Плевну, и нѣсколькихъ батальоновъ, на которыхъ возложена была задача способствовать благополучному переходу этихъ шести ротъ и транспорта за р. Видъ. Роты были окончательно уничтожены и разсѣяны Кавказскою бригадою; батальоны же возвратились на разсвѣтѣ въ Никополь, съ преувеличенными извѣстіями о значительныхъ силахъ русскихъ, неожиданно для турокъ, наступающихъ со стороны рѣки Вида. Темнота ночи, громъ орудій 1-й конно-горной батареи, ввели ихъ въ заблужденіе, несомнѣнно поколебавшее ихъ нравственныя силы и ослабившее ихъ сопротивленіе въ день паденія Никополя.

допустила атаковать себя пѣхотою; другіе, не зная времени боя и мѣста, на которомъ мы находились, относили его къ оплошному движенію на Плевну 7-го іюля; третьи просто говорили, что мы проспали турокъ, и т. под.

Тяжело было все это слушать; но мало по малу подробности стали выясняться и 25-го іюля, находясь уже подъ Ловчей, какъ всегда безсмѣнно на аванпостахъ, мы были утѣшены сверхъ всякаго ожиданія. Тотъ самый есаулъ Козловъ, который присоединился къ намъ вечеромъ 3-го іюля, будучи посланъ, по личному приказанію Государя, благодарить отряды, расположенные подъ Ловчей, прибылъ и къ намъ 25-го іюля вечеромъ. Бригада радостно встрѣтила царскаго посланнаго и есаулъ Козловъ, тутъ же на бивуакѣ, передалъ Кавказской бригадѣ подлинныя слова Государя, выражавшія Его сердечное спасибо за службу и за молодецкое ночное дѣло *).

На душѣ стало легко и глубоко прочувствовалась пословица, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Разсказавъ нашъ бой съ его служебной стороны, я позволю себѣ передать о немъ нѣсколько частныхъ подробностей, врѣзавшихся мнѣ въ память, потому что онѣ сопричастны свойству боя. Но считаю нужнымъ оговориться, что разсказываю только о томъ, что происходило вблизи меня, потому что въ этомъ, внезапно загоравшемся и быстро потухавшемъ мракѣ трудно было отличить что-либо далѣе десяти, пятнадцати шаговъ. Слѣдовательно, многія подробности боя, полного самоотверженія казаковъ, мнѣ неизвѣстны.

Начну съ того, что въ сумерки послѣ первоначальнаго перестроенія бивуака, я, помѣстившись на краю рывины у 1-й сотни Кубанскаго полка, разговаривалъ съ подполковникомъ Кухаренко, подошедшимъ ко мнѣ послѣ провѣрки отданныхъ приказаній; но утомленіе брало свое и я, въ разговорѣ съ нимъ, задремалъ. Конечно, не одного меня свернула усталость и не было причины запрещать утомленнымъ, почти двое сутокъ не ѣвшимъ людямъ, забыться чуткимъ сномъ; сторожевые посты обезпечивали всякую случайность.

Но раздавшійся вскорѣ возгласъ «тревога» заставилъ меня очнуться. Подъ впечатлѣніемъ своего сосѣдства съ подполковникомъ Кухаренко, я окликнулъ его по имени, такъ какъ въ первое мгновеніе ничего не могъ разсмотрѣть въ глубокой тьмѣ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ онъ стоя подлѣ меня.

— Что такое? спросилъ я.

*) Подробности будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ.

— Турки, хладнокровно отвѣчалъ онъ.

Глазъ мой началъ привыкать къ потемкамъ и я отличилъ, вѣво отъ себя, край сосѣдней сотни. Въ это время турки открыли огонь.

— Окружаютъ, сказалъ Кухаренко и, пожавъ другъ другу руку, мы пошли къ своимъ мѣстамъ.

Наши лицевыя сотни залпомъ отвѣтили на огонь турокъ и продолжали бѣглую пальбу. Первое, что я слышалъ, подойдя къ промежутку между крайнимъ орудіемъ и 1-й сотнею, это былъ голосъ есаула Пархоменко.

— Цѣль ниже, говорилъ есаулъ, — съ колѣна; и онъ, ловкій стрѣлокъ, припавъ къ землѣ, съ винтовкою въ рукахъ, упорно вематривался въ тьму. Сосѣди его слѣва, стояли на одномъ колѣнѣ. Я видѣлъ это подъ искрами ружейнаго огня.

Взглянувъ на меня, Пархоменко сказалъ мнѣ:

— Справимся, полковникъ.

Справа отъ меня послышался голосъ Костина, управлявшаго огнемъ на батарее; глухимъ раскатомъ взрыва отдался залпъ нашихъ, маленькихъ орудій. Затѣмъ, какъ-будто въ перебой трескучему огню винтовокъ, они забрызгали картечью. Была своеобразная картина необыкновеннаго пожара. Казалось, мы стояли въ огненномъ шатрѣ; надъ головой какой-то вихрь, въ глазахъ было свѣтло, внизу темно, а въ общемъ ничего не было видно. Но вотъ внезапно раздался пронзительный, оглушающій крикъ; и вмѣстѣ съ нимъ какъ-будто крикнули огни, потухли и турки бросились на насъ. Какъ и что тутъ было трудно рассказать; но все, что произошло, то случилось очень скоро. Какъ-будто ешиблись, отскочили; надъ ухомъ треснули винтовки. И вотъ затѣмъ, казаки гикнули, хаосъ и гамъ неожиданно оборвался, потомъ онъ гдѣ-то вздрогнулъ и затихъ. Но около орудій, правѣе, дальше отъ меня, еще шумѣли голоса и слышалась какъ бы усталая стрѣльба; тамъ мелькнуло что-то бѣлое *) и рухнуло; еще разъ вздрогнули отдѣльные безпорядочные выстрѣлы и утихли. Мы выжидали притаивъ дыханье. Воцарилась тишина и внутренній голосъ сказалъ, что предъ кубанскими сотнями и лѣвымъ флангомъ батареи обошлось благополучно; но не было извѣстно, что происходило на нашемъ правомъ крылѣ. Пользуясь наступившимъ затишьемъ и чуть-чуть порѣдѣвшимъ мракомъ, я съ трудомъ пробрался вдоль хоботовъ орудій и подошелъ къ сотнямъ Владикавказскаго полка. Тутъ передъ лѣвымъ флангомъ своей 1-й сотни стоялъ могучій, хладнокровный есаулъ Астаховъ. Не знаю, что мнѣ помогло, но я ясно различилъ ко-

*) Это была бѣлая лошадь тутъ же убитого турецкаго офицера.

ренастый его очеркъ. Онъ стоялъ спиною къ сотнѣ, оставивъ одну ногу, папахъ его была на затылкѣ, въ рукахъ онъ держалъ револьверъ. Подойдя къ нему вплотную, я только тѣмъ обратилъ его вниманіе на себя: тогда, оборотаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Отбили!

— Не время и не мнѣ благодарить васъ, произнесъ я.

— Богъ поможетъ, отвѣчалъ Астаховъ.

Я старался разглядѣть сотню и мнѣ показалось, что она была даже выровнена; а въ это время до меня долетѣлъ голосъ Левиса:

— Осетины, не стрѣлять!

Въ этомъ возгласѣ слышались приказаніе и просьба. Онъ боялся, какъ я узналъ послѣ, что пылкіе осетины не выдержатъ хладнокровія; но въ первыя же минуты боя командиры сотенъ напомнили имъ о чести и долгѣ осетинъ и «въ эту ночь», рассказывалъ потомъ Левисъ, «осетины просто утѣшили меня своимъ хладнокровіемъ». Я уже возвращался къ своему мѣсту, какъ услышалъ громкій возгласъ:

— Гдѣ бригадный?

Я поспѣшилъ отозваться, думая, что меня разыскиваетъ посланный ко мнѣ съ какимъ-нибудь извѣстіемъ. Но ко мнѣ подошелъ всадникъ осетинской сотни, лица котораго я не помнилъ и на мой вопросъ, что ему надо, онъ отвѣчалъ мнѣ своимъ гортаннымъ языкомъ:

— Гдѣ твой лошадь?

— Зачѣмъ мнѣ лошадь? произнесъ я, удивленный такимъ вопросомъ, и тутъ только вспомнилъ объ отданномъ мною приказаніи, оставить моихъ лошадей стреножными на тыльной сторонѣ при повозкахъ.

— Вотъ тебѣ лошадь, я знаю, что твои далеко, отвѣчалъ онъ мнѣ и я увидѣлъ, какъ онъ держалъ одною рукою трехъ лошадей въ поводу, а въ другой у него была винтовка.

Озадаченный и тронутый этимъ неожиданнымъ для меня вниманіемъ неизвѣстнаго мнѣ дотолѣ осетина, я благодарилъ его, но отказался отъ лошади, находя неблаговиднымъ быть верхомъ въ нашей тяжелой обстановкѣ, обусловленной упорною пѣшею обороною.

— Не хочешь лошади, такъ я буду тебѣ лошадь, сказалъ онъ, заслоняя меня своей грудью. Случайными свидѣтелями этого поступка были подошедшіе ко мнѣ сотники Кубанскаго полка Шишковъ и Владикавказскаго Шанаевъ. Не успѣлъ я отвѣтить на послѣднія слова осетина, какъ турки бросились на второй приступъ. Едва я дѣлалъ шагъ, какъ неотступно предо мною выходилъ Тего Едзаевъ (имя осетина) и его пронзительное гиканье сливалось надъ моимъ ухомъ со словами: «все будетъ хорошо, не бойся, все будетъ хорошо». Я привожу этотъ случай въ сви-

дѣтельство глубокой теплоты чувства и великодушія, выказанныхъ много разъ на моихъ глазахъ осетинами въ прошедшую войну. Конечно, я не позволю себѣ оскорбить ихъ чувствъ предположеніемъ, что вниманіе это было выражено лично мнѣ, человѣку едва связанному съ ними внѣшними отношеніями; или внушено было ему какимъ-либо корыстнымъ расчетомъ; нѣтъ, мои хотя и недавнія наблюденія надъ ними, подмѣченные, между прочимъ, не далѣе какъ во вчерашнемъ дѣлѣ подъ Градешти, даютъ право утверждать, что въ минуты боя, они, а равно и казаки слѣдили за опасностью, угрожавшею ихъ начальнику. То же самое выразилъ и Тего, являсь на случай выручить то лицо, которое было облечено властью начальника.

Могъ ли я не благодарить его какъ друга за то, что онъ сталъ моимъ щитомъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ каждому было вдоволь самостоятельной единичной работы. Богъ насъ спасъ; но еслибы вышло худо, то вѣроятно Тего погибъ бы подъ ударами турокъ прежде меня.

Не могу пройти молчаніемъ и другого случая. Въ то время, когда окончательно уже было рѣшено, что мы до разсвѣта не тронемся съ мѣста, нѣсколько казаковъ и офицеровъ, въ томъ числѣ и я, собрались подлѣ дуба, т. е. на главной точкѣ нашего сбора. Утомленіе и нервное напряженіе было велико, чувствовалась слабость. Я хотѣлъ прислониться къ дереву и сѣсть; но въ это время неподалеку запуталась лошадь въ упряжкѣ орудій; я пошелъ туда и послѣ благополучнаго окончанія чуть было не поднявшейся суматохи, очутился подлѣ наводчика сосѣдняго орудія. Онъ, стоя у лафета, всматривался по тѣлу орудія.

— Слоняются тутъ близко, ваше высокоблагородіе, въ полголоса сказалъ онъ и повелъ рукой въ темное пространство передъ дуломъ орудія. Признаюсь, я мало что видѣлъ.

— Въ одиночку ползають, продолжалъ онъ и мнѣ показалось, что въ одиночку шевелится что-то.

— А больше ничего не слышишь?

— Не слышать, отвѣчалъ онъ.

Я вернулся на старое мѣсто, но конечно оно было уже занято. Не желая никого тревожить, я сѣлъ на землю подлѣ собравшейся кучки людей. Въ это время подошелъ ко мнѣ подполковникъ Кухаренко, сказавъ, что на его сторонѣ окончено перестроеніе и рассчитанныя на его боковой фасъ два орудія поставлены на мѣсто. Мы перекинулись съ нимъ нѣсколькими словами, и я предложилъ ему отдохнуть, такъ какъ ничего лучшаго, сравнительно съ принятымъ нами рѣшеніемъ, мы не выдумаемъ до разсвѣта. Сказавъ эти слова, я почувствовалъ, что чья-то сильная рука бережно наклоняла къ себѣ мою голову и ласковый голосъ приба-

вилъ: «самъ отдохни, утромъ будетъ работа». По звуку говорившаго я сознавалъ, что это былъ голосъ осетина; не узнавая его лица, я спросилъ его имя, но онъ не захотѣлъ отвѣтить и несмотря на распросы въ послѣдующіе дни я и до сихъ поръ не знаю его. Заснуть, конечно, я не могъ, а вскорѣ и всѣ мы поднялись.

4-го Юля.

Изложивъ послѣдовательный ходъ нашего ночного боя, я отнесъ его къ 3-му числу, такъ какъ онъ закончилъ дѣйствія лѣваго крыла 9-го корпуса, въ теченіе 3-го юля. Къ тому же, сотни подполковника Энгельгардта тронулись съ бивуака у Мыслеу, ранѣе чѣмъ раздались первые орудійные выстрѣлы 4-го юля *); слѣдовательно, второй день боя подъ Никополемъ еще не наступилъ. Въ минуту первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ, 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи не становилась еще въ ружье, а осетины доставили уже часть захваченнаго обоза.

Но къ разсвѣту 4-го юля можно отнести прибытіе къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, сотника Фока и маіора Сипягина. Почти одновременно они сошлись у Мыслеу и маіоръ Сипягинъ доложилъ генералу Кнорингу о положеніи дѣлъ подъ Самовидомъ. Не зная, чѣмъ разрѣшится наше столкновеніе съ турками, ген.-маіоръ Кнорингъ выслалъ къ намъ на поддержку батальонъ пѣхоты. Но батальонъ едва успѣлъ выступить, какъ передъ нимъ показалась та половина нашего отряда, которая была отправлена изъ подъ Самовида, послѣ распоряженія о преслѣдованіи турокъ другою половиною снабженною патронами. Батальонъ остался на бивуакѣ, а возвратившіяся сотни заняли мѣста двухъ сотенъ подполковника Энгельгардта.

Итакъ, утромъ 4-го юля послѣдовала сдача Никополя, вѣсть о которой скоро долетѣла и до насъ, т. е. до войскъ, расположенныхъ у Муселимъ-Село **).

Затѣмъ главнымъ событіемъ этого дня, освѣщающимъ послѣдующую службу Кавказской бригады была смѣна ее Бугскимъ уланскимъ полкомъ, на р. Видѣ. Тотчасъ послѣ сдачи Никополя уланы выдвинулись къ Градешти; Кавказская же бригада собралась на Осмѣ. Впослѣдствіи мы слышали, что около Градешти, уланы въ тотъ же день имѣли успѣшныя схватки съ отдѣльными кучками разбѣянныхъ нами турокъ и потому при-

*) Всѣхъ выстрѣловъ съ русской стороны было 4 или 5.

**) Мыслеу тоже.

вою здѣсь это сообщеніе, какъ нѣкоторое свидѣтельство о послѣдствіяхъ нашего боя. Собранныя на Осмѣ восемь съ половиной сотенъ Кавказской бригады, получили приказаніе отойти версты полторы выше Мыслео и тамъ въ излучинѣ рѣки расположиться за 1-й бригадой 5-й пѣхотной дивизіи. Я слышалъ, что въ войскахъ 9-го корпуса патроны и орудійные заряды были истощены, у насъ же, я положительно знаю, что они все были израсходованы, и нужно было озаботиться объ ихъ пополненіи.

Передвигаясь къ только что сказанному мѣсту нашего бивуака, мы встрѣтили разъѣздъ, посланный отъ сотника Верещагина *) изъ г. Сельви.

Для разъясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся этого разъѣзда, необходимо сказать нѣсколько словъ о его дѣятельности, за все время его отсутствія изъ нашего отряда.

Отправленный 29-го іюня изъ Булгарени въ Тырново **) сотникъ Верещагинъ могъ бы при поспѣшности возвратиться къ вечеру 1-го іюля въ Турскій-Тростяникъ ***) и 2-го числа догнать насъ на пути въ Градешти.

Слѣдовательно, до 2-го іюля мы не могли и ждать возвращенія Верещагина; но, конечно, рассчитывали на полученіе отъ него донесеній.

Между тѣмъ, донесеній не было. Мы относили это обстоятельство къ неторопливому возвращенію Верещагина, такъ какъ вполне были убѣждены, что оно не происходитъ отъ какого-либо несчастія. Еслибы съ нимъ случилось что-либо въ этомъ родѣ, то, конечно, до насъ долетѣли бы слухи о несчастномъ происшествіи; къ тому же въ Тростяникѣ стояли двѣ сотни и разъѣзды ихъ, высылаемые въ сторону Ловча-Тырново, прослышавъ что-нибудь подобное, уведомили бы насъ. Поэтому не ранѣе какъ изъ Градешти, т. е. 2-го числа, предположено было послать вторую полусотню 3-й сотни Владикавказскаго полка, съ непосредственною цѣлью дойти до Тырново ****).

Но признаюсь, что въ дни упорныхъ столкновеній съ турками 2-го и 3-го іюля было не до разъѣздовъ въ Тырново и только 4-го іюля утромъ, было отдано мною приказаніе о непремѣнномъ отправленіи этой полусотни. Но, къ немалому удивленію нашему, только что полученное донесеніе Верещагина пояснило, что онъ, по обстоятельствамъ, о которыхъ я упомяну ниже, вошелъ въ составъ посторонняго отряда и доносилъ:

*) Т. е. изъ полусотни, посланной 29-го числа на связь съ передовымъ отрядомъ въ Тырново.

**) Т. е. по кратчайшему разстоянію за шестьдесятъ верстъ.

***) Сдѣлавъ до восьмидесяти верстъ въ сутки.

****) По слухамъ намъ было извѣстно о переходѣ передоваго отряда за Балканы.

«Командиру Кавказской бригады изъ Сельви. 2-е іюля пять часовъ вечера. — Имѣю честь донести, что герцогъ Лейхтенбергскій ушелъ за Балканы съ Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ. Прибывъ 30-го іюля съ полусотнею въ Самоводы, я встрѣтилъ Его Высочество Главнокомандующаго, который меня немедленно подозвалъ къ себѣ и сказалъ, что пошлетъ меня въ городъ Сельви.

1-е число я пробылъ въ Тырновѣ, но не имѣлъ возможности извѣстить васъ о себѣ. Сегодня 2-го іюля я чуть свѣтъ былъ отправленъ въ Сельви, которое, по свѣдѣніямъ здѣсь имѣющимся, занято баши-бузуками и черкесами. Я вмѣстѣ съ командиромъ 3-й сотни Орлова полка долженъ прогнать ихъ и занять Сельви, для того, чтобы имѣть постоянное сношеніе съ вашею бригадою и съ Габровымъ, въ которомъ также имѣются наши войска.

Прибывши въ двѣнадцать часовъ по полудни въ Сельви, я нашель, что два взвода сотни Орлова уже начали дѣло. Я подкрѣпилъ ихъ и мы сообща прогнали противника, у котораго, какъ намъ извѣстно, было человекъ до тысячи баши-бузуковъ и сотни четыре всадниковъ. До сихъ поръ мы занимаемъ Сельви.

Его Высочество Главнокомандующій лично разговаривалъ со мною въ Тырновѣ и приказалъ мнѣ держаться въ Сельви и постоянно имѣть съ вами связь. Прошу васъ черезъ меня имѣть связь съ штабомъ дѣйствующей арміи который находится въ Тырновѣ. Прошу васъ прислать трубача и остальныхъ людей къ полусотнѣ».

Сотникъ Верещагинъ.

Для разъясненія этого обстоятельства, привожу здѣсь разсказъ, слышанный мною впослѣдствіи изъ устъ болгарина, бывшаго причиною отпращиванія нашего разъѣзда въ Сельви.

По вступленіи Главной квартиры въ Тырново жители города Сельви, угрожаемые баши-бузуками, отправили въ Тырново болгарина Дмитрія Кара-Иванова «умолять», какъ онъ выразился, «о спасеніи Сельви».

Въ виду настоятельной необходимости исполнить эту просьбу, единственно свободная и случившаяся подъ рукою часть, т. е. полусотня Верещагина, была отправлена въ Сельви, на подкрѣпленіе сотни Донцевъ 30-го полка. Болгаринъ Димитрій-Кара-Ивановъ оказался образованнымъ, храбрымъ человекомъ и на столько пристрастился къ казакамъ, отстоявшимъ его родной городъ, что поступилъ охотникомъ въ 3-ю сотню Владикавказскаго полка.

На слѣдующій день, какъ увидимъ ниже, на подкрѣпленіе сотнямъ, посланнымъ въ Сельви, были двинуты Лейбъ-казаки изъ конвоя Его Высочества Главнокомандующаго.

Въ силу записки, полученной нами отъ Верещагина, вторая полусотня 3-й сотни Владикавказскаго полка была отправлена не въ Тырново, но въ Сельви, рано по утру 5-го іюля, и съ тою особенностью, что она была послана уже не въ разъѣздъ, а въ составъ передоваго отряда, на подкрѣпленіе оставленнаго въ немъ Верещагина.

Если, на основаніи этой записки, можно упрекнуть сотника Верещагина, что онъ не прислалъ намъ донесенія, тотчасъ по прибытіи его въ деревню Самоводы, то въ сущности никакого вреда отъ этого не произошло. Главное значеніе этой записки заключалось въ томъ, что она указывала на существованіе нашей связи съ передовымъ отрядомъ; но, сверхъ всякаго ожиданія, полусотня, посланная только для поддержки сообщеній между двумя крайними отрядами, по обстоятельствамъ, отъ насъ независившимъ, была оставлена въ одной изъ частей передоваго отряда и вмѣстѣ съ нею дралась съ непріятелемъ.

Слѣдовательно, еслибы была необходимость посылать къ намъ гонцовъ, то полусотня Верещагина ежедневно находилась подъ рукою, будучи назначена нами для непосредственной поддержки сообщеній.

Сверхъ всего вышеизложеннаго, записка Верещагина даетъ возможность опредѣлить, изъ дня въ день, мѣсто нахождения всѣхъ сотенъ Кавказской бригады, отъ выступленія нашего изъ Булгарени до Никополя включительно, именно:

мѣсяцъ и число.	названіе частей.	мѣсто нахождения.
30-е іюня.	1/2 сотни Верещагина Сборная сотня 2 сотни Силягина 8 1/2 сотенъ остальныхъ	Самоводы. Булгарени. Турскій-Тростяникъ. Мечка.
1-е іюля.	1/2 сотни Верещагина Сборная сотня 2 сотни Кирканова, Костромской полкъ 6 1/2 сотенъ 2 сотни Энгельгардта, 1-я бриг. 5-й див.	Тырново. Булгарени. Турскій-Тростяникъ. Бреславица. Гиляны-Дебо.
2-е іюля.	1/2 сотни Верещагина Сборная сотня, обозъ 2 сотни Кирканова, Костромской полкъ 6 1/2 сотенъ 2 сотни Энгельгардта, 1-я брагага 5-й дивизіи, Бугскій уланскій полкъ . .	Сельви. Дебо. Турскій-Тростяникъ. Градешти. Дебо.

мѣсяцъ и число.	название частей.	мѣсто нахождения.
3-е іюля.	$\frac{1}{2}$ сотни Верещагина Сборная сотня, обозъ 2 сотни Кирканова, Костромской полкъ $6\frac{1}{2}$ сотень 2 сотни Энгельгардта, 1-я бригада 5-й дивизіи, Бугскій уланскій полкъ . .	Сельви. Дебо. Турскій-Тростяникъ. Самовидъ. Никополь и Мусылеу.
4-е іюля.	$\frac{1}{2}$ сотни Верещагина Сборная сотня, обозъ 2 сотни Кирканова, Костромской полкъ $8\frac{1}{2}$ сотень, 1-я бригада 5-й дивизіи .	Сельви. Дебо. Турскій-Тростяникъ. Мусылеу.

Итакъ, 4-го числа мы перешли на Осму, а Бугскіе уланы расположились по рѣкѣ Виду, къ которому Кавказская бригада, выполняя собственнo ей порученную работу, не имѣла надобности и возможности приблизиться вплоть до 18-го іюля.

Какъ только войска 9-го корпуса, послѣ сдачи Никополя, размѣстились на бивуакѣ то по распоряженію командира 9-го корпуса были отправлены приѣмщики за патронами и сухарями; но, по значительному удаленію нашему отъ мѣста приѣмки*), мы получили ихъ только въ концѣ вторыхъ сутокъ.

Начальникъ 5-й дивизіи, выслушавъ подробности нашего дѣла, вполнѣ остался имъ доволенъ и благодарилъ казаковъ.

*) Сухари были доставлены къ намъ 5-го числа вечеромъ; а патроны мы получили 6-го числа находясь уже подъ Турскимъ-Тростяникомъ, по выступленіи изъ Мусылеу. Патроны были отпущены, сколько помнится, изъ Ореше.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Первая Плевна.

I.

Переходъ отъ Никополя. Рекогносцировка, сраженіе.

5-е Юля.

Предполагая, что со взятіемъ Никополя Кавказская бригада снова поступитъ въ составъ передоваго отряда *), я воспользовался отправленіемъ полу-сотни въ Сельви и послалъ донесеніе **) къ непосредственному своему начальнику генералу Гурко о вѣроятномъ окончаніи содѣйствія Кавказской бригады 9-му корпусу, и поэтому жду приказаній отъ генерала Криденера. Но до утра 5-го іюля ничего по этому поводу рѣшено не было и я получилъ позволеніе отъ генералъ-лейтенанта Шильдера отправиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ командиру 9-го корпуса въ Никополь. Здѣсь, въ Никополь, командиръ 9-го корпуса мнѣ сообщилъ, что до полученія дальнѣйшихъ приказаній Кавказская бригада, какъ только пополнится патронами, должна будетъ направиться въ Болгарскій Карагачъ для наблюденія путей отъ Ловчи въ Плевну.

Позднѣйшимъ срокомъ выступленія нашего изъ Мусылеу назначено было утро 6-го числа, въ которое приказано выступить даже въ томъ случаѣ, если боевые припасы не будутъ доставлены.

Замѣчу здѣсь, что зная уже о нашемъ дѣлѣ подъ Градешти 2-го іюля, командиръ 9-го корпуса не имѣлъ еще донесеній о ночномъ боѣ подъ Самовидомъ. Посему, по приказанію генерала Криденера, составленное мною донесеніе было отправлено къ нему черезъ штабъ 5-й пѣхотной ди-

*) Изъ состава котораго никакимъ приказомъ Кавказская бригада не была исключена.

**) Доставленное черезъ штабъ дѣйствующей арміи.

визіи; но разумѣется, оно было послано вкратцѣ, потому что для подробностей не было ни времени, ни даже бумаги. *)

Вскорѣ послѣ полудня 5-го іюля въ Кавказской бригадѣ была получена диспозиція **) отъ 4-го числа, для передвиженія частей 9-го корпуса отъ Никополя, по направленію на Плевну.

Въ ней было предписано: 1) Козловскому, Пензенскому и Тамбовскому полкамъ съ сотнею Донскаго № 34 полка и четырьмя батареями, расположиться у Никополя; 2) Галицкому съ двумя батареями стать у Мусылеу; 3) Архангелогородскому съ двумя батареями перейти въ Градешти; 4) Вологодскому съ двумя батареями къ Шамли; 5) Костромской полкъ съ батареею остается въ Турскомъ-Тростяникѣ ***); Бутскій уланскій и 9-й Донской полки съ батареею переходятъ въ Чіековцы съ цѣлью охранять расположеніе войскъ на Видѣ и высылать разъѣзды отъ Чіековцы на Турскій-Тростяникъ, на Рахово и на Плевну, поддерживая связь съ Кавказской бригадой; 7) Кавказская бригада переходитъ въ деревню Карагачъ, а) наблюдая за дорогами изъ Плевны, Ловчи и Сельви; б) поддерживая связь: съ одной стороны съ кавалерійской бригадою 9-го корпуса, съ другой съ войсками 8-го армейскаго корпуса, находящимися близъ Тырнова.

6-е Іюля.

6-го іюля утромъ, восемь сотенъ Кавказской бригады выступили на Карагачъ. Затѣмъ, слѣдуя по лѣвому берегу Осмы, онѣ отдѣлились отъ себя полу-сотню подъ начальствомъ сотника Фока для сопровожденія раненыхъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи изъ Дебо въ Никополь ****) и отойдя верстъ тридцать отъ Мусылеу остановились подъ вечеръ близъ Тренчевицы, на ночлегъ въ семи верстахъ отъ Турскаго-Тростяника, дабы избѣжать ночнаго вступленія въ Карагачъ. Надо замѣтить, что въ

*) Неожиданнымъ подспорьемъ въ этомъ послѣднемъ недостаткѣ послужила хорошая пачка турецкой писчей бумаги, найденная въ отбитомъ нашими сотнями обозѣ.

**) Приказаніе по войскамъ 9-го армейскаго корпуса 4-го іюля 1877 г. Бивуакъ у дер. Вубе.

***) Въ диспозиціи отъ 4-го іюля не были поименованы двѣ сотни Кавказской бригады, оставленныя въ Турскомъ-Тростяникѣ.

****) Сотникъ Фокъ присоединился къ намъ 9-го іюля. Дѣлаю эту замѣтку съ цѣлью показать время отлучки употребляемое кавалерійскими частями, взятыми изъ состава тактической единицы. Мы говоримъ: выступили восемь сотенъ; въ сущности на лицо ихъ семь; такъ какъ Фокъ былъ въ Никополѣ, за патронами послана другая полу-сотня съ хорунжимъ Хорановымъ и вернулась въ восемь часовъ вечера 6-го числа.

это время, между семью-восемью часами вечера, — становилось совершенно темно.

Едва мы стали на бивуакъ, какъ въ восемь часовъ вечера намъ были доставлены патроны, привезенные пол-сотнею казаковъ на сѣдлахъ, такъ какъ обоза при насъ не было; вслѣдъ затѣмъ изъ штаба 9-го корпуса было прислано новое приказаніе, въ отмѣну нашего движенія въ Карагачъ, вмѣсто котораго, мы должны были занять Турскій-Тростяникъ. Слѣдовательно, мѣсто нашего ночлега случайно совпало съ новымъ приказаніемъ, въ которомъ было сказано:

«Вслѣдствіе полученнаго отъ начальника штаба дѣйствующей арміи предписанія по телеграфу, часть пѣхоты вѣреннаго мнѣ корпуса съ Кавказскою бригадою должны быть немедленно двинуты на Плевну.

На этомъ основаніи, въ отмѣну вчерашняго *) приказанія, предлагаю вашему высокоблагородію перейти сегодня же въ Турскій-Тростяникъ, откуда освѣтитъ всю мѣстность до Плевны, отъ дороги, ведущей въ этотъ городъ изъ Бресляницы къ югу до путей ведущихъ изъ Плевны въ Сельви и Ловчу. Къ сему присовокупляю, что я вмѣстѣ съ симъ направляю: 1) Донецкой № 9-й полкъ въ деревню Крета, для освѣщенія мѣстности между дорогами, ведущими изъ Никополя въ Плевну на названную деревню и Бресляницу; 2) 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи въ Бресляницу. Затѣмъ, 7-го іюля означенныя войска, если не встрѣтятъ препятствія, будутъ направлены въ Плевну вмѣстѣ съ Костромскимъ полкомъ, находящемся въ Турскомъ-Тростяникѣ.

При этомъ прошу ваше высокоблагородіе доставлять командующему 9-ю кавалерійскою дивизіею, которому подчиняетесь какъ вы, такъ и командиръ Донецкаго казачьяго № 9-го полка, безъ малѣйшаго промедленія свѣдѣнія о расположеніи и движеніи непріятельскихъ войскъ. Командиръ корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Шнитниковъ».

По смыслу этого росписанія, Костромской полкъ находился еще въ Тростяникѣ, и всѣ три полка, назначенные на Плевну, должны были двинуться на нее только послѣ осмотра конницею прилегающей къ ней мѣстности. Такъ какъ при Костромскомъ полку находились наши двѣ сотни, то для немедленнаго исполненія приказанія командира 9-го корпуса, къ начальнику ихъ князю Кирканову, были отправлены нарочные съ приказаніемъ, выслать на разсвѣтъ разѣзды по назначеннымъ направленіямъ. Бывшіе же подъ рукою восемь сотенъ, должны

*) Т. е. 5-го числа.

были присоединиться къ нему утромъ 7-го числа, такъ какъ передвиженіе ночью безцѣльно лишило бы людей и лошадей отдыха и пищи.

Посланные къ князю Кирканову, въ Турскій-Тростяникъ, вернулись поздно ночью съ отвѣтомъ; что обѣ Кубанскія сотни съ Костромскимъ полкомъ выступили сего числа съ вечера, по направленію на Плевну *).

Слѣдовательно, обстоятельства сложились такъ, что несмотря на поздно полученное приказаніе направиться на Тростяникъ и оттуда осмотрѣть мѣстность около Плевны, мы хотя случайно но выполнили его сотнями князя Кирканова. Еслибы мы не ограничились тридцативерстнымъ переходомъ **), а продолжали бы его до Карагача, то получили бы приказаніе въ одиннадцать часовъ ночи; а потому на завтра принуждены были бы дѣлать обратный переходъ. Принимая же во вниманіе ночное время, можно предположить, что приказаніе изъ штаба 9-го корпуса вовсе не дошло бы до насъ въ Карагачѣ, какъ-то случилось съ приказаніемъ начальника 5-й дивизіи, отъ 6-го числа, если оно было къ намъ послано. На основаніи этого послѣдняго, какъ мы узнали на другой день изъ диспозиціи присланной Костромскому полку, Кавказской бригадѣ приказано было продвинуться въ Тученицу ***).

Итакъ, благодаря случайности, мы не получили одновременно, изъ двухъ разныхъ мѣстъ, противоположныхъ приказаній ****) и переночевавъ подъ Тростяникомъ, вступили въ него утромъ 7-го числа.

7-го Іюля.

По прибытіи, 7-го числа въ Тростяникъ, отъ насъ были посланы

*) На слѣдующій день командиръ Костромскаго полка сообщилъ мнѣ, что приказаніе двинуться на рекогносцировку Плевны изъ Турскаго-Тростяника ему было послано начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи.

**) А намъ не было причины сѣшить усиленнымъ переходомъ, если считать тридцати верстный переходъ обыкновеннымъ.

***) О чемъ будетъ сказано ниже. Случайное противорѣчіе этихъ приказаній, тѣмъ труднѣе было бы согласовать, что Тученица отъ Тростяника отстоитъ верстъ на двадцать. Это приказаніе вѣроятно было отдано въ предположеніи, что Кавказская бригада будетъ въ Карагачѣ, и потому, если это такъ, то мы не попали бы въ промежутокъ между Сталевицей и Бресляницей.

****) Считаю нужнымъ оговориться, что дѣлаю это замѣчаніе съ единственною цѣлью указать на трудность управленія и неизбежную медленность въ полученіи приказаній. Въ то время, эти затрудненія были неминуемы по отсутствію у насъ телеграфовъ и большому другъ отъ друга разстоянію отрядовъ на занятой нами позиціи. Командиръ 9-го корпуса воспользовался телеграфомъ по взятіи Никополя и передавалъ депеши въ Главную Квартиру съ Румынскаго берега Дуная.

разъѣзды для освѣщенія мѣстности и для связи съ Костромскимъ полкомъ; для этого:

1) Полу-сотня 5-й сотни Кубанскаго полка подъ начальствомъ хорунжаго Мѣняева была направлена черезъ Пбрадимъ по направленію на Ловчу.

2) Полу-сотня той же сотни выступила на Сгалевицу, подъ начальствомъ сотника Вышеславцева.

3) Отдѣльный разъѣздъ подъ начальствомъ урядника былъ посланъ черезъ Бресляницу въ селеніе Крета къ генералъ-маіору Лошкареву, съ письменнымъ донесеніемъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и о томъ, что Костромской полкъ, съ двумя сотнями Кубанскаго полка съ вечера 6-го числа выступилъ по направленію на Плевну.

При семъ было прибавлено, что не зная настоящей причины ихъ выступленія, послалъ разъѣзды по направленію на Плевну. Но по словамъ болгаръ, отрядъ выступилъ съ вечера, въ силу полученнаго приказанія, и что тѣже болгаре сбивчиво показываютъ о туркахъ въ Плевнѣ; одни говорятъ объ усиленіи ихъ, другіе объ отступленіи; поэтому, какъ только получу достовѣрныя свѣдѣнія, то тотчасъ сообщу *).

Сверхъ этихъ, дальнихъ разъѣздовъ, 1-я сотня Владикавказскаго полка есаула Астахова, была выставлена прямо противъ насъ отъ Тростяника по направленію къ Гривицѣ.

Вскорѣ по отправленіи разъѣздовъ, глухо раздались орудійные выстрѣлы къ сѣверозападу отъ насъ, на Бресляницу и къ юго-западу на Гривицу. Есауль Астаховъ лично сообщилъ о нихъ. Опредѣливъ точное ихъ направленіе, мы немедленно двинулись въ промежутокъ между выстрѣлами. Но такъ какъ у Бресляницы, т. е. вправо отъ насъ, находились: бригада пѣхоты съ бригадою кавалеріи, а влѣво былъ только одинъ полкъ съ двумя сотнями, то мы придерживались болѣе къ послѣднимъ, т. е. къ слабѣйшему отряду.

По мѣрѣ нашего движенія, выстрѣлы все рѣзче слышались между Гривицей и Сгалевицей, и потому мы круто свернули на лѣво, въ Сгалевицу.

Въ этомъ новомъ направленіи мы получили первое донесеніе отъ разъѣзда сотника Вышеславцева, посланнаго на Сгалевицу. Въ донесеніи было сказано: «Догналъ Костромской полкъ и 2-й дивизіонъ Кубанскаго полка. Спрашивалъ командира пѣхотнаго полка, который сказалъ, что

*) Не сохранивъ у себя копій посланнаго мною донесенія, я ручаюсь только за общее содержаніе сообщенныхъ мною свѣдѣній, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что надо убѣдиться въ происшествіяхъ подъ Плевной.

Кавказская бригада должна занять Тученицу, направившись на Сгалевицу, у которой стоит на позиціи Костромской полкъ и 2-й дивизионъ, съ цѣлью задержать наступающаго непріятеля изъ Гривицы. Сотникъ Вышеславцевъ».

Я объяснилъ уже выше причину, по которой мы не попали въ Тученицу. Но въ минуту полученія донесенія Вышеславцева, я готовъ былъ предположить, что Тученица названа по ошибкѣ, такъ какъ занятіе ея противорѣчило приказаніямъ отъ 4-го и 6-го іюля. Но выстрѣлы все громче доносились отъ Сгалевицы, и мы продолжали на нихъ свое движеніе. Вскорѣ они смолкли и мы издали еще увидѣли бивуакъ пѣхотнаго полка.

Почти передъ вступленіемъ на бивуакъ, отъ князя Кирканова было прислано донесеніе, помѣченное: «7-го іюля, три часа пополудни. По приказанію командира Костромскаго полка, я отправился на рекогносцировку въ село Гривицы, гдѣ открылъ турецкій лагерь, изъ котораго вышли войска. Кавалерія съ двумя орудіями преслѣдовала насъ съ фронта, а два эскадрона съ орудіемъ хотѣли обойти меня съ праваго фланга. Я отступилъ въ село Сгалевицу, гдѣ нашелъ пѣхотный Костромской полкъ. Войсковой старшина Князь Киркановъ».

Придя въ Сгалевицу, мы нашли въ ней, стоящими на бивуакѣ: а) Костромской полкъ съ 5-ю батареей 31-й артиллерійской бригады; б) находившійся при немъ артиллерійскій паркъ, в) и три сотни Кубанскаго полка: двѣ войскового старшины Кирканова, т. е. 3-я и 4-я и обѣ полусотни 5-й сотни, т. е. оба наши разѣзда; оба разѣзда соединились и приняли участіе въ преслѣдованіи турокъ, вышедшихъ отъ Гривицы.

Въ минуту нашего прибытія, всѣ три сотни проваживали еще взмыленныхъ лошадей. Тутъ я узналъ отъ командира Костромскаго полка, что онъ, по приказанію начальника 5-й дивизіи, съ двумя сотнями Кубанскаго полка произвелъ рекогносцировку Плевны, и князь Киркановъ вернувшись изъ Гривицы сообщилъ, что въ Плевнѣ видѣнъ большой непріятельскій лагерь, который по словамъ болгаръ, раскинутъ, прибывшимъ вчера въ Плевну сильнымъ турецкимъ подкрѣпленіемъ. Угрожаемая обходомъ непріятельской конницы, встрѣтившей наши сотни между Гривицей и Плевной, князь Киркановъ отошелъ на Костромской полкъ.

По возвращеніи ихъ на бивуакъ, турецкая конница появилась передъ сторожевыми постами, выставленными Киркановымъ; но наведенная ими подъ огонь пѣшей батареи, она была отброшена удачными ея выстрѣлами. Тогда князь Киркановъ, соединивъ всѣ три сотни Кубанскаго полка, преслѣдовалъ непріятеля до батареи расположенной за Гривицею.

Для окончательнаго опредѣленія работы нашихъ разъѣздовъ въ этотъ день, помѣщая донесеніе хорунжаго Мѣняева, отправленнаго на Порадимъ. Оно было получено по прибытіи нашемъ въ Сгалевицу, такъ какъ посланному съ нимъ, пришлось уже догонять насъ, по направленію отъ Турскаго-Тростяника.

Донесеніе Мѣняева было прислано изъ Порадима и извѣщало, что: «дивизионъ (т. е. 2-й сотни князя Кирканова) былъ въ Порадимѣ и пошелъ на Гривицу, я слѣдую за нимъ. Русскія войска видны на горѣ, недоходя Плевны. Хорунжій Мѣняевъ».

Тотчасъ же по отправленіи этого донесенія, хорунжій Мѣняевъ получилъ приказаніе отъ своего сотеннаго командира, сотника Вышеславцева *), бывшаго уже въ Сгалевицѣ, поспѣшить на соединеніе съ нимъ. Мѣняевъ двинулся туда на рысяхъ и соединился съ сотнею въ ту минуту, когда князь Киркановъ бросился преслѣдовать турецкую конницу. Отъ разъѣзда же, посланнаго въ село Крета къ генералу Лошкареву, донесеній получено еще не было.

Затѣмъ, командиръ Костромскаго полка показалъ мнѣ, недошедшую до насъ диспозицію на 6-е число начальника 5-й дивизіи, въ которой Кавказской бригадѣ предписано было занять Тученицу. Убѣдившись въ дѣйствительности этого приказанія, я обмѣнялся съ нимъ приказаніемъ, полученнымъ изъ штаба 9-го корпуса, по которому мы должны были стать не въ Тученицѣ, но въ Турскомъ-Тростяникѣ. Слѣдовательно, начальникъ 5-й дивизіи отдалъ его, не зная еще о распоряженіи сдѣланномъ въ штабѣ 9-го корпуса. Но во всякомъ случаѣ, обстоятельства сложились такъ, что Сгалевица становилась главнымъ мѣстомъ сбора нашего (восточнаго) отряда, находившагося передъ Плевной; поэтому, намъ оставалось только выставить сторожевые посты и выслать разъѣзды по направленію на Плевну, что и было нами исполнено.

На вопросъ мой, обращенный къ командиру Костромскаго полка, а равно и къ князю Кирканову: послано ли отъ нихъ донесеніе въ Бресляницу о произведенной рекогносцировкѣ, я получилъ утвердительный отвѣтъ, объ отправленіи этого донесенія. Подробности же рекогносцировки князь Киркановъ изложилъ въ своемъ рапортѣ, поданномъ отъ 8-го іюля командиру Кубанскаго полка **).

*) Отправленнаго съ полу-сотнею на Сгалевицу.

**) № 63-й 8-го іюля 1877 года. Бивуакъ при селеніи Сгалуицъ.—„Командиру 2-го Кубанскаго коннаго казачьяго полка, командира 2-го дивизиона Кубанскаго коннаго казачьяго полка. Рапортъ. „6-го іюля я выступилъ съ Костромскимъ полкомъ изъ Турскаго-Тростяника къ Плевно-Русчукскому шоссе. Въ четыре часа утра 7-го іюля по приказанію командира Костромскаго полка выступилъ съ дивизиономъ по направленію къ Плевнѣ съ

Итакъ, весь отрядъ, собранный у Сталевицы, остался у этого селенія въ ожиданіи приказаній и отвѣта на посланное донесеніе въ Бресляницу о произведенной рекогносцировкѣ. Командиръ Костромскаго полка, а равно и многіе съ кѣмъ мнѣ пришлось говорить въ этотъ день, были убѣждены, что «встрѣтивъ препятствія», въ видѣ большого турецкаго лагеря *) мы не получимъ приказанія двинуться на Плевну.

Но мы его получили въ ночь съ 7-го на 8-е іюля въ запискѣ начальника 5-й пѣхотной дивизіи доставленной изъ Бресляницы. Лично я узналъ объ этомъ приказаніи отъ полковника Клейнгауза, переславшаго мнѣ его въ третьемъ часу ночи съ казакомъ Кубанскаго полка, съ просьбою: по прочтеніи, возвратить записку.

Приказаніе было написано карандашемъ, на бумагѣ въ размѣрѣ обыкновенныхъ полевыхъ донесеній и помню, что оно начиналось словами:

«Командиру Костромскаго полка. Я думалъ, что вы вчера меня под-

цѣлю развѣдать о противникѣ посмотрѣть селенія: Порадимъ, Сталуицы и Гривицу, а также отобрать у жителей оныхъ оружіе. Подойдя къ деревни Гривицѣ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ съ двухъ-орудійнаго укрѣпленія. Подаваясь далѣе я шель, пока не увидѣлъ предъ собою два лагеря. Пересѣченная мѣстность скрывала возможность опредѣлить настоящую силу ихъ, но можно было опредѣлить, что они величиною на два полка, а затѣмъ съ пересѣченной мѣстности палатки видѣлись и далѣе. Вскорѣ было выслано намъ на встрѣчу четыре сотни кавалеріи и баталіонъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Не смѣя подаваться въ среду огня батарей, построенныхъ на высотахъ передъ Плевно и замѣтивъ намѣреніе противника обойти насъ съ праваго фланга я отошелъ къ Костромскому полку, доложивъ командиру оного о всемъ мною видѣнномъ, а также и о томъ, что по слухамъ, собраннымъ отъ жителей съ Плевны, наканунѣ прибыли туда два наши съ сильнѣмъ войскомъ. Командиръ Костромскаго полка выслушалъ мой докладъ при многихъ офицерахъ его полка и сказалъ, что донесетъ обо всемъ начальнику 5-й дивизіи. Лишь только успѣлъ я передать о вышеизложенномъ командиру Костромскаго полка, какъ непріятель, разсыпая конную цѣль, началъ стрѣлять въ выставленные мною аванпосты, причемъ подъ казакомъ 3-й сотни убита лошадь. Нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады съ пѣхотнымъ прикрытіемъ привели въ замѣшательство и разстроили показавшуюся непріятельскую колонну. Тогда ввѣренный мнѣ дивизионъ по моему приказанію бросился на непріятеля и подкрѣпленный 5-ю сотнею Кубанскаго полка сбилъ противника и заставилъ его поспѣшно отступить. Преслѣдованіе его продолжалось на разстояніи отъ четырехъ до пяти верстъ и пріостановлено лишь вслѣдствіе появленія новыхъ частей непріятельской пѣхоты, занявшихъ сильную позицію. Оставивъ развѣздъ для наблюденія за непріятелемъ, я вслѣдствіе крайняго утомленія лошадей, возвратился въ деревню Сталуицы». Командиръ 2-го дивизиона войско-вой старшина князь Киркановъ. „Настоящій рапортъ представляю командиру Кавказской казачьей бригады“. Командиръ 2-го Кубанскаго коннаго полка подполковникъ Кухаренко. № 2055 8-го іюля 1877 года деревня Сталуицы. И. д. полковаго адъютанта хорунжій Карагичевъ.

*) Слова предписанія полученнаго изъ штаба 9-го корпуса отъ 6-го іюля.

держите. Теперь уже поздно». Эти слова я твердо помню; затѣмъ приблизительно было написано слѣдующее: «Атакуйте Плевну отъ Гривицы 1-я бригада пойдетъ отъ Бресляницы. Выступление въ четыре, канонада въ пять... Кавказская бригада на вашемъ лѣвомъ флангѣ»... Далѣе слѣдовало приказаніе о прикрытіи обоза и артиллерійскаго парка, частью Костромскаго полка *).

*) Виню себя въ томъ, что не списалъ этого приказанія и, помѣщая его теперь, руководствуясь лишь краткою помѣткою изъ своего походнаго дневника; но, съ другой стороны, будетъ понятно, что получивъ приказаніе за часъ до выступления, некогда было заботиться о томъ, чтобы списывать его въ недосугъ темной ночи.

Восемнадцать мѣсяцевъ прошло со времени перваго сраженія подъ Плевной, и оно отнесенное къ разряду нечаянныхъ, было истолковано на разные лады. Всѣмъ достались обвиненія за это сраженіе; но болѣе всего досталось конницѣ. Между тѣмъ, никто изъ обвинявшихъ насъ не обратился за разъясненіемъ его къ тѣмъ лицамъ, въ чьихъ рукахъ могли быть сосредоточены приказанія, исполненіе которыхъ должны были быть провѣрены. Въ нашемъ Гривицкомъ отрядѣ, такими лицами были два человѣка. Одинъ изъ нихъ убитый въ сраженіи полковникъ Клейнгаузъ, другимъ лицомъ остаюсь я, пишущій эти строки и послѣ полковника Клейнгауза, принявшій начальство надъ Гривицкимъ отрядомъ.

Цѣлый день 7-го числа, мы стояли передъ турками и только восьмого пѣхота атаковала Плевну. Полученная нами записка съ приказаніемъ атаковать Плевну заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ она не предлагала вопросовъ о послѣдствіяхъ рекогносцировки, предписанной начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи, и о томъ, гдѣ же находится Кавказская бригада. Очевидно, что въ Бресляницѣ было извѣстно о соединеніи Костромскаго полка съ Кавказскою бригадою, которая по приказанію начальника дивизіи отъ 6-го числа должна была быть въ Тученицѣ, т. е. въ десяти верстахъ влѣво отъ Костромскаго полка. Приказаніе же, атаковать Плевну обоимъ намъ было общее и прислано на имя командира Костромскаго полка. Въ немъ прямо было указано: Кавказской бригадѣ быть на лѣвомъ флангѣ Костромскаго полка; Тученица же, будучи въ десяти верстахъ разстоянія отъ насъ не могла быть названа лѣвымъ флангомъ полка. Если же допустить самыя крайнія предположенія, и подумать, что упомянутая записка начальника 5-й дивизіи существовала только въ моемъ воображеніи, то тогда Костромской полкъ не атаковалъ бы Плевну одновременно съ 1-й бригадой 5-й пѣхотной дивизіи, и не было бы сраженія 8-го іюля. Послѣ сраженія я спросилъ записку генерала Шильдера у одного изъ офицеровъ Костромскаго полка, которому какъ мнѣ казалось могъ передать ее полковникъ Клейнгаузъ; но отвѣтомъ на мою просьбу были слова: „сколько помнится, полковникъ положилъ ее въ карманъ своего мундира“. Теперь приходится сожалѣть если не существуетъ этой записки; содержаніе ее чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что въ ней было сказано: „Я думалъ, что вы вчера меня поддержите“. Слѣдовательно, войска шедшія отъ Бресляницы также какъ и мы, были въ соприкосновеніи съ турками наканунѣ Плевненскаго сраженія; и случайно или преднамѣренно, но имѣли рекогносцировку. А потому и разыгравшееся 8-го іюля сраженіе подъ Плевной не можетъ быть отнесено къ разряду „случайныхъ“; и такъ называемое „дѣло генерала Шильдера“ не есть оплошное его походное движеніе на Плевну. Если же и была оплошность, то ее слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ день наступательнаго движенія русскихъ 7-го числа, а не въ день сраженія подъ Плевною 8-го іюля.

8-го Юля.

Итакъ, въ четыре часа утра войска должны были выступить на Плевну. Трудное предстояло намъ дѣло; тяжелыя мысли давили размышление; досада смѣнялась сомнѣніемъ, сомнѣніе зарождало вопросы: зачѣмъ и почему мы идемъ на Плевну? Вчерашній день сложился такъ, что каждому думалось, что приступа на Плевну не будетъ. Приготовленія были сдѣланы только на случай, и между прочими помню, что въ Кавказской бригадѣ было приказано съ вечера имѣть по куску мяса, на случай ранняго выступления. Позднее полученіе приказанія, поспѣшное выступленіе произвели какое-то разладистое ощущеніе и зародилось мрачное настроеніе духа, надъ которымъ какъ-будто подсмѣивался кто-то и язвительно нашептывалъ: «взаимная поддержка», «выборъ удачнаго мгновенія», должны быть основными свойствами конницы. Но не легко было ей, въ случаѣ надобности поспѣть къ Бресляницѣ, не бросивъ на жертву Костромскаго полка.

По присланной намъ диспозиціи, наступленіе на Плевну должно быть произведено по двумъ направленіямъ. Именно; 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, Бугскій уланскій и 9-й Донской полки двигались по направленію отъ Бресляницы и по Виду; Костромской полкъ шелъ отъ Сгалевицы на Гривицу. Кавказской бригадѣ приказано слѣдовать уступомъ за его лѣвымъ

Не зная подробностей столкновенія нашихъ войскъ съ турками подъ Бресляницей я не могу и разсказывать о немъ; но обращаю вниманіе на то обстоятельство, что со стороны Гривицы, потери 7-го числа заключались въ одной убитой лошади. Слѣдовательно, Гривицкій отрядъ не можетъ принять на себя укора въ оплошности.

Неизвѣстными оставались лишь вопросы: откуда, когда и сколько прибыло подкрѣпленій къ шести таборамъ, (рекогносцировка подъ начальствомъ Владикавказскаго полка подполковника Бибикова), занявшимъ Плевну 27-го іюня.

Вопросы эти разрѣшились на другой день; но для цѣлости разсказа отвѣчу на нихъ тутъ же.

По свидѣтельству однихъ, турки въ числѣ двадцати тысячъ подошли къ Плевнѣ 5-го іюля, по показанію другихъ, они вступили почти одновременно съ нашимъ движеніемъ отъ Никополя, но оба показанія сходились въ томъ, что турки пришли не по рѣкѣ Виду, не отъ Ловчи и Софій, а черезъ Метрополье, т. е. съ запада, со стороны прямо противоположенной Гривицѣ, переправясь, по всему вѣроятію, черезъ рѣку Искеръ у Магалеты.

Спрашивается, могла ли конница 9-го корпуса видѣть вступленіе силъ Османа ранѣе своего соприкосновенія съ турками 7-го іюля?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, я могу только за себя и говорю, что для наблюденія за движеніемъ турокъ отъ Искера на Метрополье, Кавказская бригада должна была бы имѣть постъ на Софійскомъ шоссе гдѣ-нибудь подлѣ Дольняго Дубняка, т. е. въ сорока верстахъ отъ Тростяника и въ срединѣ сообщеній противника. Врядъ ли турки допустили бы наши слабыя силы не только держаться, но и приблизиться къ этому мѣсту.

флангомъ. Артиллерійскій паркъ и обозъ восточнаго, т. е. нашего отряда, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Костромскаго полка оставленъ въ Сгалевицѣ. Слѣдовательно, передъ началомъ своего наступленія на Плевну наши отряды были расположены почти подъ прямымъ угломъ другъ къ другу. Промежутокъ между ними на мѣстахъ ночлега былъ отъ пятнадцати до восемнадцати верстъ и только по линіи встрѣчной турецкой обороны, т. е. отъ Гривицы къ дорогѣ Бресляница-Плевна, онъ сокращался до семи верстъ. Тутъ русскіе должны были сойтись съ турками. Чтобы сколько-нибудь пополнить промежутокъ, раздѣлившіи отряды нашей пѣхоты и обезпечить правый флангъ Костромскаго полка, въ непосредственное его распоряженіе, были назначены двѣ сотни Кубанскаго полка князя Кирканова. Вмѣстѣ съ симъ князю Кирканову вмѣнено въ обязанность: поддерживать связь съ лѣвымъ флангомъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Сверхъ сего, къ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи назначенъ особый офицерскій разъѣздъ въ Бресляницу, который и отправился къ нему при началѣ артиллерійскаго боя *). Князь Киркановъ, явился къ командиру Костромскаго полка и получилъ приказаніе освѣтить его наступленіе. Составивъ, такимъ образомъ, авангардъ Костромскаго полка, онъ слѣдовалъ въ головѣ его, до перестроенія баталіоновъ въ ротныя колонны. Затѣмъ, князь Киркановъ передвинулся на правый флангъ Костромскаго полка и дозоры его соединились съ донцами 9-го полка, выставленными отъ Бресляницы **). Костромской полкъ не дошелъ еще до разстоянія предѣльныхъ выстрѣловъ турецкихъ орудій, какъ орудійные выстрѣлы раздались со стороны Бресляницы. Неужели мы опоздали? подумалось въ это время. Но Костромской полкъ выступилъ ровно въ четыре часа; слѣдовательно тамъ, подъ Бресляницей турки были ближе къ русскому расположенію, или наши выступили раньше времени. Но вотъ, около шести часовъ утра изъ батареи построенной на горѣ, выше Гривицы (почти на мѣстѣ будущаго большаго Гривицкаго редута) турки открыли орудійный огонь по нашему наступленію.

Турецкая позиція имѣла видъ высокаго, крутого полукружія, обращеннаго къ намъ выпуклою стороною; правое крыло турокъ упиралось въ Радишево и направляясь черезъ Гривицу поворачивало на сѣверо-западъ къ рѣкѣ Виду, въ берегъ котораго ниспадали утесы Опанца. Гривица,

*) Сколько помнится, то разъѣздъ былъ подъ начальствомъ хорунжаго Кубанскаго полка Вирюкова.

**) По словамъ князя Кирканова, его цѣль стояла въ связи съ донскими казаками до взятія Костромскимъ полкомъ турецкой батареи. Послѣ чего донцы быстро стянулись къ своему правому крылу.

расположенная у подошвы обращенных къ намъ Плевненскихъ крутостей. какъ бы встрѣчала русское наступленіе. Отъ нея поднимались холмы и горы за которыми стояла Плевна, пріютившаяся въ ихъ глубокой котловинѣ. Въ день 8-го іюля, на гребнѣ этихъ горъ росъ высокій кустарникъ, отъ котораго ниспадали двѣ противоположныя крутости. Обращенныя къ намъ я назову наружными, а противоположныя внутренними.

Внутреннія скаты круче и короче наружныхъ. Эти послѣднія, длинною покатостью спускаясь въ нашу сторону, почти не имѣютъ мертвого пространства; думаю, что эта особенность имѣла не малое вліяніе на большую убыль Костромскаго полка.

По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ Гривицѣ, 5-я *) батарея, 31-й артиллерійской бригады послѣдовательно мѣняя позиціи удачно отвѣчала огню турецкихъ орудій. До семи часовъ мы имѣли передъ своими глазами постепенно подававшійся впередъ Костромской полкъ. Въ семь часовъ утра, лѣвофланговый его баталіонъ подошелъ къ Гривицкому оврагу; батарея и остальные два баталіона наступали правѣ Гривицы. Гривица и возвышающіяся за нею крутости были заняты турками, которые встрѣтили Костромичей сплошнымъ ружейнымъ огнемъ. Лѣвофланговый баталіонъ спустился въ оврагъ, чтобы занять Гривицу. Подлѣ него, если не ошибаюсь, находился и командиръ полка; баталіонъ скоро скрылся въ оврагѣ, а высокая кукуруза укрывала отъ нашихъ глазъ и тѣхъ, которые шли правѣ его.

Склоны горъ густо покрылись ружейнымъ дымомъ и только бѣлыя красивыя кольца орудійныхъ выстрѣловъ, одиноко взвивались надъ пеленой пороховаго тумана.

Въ это время, т. е. около семи часовъ утра Кубанскій казакъ доставилъ мнѣ записку, въ которой было сказано:

«Кавказской бригадѣ приказано заходить имъ въ тылъ». Полковникъ Клейнгаузъ.

Приказаніе заходить въ тылъ туркамъ, въ то время, когда дѣло едва лишь начиналось, казалось преждевременнымъ; но по словамъ: «приказано заходить имъ въ тылъ» было очевидно, что записка получена изъ Бресляницы, слѣдовательно, почему-нибудь надо было спѣшить въ тылъ туркамъ. Итакъ какъ нашъ Гривицкій отрядъ могъ попасть въ турецкій тылъ не иначе какъ обходя ихъ праваго крыла на Радишево, то мы и двинулись по этому направленію.

Направляясь балками, минуя возвышенныя скаты, мы скрытно по-

*) Находившаяся при Костромскомъ полку.

дошли къ Радишеву и остановились вблизи его, чтобы сколько-нибудь осмотрѣться на новой мѣстности. Радишево лежитъ въ ложинѣ, у подножія двухъ крутыхъ лѣсистыхъ обрывовъ. Образую отдѣльно занятый постъ на правомъ крылѣ турокъ, оно было занято двумя ротами пѣхоты; подъ самой Плевной стояли сильныя турецкія подкрѣпленія. Для наблюденія за Радишевымъ, была выдвинута 1-я сотня Кубанскаго полка, балкою подошедшая къ самой деревнѣ. Кругомъ насъ спускались обрывы узкихъ, лѣсистыхъ холмовъ и не было мѣста для дѣйствія въ конномъ строю; пѣхотный бой тутъ могъ бы быть упорный; мы могли бы обстрѣлять ихъ огнемъ орудій. Но Радишево расположенное подъ лѣсистую горою, находилось въ мертвомъ углу нашихъ выстрѣловъ; четырехъ-фунтовыя орудія могли бы взять отсюда по открытому флангу турецкихъ подкрѣпленій передъ Плевной; но трехъ-фунтовыя горныя орудія не добросили бы снарядовъ и на половину этого разстоянія. Видя невозможность дѣйствовать на этой мѣстности, мы подались еще лѣвѣе, ставъ между Радишевымъ и Тученицкимъ оврагомъ; тутъ мѣстность была лучше, хотя для преслѣдованія турокъ на Плевну, намъ слѣдовало перейти еще Радишевскій оврагъ.

Отсюда весь тылъ турецкихъ позицій намъ былъ видѣнъ. Передъ Плевной стояли густыя колонны свѣжихъ турецкихъ подкрѣпленій; мы находились отъ нихъ на разстояніи вѣрнаго выстрѣла турецкихъ орудій. Но турки стояли твердо и не думали объ отступленіи. Съ занятой нами высоты мы видѣли, какъ ближайшій къ намъ баталіонъ Костромскаго полка поднялся изъ Гривицы, ударилъ на ложементы и взялъ окопанную батарею, насыпанную на два орудія. 5-я батарея 31-й артиллерійской бригады производила видимое опустошеніе въ турецкихъ рядахъ и они бѣжали, покинувъ свою батарею, на которой одно орудіе, какъ намъ казалось, было подбито. Костромичи поднялись на высоты и скоро скрылись въ кустахъ, бывшихъ между ними и турками. Что тамъ происходило я не знаю, но мы видѣли какъ отступившіе турки спустились къ своимъ подкрѣпленіямъ, стоявшимъ у самой Плевны.

За нашею тонкою линіею таковыхъ не было видно и отъ Бресляницы никакого движенія не замѣчалось. Высоты скрывали кругозоръ за правымъ крыломъ Костромскаго полка и еслибы не слабо доносившіеся оттуда орудійные выстрѣлы можно было бы подумать, что бой происходитъ, только передъ Костромскимъ полкомъ.

Въ то время какъ роты Костромскаго полка вошли въ кусты, что росли на гребнѣ Плевненскихъ высотъ, ружейная пальба прекратилась и по всему протяженію боя наступило какое-то мертвящее душу молчаніе.

Но вотъ изъ кустовъ показались бѣлыя точки *), отступавшіе съ того мѣста, гдѣ залегли роты Костромскаго полка; мы приняли ихъ за одиночное движеніе раненыхъ; но вслѣдъ за ними понемногу прибавилось еще нѣсколько и вскорѣ все, что поднималось на гору отъ Гривицы, стало отходить, длинною цѣпью, безъ выстрѣла обратно. У Костромскаго полка какъ послѣ оказалось истощились патроны; поэтому сначала отступили одиночные люди, а за ними отошелъ и весь полкъ потерявшій въ бою не малое число офицеровъ, начиная съ полковаго командира.

Тогда изъ Плевны поднялась густая, тройная турецкая цѣпь пѣхоты, перемѣшанная со всадниками **) и издали, но тоже безъ выстрѣловъ, она медленно подвигалась за нашею пѣхотою. Тутъ уже ясно было, что сраженіе проиграно и наше движеніе въ тылъ непріятеля не могло имѣть примѣненія, такъ какъ турки могли обрушиться превосходными силами на ослабѣвшій Костромской полкъ; поэтому, Кавказская бригада рысью возвратилась на прежнее мѣсто къ Гривицѣ на соединеніе съ Костромскимъ полкомъ. Быть можетъ, подъ Гривицей могло разыграться разстрѣливаніе турками Кавказской бригады, но она должна была дать время Костромскому полку вздохнуть и собраться за нею. При началѣ этого движенія, вторая сотня Кубанскаго полка была послана впередъ для скорѣйшаго поданія помощи раненымъ. Приблизясь къ Гривицкому шоссе, мы увидѣли толпу раненыхъ ближайшаго къ намъ батальона, которымъ врачи не успѣвали дѣлать перевязки; турки подходили къ Гривицѣ и въ это же время, почти одновременно, были получены мною три слѣдующія извѣстія:

1) Подѣхавшій ко мнѣ офицеръ Костромскаго полка сообщилъ, что полковой командиръ убитъ и что множество офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя, остальные растянулись и неизвѣстно какимъ образомъ соберутся.

2) Съ перевязочнаго пункта была доставлена записка:

«Я, завѣдывающій перевязочнымъ пунктомъ, прошу ваше высокоблагородіе отстоять наше отступление, такъ какъ я не могу подобрать нашихъ раненыхъ; сотни недостаточно. Юля 8-го, поручикъ Брискенъ.

3) Съ праваго фланга Костромскаго полка:

«Костромской полкъ разбитъ; командиръ убитъ и мы отступаемъ на Сгалевицы. Остановились у Гривицы. Турки наступаютъ; дайте помощь, иначе артиллерія въ опасности. Князь Киркановъ.»

*) Костромской полкъ былъ въ бѣлыхъ шароварахъ и сколько помнится въ рубашкахъ.

**) Намъ въслѣдствіи неоднократно приходилось видѣть, какъ густая пѣхотная цѣпь турокъ была сопровождаема рѣдкою цѣпью кавалеристовъ.

Итакъ, Кавказская бригада прибыла во время, и для удовлетворенія этихъ требованій были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Для помощи раненымъ, собиравшимся на Гривицкомъ шоссе, оставлены двѣ сотни Кубанскаго полка, съ цѣлью отвезти ихъ подъ своимъ прикрытіемъ, по окончаніи перевязки, въ Сгалевицы.

Остальныя двѣ сотни Кубанскаго полка были расположены нѣсколько правѣе ихъ, по сю сторону Гривицы, какъ для поддержки прикрытія раненыхъ на Гривицкомъ шоссе, такъ и для наблюденія за Гривицей. По отбытіи раненыхъ въ Сгалевицы, этимъ двумъ сотнямъ приказано было присоединиться къ Владикавказскому полку.

Этотъ послѣдній, на основаніи полученныхъ донесеній, былъ двинутъ на правый флангъ Костромскаго полка. Затѣмъ, по нашу сторону Гривицкаго оврага, начиная отъ шоссе вплоть до кубанскихъ сотенъ князя Кирканова *), были разсыпаны двѣ сотни Владикавказскаго полка. Къ этому времени турки заняли ближайшую къ нимъ ограду Гривицы и открыли рѣдкій орудійный огонь изъ покинутой и теперь вновь занятой ими батареи.

Владикавказскія сотни подошли къ правому флангу Костромскаго полка, собиравшемуся у большой рощи, которая, если судить по русской десятиверетной картѣ, начинается не далеко отъ Гривицы и тянется до того мѣста, гдѣ на ней обозначено «Палацъ» **).

Здѣсь, несмотря на летающія гранаты, офицеры собирали и выстраивали полкъ, выпустившій всѣ патроны; въ батареѣ не было снарядовъ; двѣ сотни князя Кирканова стояли впереди, разсыпавъ цѣпь передъ надвинувшимися турками.

Князь Киркановъ, составляя авангардъ Костромскаго полка при вступленіи его въ дѣло, оставался затѣмъ все время на его правомъ флангѣ. Увидавъ, въ одиннадцатъ часовъ пополудни, отступленіе нашей пѣхоты, онъ тотчасъ выдвинулся впередъ; занявъ мѣсто сбора Костромскаго полка и оставался въ такомъ положеніи вплоть до прибытія ***)

*) Находившагося на правомъ флангѣ Костромскаго полка.

**) Селеніе Палацъ на этомъ мѣстѣ не находится; по показаніямъ проводниковъ, этимъ названіемъ именуется сказанная роща; на картахъ Каница и на австрійской названіе Палацъ не обозначено.

***) № 64-й, 9-го іюля 1877 года, бивуакъ при селеніи Турскій-Тростаникъ. — Командиру 2-го Кубанскаго коннаго казачьяго полка командира 2-го дивизіона Кубанскаго коннаго казачьяго полка. Рапортъ. Вчера, 8-го іюля, въ четыре часа утра дивизіонъ выступилъ въ авангардъ Костромскаго полка, начавшаго наступленіе на Шлеви. Дойдя до сел. Гривицы, по дивизіону былъ открытъ артиллерійскій огонь съ непріятельской батареи, скрытно расположенной за окопами на высотахъ между сел. Гривицей

Владикавказскаго полка, который и сталъ въ резервъ за этими сотнями. Для помощи раненымъ Кавказская бригада дала все то число казаковъ, которое можно было освободить изъ строя, стоявшаго наготовѣ встрѣтить турокъ. День былъ жаркій, жажда мучила раненыхъ, а воды не было.

Наконецъ въ рощѣ былъ найденъ источникъ (ключъ) и изъ него казаки подвозили воду въ котелкахъ. Доктора Кубанскаго и Владикавказскаго полковъ *) послѣ помощи, оказанной раненымъ Костромскаго полка, оставленнымъ у Гривицы и по отправленіи послѣднихъ въ Сгалевицы, подоспѣли сюда и неутомимо работали съ врачами Костромскаго полка; лазаретныя линейки, лафеты и зарядные ящики были переполнены ранеными; казаки по собственному желанію усаживали ихъ на свои сѣдла и вели въ поводу вплоть до мѣста ночлега.

Конечно, работа эта потребовала много времени; турки не двигались, но орудіиный огонь ихъ не прекращался. Почти въ минуту нашего соединенія съ правымъ флангомъ Костромскаго полка, прибылъ къ намъ отъ начальника 5-й дивизіи хорунжій Бирюковъ, посланный къ нему въ началѣ боя съ разѣздомъ Кубанскаго полка. Онъ сообщилъ объ отступленіи сѣвернаго отряда на Бресляницу и привезъ намъ приказаніе стягиваться по тому же направленію. Въ первую минуту по полученіи этого приказанія, я хотѣлъ было выполнить предстоящее намъ фланговое движеніе передъ торжествующимъ непріятелемъ. Повидимому, для приведенія его въ исполненіе, стоило только увѣдомить паркъ и обозъ, оставленные въ Сгалевицѣ, и приказать имъ одновременно съ нами направиться на

и Плевной. Пѣхота наша построилась въ боевой порядокъ, а дивизіонъ получилъ приказаніе отъ полковаго командира прикрывать его правый флангъ и поддерживать связь съ 1-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи, начавшей еще ранѣ наступать со стороны Бресляницы, для чего я и поднялся на высоты правѣ сел. Гривицы, гдѣ и расположилъ дивизіонъ въ закрытой отъ выстрѣловъ ложинѣ; по мѣрѣ наступленія пѣхоты дивизіонъ подавался впередъ. Къ одиннадцати же часамъ огонь прекратился и дивизіонъ, выѣхавъ изъ ложины, замѣтилъ вправо отступавшую пѣхоту толпою и батарею, немедленно подался къ нимъ, перестроившись на ходу въ боевой порядокъ подъ артиллерійскимъ огнемъ противника и своею стойкостью удерживалъ въ отдаленіи непріятельскую кавалерію. Я тотчасъ же донесъ начальнику Кавказской бригады объ опасномъ положеніи страшно утомленной и разстроенной продолжительнымъ боемъ пѣхоты и артиллеріи, отступавшей безъ патроновъ и зарядовъ и просилъ помощи. Въ половинѣ втораго часа дня я присоединился къ прибывшей бригадѣ. Командиръ 2-го дивизіона войсковой старшина князь Киркановъ. Настоящій рапортъ представляю командиру Кавказской казачьей бригады. Командиръ 2-го Кубанскаго коннаго полка подполковникъ Кухаренко. — И. д. полковаго адъютанта хорунжій Карагичевъ. № 2054. 9-го іюля 1877 г.

*) Кубанскаго полка Лабуцъ и Владикавказскаго—Скворцовъ.

Бресляницу. Но на дѣлѣ движеніе это встрѣтило много затрудненій. Часть раненыхъ уже была направлена на Сгалевицу, въ которой приказано было собрать подводы для ихъ дальнѣйшей перевозки. Къ тому же, мы сами были обременены ранеными, которыхъ не на чемъ было отвезти въ Бресляницу, удаленную отъ Палаца по крайней мѣрѣ на десять верстъ *). Поэтому, я послалъ донесеніе начальнику 5-й дивизіи о потеряхъ Костромскаго полка и о невозможности, въ силу этого, двинуться на Бресляницу, такъ какъ Сгалевица была ближе къ намъ и въ ней можно было найти подводы для раненыхъ. Кромѣ того намъ невольно пришло въ голову то соображеніе, что при отступленіи на Бресляницу останется безъ наблюденія нашъ лѣвый флангъ, т. е. Гривицкое шоссе, а на немъ стояли уже турки, менѣе чѣмъ въ полувёрстѣ разстоянія отъ нашей цѣпи.

Въ то время, когда мы были уже на правомъ флангѣ Костромскаго полка, прибылъ, почти вслѣдъ за хорунжимъ Бирюковымъ, разъѣздъ, посланный нами вчера изъ Тростяника къ генералу Лошкареву и привезъ отъ него записку помѣченную: съ позиціи передъ Плевною, 8-го іюля, 7 час. 25 мин.

«Полковнику Тутолмину. Немедленно шибко двиньтесь въ тылъ туркамъ, наступающимъ по большой дорогѣ отъ Плевны въ Бресляницу; мы сколько можемъ удерживаемъ ихъ.

Генералъ Лошкаревъ.»

Эта записка была получена во второмъ часу пополудни, слѣдовательно тогда, когда весь бой былъ уже оконченъ. На вопросъ, обращенный къ разъѣзду, почему записка доставлена такъ поздно, посланные отвѣчали, что должны были ѣхать кружнымъ путемъ, въ виду усиленнаго турецкаго натиска отъ Плевны на Бресляницу; но какъ бы тамъ ни было, вѣрно только то, что 1) разъѣздъ, посланный вчера, 7-го іюля, въ с. Крета, прибылъ по назначенію и ночевалъ въ расположеніи праваго нашего фланга и утромъ 8-го іюля былъ отправленъ съ поля обратно; 2) то, что Кавказская бригада не выполнила привезеннаго разъѣздомъ приказанія потому, что въ 7 часовъ утра она уже получила приказаніе, переданное черезъ полковника Клейнгауза, выраженное въ словахъ: «Кавказской бригадѣ приказано заходить имъ въ тылъ». Для нашего же расположенія турецкій тылъ былъ дер. Радишево, куда мы и направились. Но слѣдуетъ замѣтить, что время отправленія записки генерала Лошкарева помѣчено 7 ч. 25 м. Приказаніе отъ Клейнгауза получено ранѣе 7 час. утра. Слѣдовательно, приказаніе командиру Костромскаго полка

*) По русской десятиверстной картѣ.

направить Кавказскую бригаду въ тылъ туркамъ, было послано раньше записки генерала Ложкарева. Если въ штабѣ 5-й дивизіи не сохранилось отпуска этого приказанія, то кончина полковника Клейнгауза не даетъ возможности повѣрить, отъ кого было прислано первое приказаніе. Но спрашивается: еслибы Кавказская бригада получила второе приказаніе во время, могла ли она оказать содѣйствіе нашему правому флангу? На этотъ вопросъ можно отвѣтить скорѣе утвердительно, прибавивъ: еслибы мѣстность и строй турокъ способствовали неожиданному для нихъ нападенію; но двинуться на Бресляницкую дорогу она могла только однимъ полкомъ, потому что врядъ ли она могла оставить безъ прикрытія лѣвый флангъ Костромскаго полка, совершенно удаленный отъ нашихъ главныхъ силъ. Если же она пошла на Радишево въ составѣ восьми сотенъ, оставя двѣ при Костромскомъ полку *), то въ этомъ случаѣ Костромской полкъ былъ у нея на виду и она всегда могла взять турокъ во флангъ или тылъ, еслибы они потѣснили его.

Въ числѣ роковыхъ случайностей этого дня было два обстоятельства, которымъ слѣдовало пособить, но у меня не было къ тому возможности. Говорю про оставленные на полѣ сраженія ранцы Костромскаго полка и тѣло полковника Клейнгауза.

Одинъ изъ офицеровъ Костромскаго полка просилъ меня отрядить казаковъ для подбора ранцевъ, сложенныхъ въ Гривицкой балкѣ. Костромской полкъ началъ дѣло въ ранцахъ и спустился подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ въ Гривицкую балку. Для облегченія приступа на крутые гривицкіе скаты, полковникъ Клейнгаузъ приказалъ ихъ снять и сложить тутъ же подъ Гривицей **).

Въ этой просьбѣ я отказалъ, потому что для подбора хотя бы 2000 ранцевъ нужно было назначить не менѣе пяти сотенъ, а готовый къ бою строй былъ необходимъ для всякой случайности ***). Вторая просьба сда-

*) Одиннадцатая сотня въ Сельви, двѣнадцатая (сборная изъ художонныхъ и раненыхъ) при обозѣ.

**) См. записку полковаго адъютанта Костромскаго полка о мѣстѣ нахожденія ранцевъ приведенную ниже.

***) 11-го іюля мною было получено приказаніе отъ начальника 5-й дивизіи справиться въ Костромскомъ полку, гдѣ сложены ранцы и, подобравъ ихъ, доставить на подводахъ подъ охраною казаковъ. На это я отвѣчалъ донесеніемъ о невозможности собрать ихъ въ день боя и тѣмъ болѣе это трудно сдѣлать теперь, потому что не можемъ набрать подводъ и для раненыхъ, не только для ранцевъ, которые, по всему вѣроятію, въ большинствѣ уничтожены. Поэтому для подбора ихъ остатковъ просилъ особаго приказанія. Для подробнаго же отвѣта начальнику 5-й дивизіи о мѣстѣ склада ранцевъ получилъ записку отъ адъютанта Костромскаго полка, которую привожу дословно: „Роты 1-го батальона: пятая и шестая оставили ранцы въ балкѣ, прамѣ дороги въ Гривицу, не до-

вила меня скорбью; мнѣ было стыдно бросить тѣло полковаго командира, честно павшаго въ бою; но послать на убой свѣжую горсть людей было бы грѣшно; нельзя было допустить, чтобы турки удержались отъ открытія огня, находясь не далѣе 200 шаговъ отъ посланныхъ для этой цѣли людей. Если нельзя было вынести полковаго командира въ минуту смерти, то теперь тѣмъ болѣе трудно было розыскивать его между десятками столь же честно павшихъ воиновъ.

Я не помню до котораго часа мы оставались на мѣстѣ нашего случайнаго сбора и перевязки раненыхъ; но Кавказская бригада отступила отъ Гривицы только тогда, когда Костромской полкъ совершенно устроился. Ввѣривъ непосредственное распоряженіе отступленіемъ, командиру 5-й батареи, какъ старшему въ чинѣ, я поручилъ ему отвести полкъ и батарею вслѣдъ за ранеными.

Когда Костромской полкъ и батарея, двинувшись въ полномъ порядкѣ, отошли отъ насъ на версту, тогда, отступила и Кавказская бригада; но передъ турками были оставлены и разсыпаны цѣпью двѣ сотни. Имъ приказано отходить шагъ за шагомъ не ранѣе, какъ весь нашъ отрядъ скроется у нихъ изъ виду *).

Помню что при началѣ нашего отступленія, ко мнѣ присланъ былъ съ приказаніемъ, съ лѣваго фланга нашей цѣпи, Владикавказскаго полка прапорщикъ Хорановъ. Мы оба обернулись лицомъ къ Гривицѣ — и передъ нами мелькнуло пламя послѣдняго орудійнаго выстрѣла турокъ. Слѣдовательно, мы оставались вплоть до сумерекъ на мѣстѣ сраженія, окончившагося въ первомъ часу пополудни.

Но на пол-пути въ Сгалевицы на насъ обрушилась новая бѣда. Отъ казаковъ посланныхъ за подводами въ Сгалевицы мы узнали, что паркъ и обозъ, отошли на Турскій-Тростяникъ, получивъ свѣдѣнія отъ перепуганныхъ болгаръ будто бы турки наступаютъ по Гривицкому шоссе; что болгары бѣгутъ изъ селенія, но тѣмъ не менѣе казакамъ удалось собрать нѣсколько подводъ, что раненые прибываютъ въ Сгалевицы и что пришедшіе уже туда, подъ прикрытіемъ двухъ нашихъ сотенъ отъ Гривицы, прослѣдовали вслѣдъ за обозомъ на Турскій-Тростяникъ. По полученіи этого извѣстія пришлось послать за обозомъ въ Турскій-Тростяникъ и вернуть его, если онъ не прослѣдовалъ куда-нибудь дальше. Поздними сумерками мы вступили въ Сгалевицы, выславъ разѣзды къ сторонѣ Плевны и приступили къ укладкѣ раненыхъ на подводы.

ходя ея; остальные роты оставили ихъ въ той же балкѣ, но ближе къ Гривицѣ, въ загибѣ балки. Полковой адъютантъ поручикъ Подгаевскій.“

*) Разумѣется, если турки не начнутъ насѣдать на насъ.

Въ восемь часовъ вечера, отъ офицера, находившагося при обозѣ Кавказской бригады, получено было донесеніе въ которомъ сообщалось:

«Обозъ расположенъ на горѣ, около села Турекаго-Тростяника; лошади упряжныя сильно утомлены, раненные просятъ отдыха; 13-й летучій паркъ присоединился къ намъ; получено свѣдѣніе, что на нашъ обозъ непріятель наступаетъ; нужно подкрѣпленіе». Войсковой старшина Голяховскій.

Вслѣдъ за симъ получено увѣдомленіе отъ командира летучаго 13-го парка:

«Командующему Кавказской казачьей бригадой. Сообщаю вашему высокоблагородію, что ввѣренный мнѣ паркъ съ полными боевыми запасами безъ всякаго прикрытія не можетъ выступить въ настоящее время по вашему приказанію. Двѣ сотни *) казаковъ для прикрытія обоза и парка, крайне недостаточно въ ночное время, а потому принимаю отвѣтственность на себя и удерживаю до разсвѣта, а съ разсвѣтомъ могу выступить, причемъ прошу ваше высокоблагородіе сообщить 5-й батарее 31-й артиллерійской бригады, что я прибуду завтра къ вашей бригадѣ, чтобы выслали ящики для пополненія боевыхъ припасовъ батареи, которые и во время боя могли бы быть пополнены, такъ какъ командиру батареи было извѣстно, что паркъ прибылъ на позицію». Полковникъ Пѣшковъ.

Казалось бы, что парку, бывшему на позиціи не слѣдовало бы и уходить безъ приказанія, но достовѣрно только то, что въ настоящую минуту, Костромской полкъ былъ безъ патроновъ, а батарея безъ снарядовъ.

Вслѣдъ за запискою полковника Пѣшкова, снова было получено увѣдомленіе изъ обоза, сообщавшее:

«Сейчасъ далъ знать лазутчикъ, что изъ Турекаго-Тростяника турки **) послали сказать, что мы стоимъ безъ всякаго прикрытія и насъ мало. Торопитесь придти». Войсковой старшина Голяховскій.

А на словахъ сообщалось, что болгары перехватили двухъ человекъ изъ числа трехъ, посланныхъ въ Плевну, но что третьему удалось уйти.

Слѣдовательно, наше положеніе выходило очень непріятное. Обсудивъ его общими силами, было рѣшено воспользоваться тѣмъ, что раненные хоть кое-какъ да уложены на подводы и присоединиться къ парку,

*) Оставленные утромъ въ Сталевицахъ двѣ роты Костромскаго полка для прикрытія обоза, быть можетъ должны были слѣдовать за обозомъ; но нельзя ихъ винить въ этомъ, такъ какъ онѣ остались для поданія необходимой помощи прибывшимъ раненымъ. Наши двѣ сотни, составляя прикрытіе раненныхъ,—обратились въ прикрытіе обоза, парка и раненныхъ.

**) Т. е. жители.

можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ привлекающему турокъ въ Турскій-Тростяникъ, т. е. въ разрѣзъ нашихъ отрядовъ.

Еслибы турки, дѣйствительно, пришли въ Турскій-Тростяникъ, то разрѣзали бы насъ на двѣ части; во избѣжаніе этого мы передвинулись туда въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардъ назначено двѣ сотни; за нимъ повозки съ ранеными, размѣщенные между сотнями Кавказской бригады, за ними Костромской полкъ; въ арьергардъ оставлены двѣ сотни. Здѣсь я снова обращаю вниманіе на то, что утомленный Костромской полкъ бодро и въ совершенномъ порядкѣ поднялся для движенія на Турскій-Тростяникъ, готовый быть можетъ снова имѣть дѣло хотя бы и безъ патроновъ; офицеры обращали особенное вниманіе на сохраненіе строго-сплоченнаго порядка нашего передвиженія. Въ десять часовъ вечера, вѣрнѣе сказать уже темною ночью, мы вступили въ Турскій-Тростяникъ. Прикрывъ своимъ расположеніемъ ране*ыхъ и паркъ, мы оставались здѣсь всю ночь, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній *).

*) Прочитывая появившіеся въ печати очерки минувшей войны, приходится съ уваженіемъ относиться къ трудамъ нѣмецкихъ писателей, разбирающихъ наши дѣйствія. По крайней мѣрѣ, я высказываюсь относительно ихъ взгляда на дѣйствія нашей конницы. Въ этомъ отношеніи, мнѣнія Виддерна, Трота и Зарау (Saraau) дороги, потому что основаны не на личномъ произвольномъ взглядѣ, но выведены на основаніи военного искусства.

Въ каждомъ отзывѣ ихъ слышится голосъ прошедшихъ войнъ, который какъ-будто спрашиваетъ: къ чему же вамъ служили испытанные нами уроки? И дѣйствительно: гдѣ же какъ не въ конницѣ примѣры прошлаго должны служить руководителями военныхъ дѣйствій. И для этого у насъ не мало данныхъ, какъ старинныхъ, такъ и современныхъ.

Сравнительное примѣненіе ихъ къ нашимъ дѣйствіямъ должно составить предметъ особаго самостоятельнаго труда; но для ссылки хотя бы на нѣкоторые изъ нихъ, я позволю себѣ указать на сочиненіе прусскаго офицера Богуславскаго, написавшаго „Развитіе тактики со времени войны 1870—71 годовъ“ и на русскій очеркъ прошедшаго и будущаго кавалеріи П. Скобелевича. Оба произведенія напечатаны въ военномъ сборникѣ за 1878 г. и точно также какъ и разсужденія Трота, увлекаютъ послѣдовательностью выводовъ, основанныхъ на глубокомъ знаніи назначенія, свойствъ и обстановки легко-конной службы.

Тротъ такъ вѣрно прочувствовалъ наше трудное положеніе, что не въ обиду ему будетъ сказано, онъ какъ бы присутствуя у насъ и пишетъ съ нашихъ словъ. Какъ-будто русская конница не сознаетъ своихъ ошибокъ? Кто же ихъ не дѣлалъ? Но мнѣ кажется, что для правильной оцѣнки ея дѣйствій нужно знать всю подноготную ея обстановки; надо прочувствовать все то, что испытывали ея работники въ то время когда они безпомощно изнемогали въ непосильныхъ напряженіяхъ.

Если я позволю себѣ сказать, что указанное мною писатели не всегда точно опредѣляютъ наши дѣйствія, то думаю, что это происходитъ только отъ того, что имъ многое неизвѣстно изъ нашей войны. Оно и не могло быть извѣстно. Такъ напримѣръ, въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ Виддерна и Трота и у датскаго писателя Зарау говорится, что кавказская бригада пришла къ первому сраженію подъ Плевну изъ Булгарени; т. е. какъ

II.

Послѣ первой Плевны.

9-го Юля.

Въ отвѣтъ на посланное, начальнику 5-й дивизіи донесеніе изъ подъ Гривицы, о нашемъ отступленіи на Сгалевицы, мы на разсвѣтъ 9-го

бы совершенно свѣжая. Слѣдовательно, имъ неизвѣстно, что она была подъ Никоподемъ и возвращалась послѣ шестидневно-непрерывныхъ дѣлъ съ непріятелемъ.

Но не мудрено ошибаться нѣмцамъ, когда и русскія донесенія свидѣтельствуютъ о томъ, что кавказская бригада пришла изъ Булгарени и ночевала съ 7-го на 8-е іюля въ Тученицѣ. („Военный Сборникъ“ 1877 г. № 9, описаніе сраж. 8-го іюля).

Но еще непонятнѣе то обстоятельство, что въ описаніи сраженія этого дня подъ Гривицей, я нѣсколько узнаю свое собственное донесеніе; но я не говорилъ въ немъ, что мы пришли изъ Булгарени и ночевали въ Тученицѣ.

Вмѣсто этого у меня находились, непомѣщенные въ описаніи, дѣйствія кавказской бригады послѣ сраженія.

Нѣтъ сомнѣній, что это произошло отъ невольной ошибки, хотя къ сожалѣнію, совершенно извращающей дѣйствія кавказской бригады.

Я далекъ отъ желанія выставить въ безупречномъ видѣ дѣйствія кавказской бригады; но военная лѣтопись должна передавать ежечасную точность и невозбуждать подозрѣній въ бездѣйствіи тѣхъ частей, которыя добросовѣстно исполняли отданныя имъ приказанія. Въ этомъ отношеніи кавказская бригада имѣетъ право сѣтовать на то, что своевременно остались незамѣченными: приступъ, шести съ половиной ея сотенъ, на Градешти; не выяснены причины возникновенія ночнаго ихъ боя подъ Самовидомъ и наконецъ, уничтоженіе моста на р. Видѣ у с. Гилянъ,—о которомъ спрашивали русскія газеты. Что же дѣлала конница? неужели она не уничтожила моста въ Гилянахъ? спрашивала русская печать.

Смѣю думать, что дневникъ кавказской бригады, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что отъ ея вниманія не ускользнула необходимость прервать удобное сообщеніе турокъ по р. Виду; но не намъ было указывать на свою службу и заслуги. Наше дѣло было работать. Мы кратко доносили: приказаніе исполнено, что дѣлать дальше? и за это поплачивались. Тогда была пора работы,—теперь наступаетъ время правдиваго разсказа на основаніи положительныхъ, а не измышленныхъ данныхъ. Поэтому, я позволилъ себѣ переполнить дневникъ тѣми полевыми записками военнаго времени, по которымъ можно составить понятіе о боевыхъ распоряженіяхъ. Только по нимъ можно безошибочно опредѣлить когда и какъ, мы узнали о приказаніи находиться въ Тученицѣ въ то время, когда съ другой стороны намъ велѣно было занять Тростяникъ. Касательно же перваго сраженія подъ Плевной, изъ нихъ можно вывести заключеніе, что штабъ 9-го корпуса предписывалъ пѣхотѣ двинуться на Плевну не ранѣе того, какъ конница успѣетъ оглядѣть окрѣпость Плевны.

Между тѣмъ, говоритъ Тротъ, 9-й казачій полкъ остался позади пѣхоты, двигавшейся отъ Бресляницы, и заключаетъ изъ этого, что командиръ Донскаго полка не былъ посвященъ въ цѣль движенія пѣхоты.

Я позволю себѣ прибавить къ этому предположеніе, что пѣхота двинулась на Плевну, по меньшей мѣрѣ не дождавшись движенія конницы. Трудно предположить,

іюля, получили приказаніе отправленное 8-го іюля, въ шесть часовъ вечера, съ позиціи передъ Бресляницей, командиру Кавказской бригады:

что командиръ 9-го полка ослушался отданнаго ему приказанія; вѣдь въ подобныхъ случаяхъ на него неминуемо обрушилась бы короткая расправа.—Почему же вмѣсто голословнаго обвиненія конницы не приходитъ въ голову спросить: что было приказано командиру 9-го полка?—Испытавъ многіе стороны, весьма естественной въ боевое время неурядицы, я позволяю себѣ утверждать, что одно изъ дѣйствій нашего мирно военного времени, заключается въ отсутствіи сродства трехъ родовъ оружія.

Отъ этого происходитъ, что пѣхота не знаетъ свойствъ и нуждъ конницы; конница не вѣдаетъ современныхъ потребностей и усовершенствованій пѣхоты, а въ общемъ выходитъ, что оба рода оружія не знаютъ, чѣмъ и какъ служить другъ другу.—Въ силу этого, закрадывается обоюдное пренебреженіе, которое нерѣдко обнаруживается въ преступномъ выраженіи: иди самъ по себѣ.—Надо связать пѣхоту съ конницею, въ какомъ бы строевомъ видѣ эта связь не проявилась; но сохранить отдѣльныя, самостоятельныя конныя силы. На это указываютъ прошедшія, доселѣ мало въ чемъ измѣнившіяся требованія отъ конницы; этого тщетно добивались всѣ великіе предводители конницы, начиная со временъ Ксенофонта, говорившаго: „соединяйте конницу со стрѣлками“.

Касательно дѣйствій кавказской бригады передъ первоею Плевной, Тротъ справедливо замѣчаетъ, что ей слѣдовало двинуться, въ полномъ составѣ на рекогносцировку Плевны изъ Тученицы.—Думаю, что изъ дневника можно усмотрѣть, что бригада именно такъ и сдѣлала; но ей пришлось уже изъ *Тростяника двинуться на выстрѣлы*, въ то время когда Бресляницкій и Сгалевицкій отряды открыли силы турокъ

Ко времени прихода кавказской бригады въ Сгалевицы, рекогносцировка 3-хъ ея сотенъ была уже окончена.

Тѣмъ не менѣе, на мнѣ должно лежать обвиненіе, что я на слово повѣрилъ отпращиванію о ней донесенія и не послалъ отъ себя вторичнаго.

Для меня нѣтъ оправданія въ этомъ промахѣ; но такъ какъ не бываетъ дѣйствій безъ причины, то я и объясню эту причину.

Рекогносцировка была произведена командиромъ Костромскаго полка, а не мною.—Онъ мнѣ о ней сообщилъ, князь Киркановъ доложилъ по порядку подчиненности.

Оба засвидѣтельствовали, что донесеніе послано; слѣдовательно, честь этого дѣла принадлежала имъ.

Турки были высмотрѣны, донесеніе послано; если оно не дошло, то и мое могло не дойти.

Въ с. Крета, черезъ Бресляницу, было послано 7-го іюля донесеніе, о томъ, что кавказская бригада идетъ на соединеніе съ Костромскимъ полкомъ. У меня приведено доказательство, что донесеніе это было получено въ с. Крета. (записка г-ла Лопкарева отъ 8-го іюля 7 ч. 25 м. сопровождаемая съ нашимъ разъѣздомъ ночевавшимъ въ расположеніи Бресляницкаго отряда).—Я не знаю, гдѣ именно ночевалъ нашъ разъѣздъ, но помню, что посланные утверждали, что дожидались до утра подлѣ палатки генерала и передавъ записку начальнику дивизіи, отвѣчали на вопросы нѣсколькихъ лицъ штаба будто-бы обѣихъ дивизій. (Я могъ бы привести не мало подробностей изъ рассказовъ этого разъѣзда, но такъ какъ ихъ трудно повѣрить, то и умалчиваю о нихъ).

«Если вы съ 19-мъ полкомъ *) находитесь въ селеніи Сгалевицахъ, или вообще на Рушукско-Плевненскомъ шоссе, то отойдите съ 19-мъ полкомъ въ Булгарени за мостъ, который а) надо защищать. Если сегодня не успѣете, то отойдите завтра утромъ; если вы находитесь съ 19-мъ полкомъ очень близко къ Бресляницѣ и не успѣете сегодня отойти за Булгаренскій мостъ, то только въ б) такомъ крайнемъ случаѣ *) отступайте на соединеніе съ 1-й бригадой въ Бресляницу. 20-й Галицкій полкъ вышелъ мнѣ на встрѣчу и передъ Булгарени прикроетъ отступление. Передайте для исполненія содержаніе этой записки командиру 19-го полка».

Генераль Шильдеръ.

Эта записка была полнымъ одобреніемъ того, что весь нашъ лѣвый, т. е. Гривицкій, отрядъ не пошелъ на Бресляницу, по первоначально полученному вчера приказанію. Съ нашей стороны, по меньшей мѣрѣ, было бы оплошно, оставить безъ наблюденія Плевно-Рушукское шоссе.

Совершенно непредвидѣнное передвиженіе парка и обоза въ Турскій-Тростяникъ, расположенный какъ и Сгалевица почти на Плевненскомъ шоссе, принудило насъ сдѣлать лишнихъ десять верстъ; въ противномъ случаѣ мы избѣжали бы и этого движенія.

Итакъ утромъ 9-го числа, мы получили приказаніе выступить въ Булгарени; а между тѣмъ, нѣкоторые опасно раненые требовали новой перевязки и турецкіе дозоры стояли противъ нашихъ передъ Сгалевицей.

Поэтому, мы могли выступить изъ Тростяника не ранѣе того времени, какъ управились съ перевязкою раненыхъ, отбѣснили турецкую конницу отъ Сгалевицъ и пропустивъ мимо себя раненыхъ, вступили въ Булгарени въ три часа пополудни. Для наблюденія за непріятелемъ выставили сотню на Гривицкое шоссе и отдѣльные посты по направленію на Турскій-Тростяникъ и къ Плевнѣ. Обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, своевременно были посланы донесенія начальнику 5-й дивизіи. Въ числѣ отправленныхъ до-

Вотъ причина, по которой я конечно ошибочно, не отправилъ вторичнаго донесенія отъ своего имени.

Признавая справедливость могущаго остаться на мнѣ обвиненія, я позволяю себѣ предложить вопросъ: развѣ въ этомъ заключалась причина пораженія подъ Плевной?

Если допустить, что изъ Гривицкаго отряда не было послано донесенія объ усиленіи турокъ, то Бресляницкій отрядъ, увидѣвъ ихъ 7-го числа, развѣ не могъ отступить на Бресляницу, хотя бы ночью съ 7-го на 8-е іюля?—Я слышалъ, что одинъ изъ артиллерійскихъ генераловъ бывшихъ въ это время въ Бресляницѣ, предлагалъ именно эту мѣру предосторожности.—Это мнѣ рассказывалъ самъ предлагавшій.

*) Т. е. 19-мъ Костромскимъ.

**) а и б подчеркнуто въ подлинникѣ.

несеній, было доложено ему и о количествѣ бывшихъ вчера въ бою и вновь прибывающихъ въ Плевну таборовъ; въ чемъ и была получена росписка начальника штаба 5-й дивизіи:

«Конвертъ отъ полковника Тутолмина о числительности прибывшихъ въ Плевну таборовъ, съ припискою капитана Котельникова начальникомъ 5-й дивизіи полученъ.» Начальникъ штаба полковникъ Поповъ.

Транспортъ интендантскій сегодня направленъ по приказанію корпуснаго командира въ Булгарени для снабженія сухарями войскъ.»

Эта приписка была большимъ для насъ утѣшеніемъ, потому что, какъ сказано выше, ранцы Костромскаго полка остались подъ Гривицей.

По полученнымъ свѣдѣніямъ вся числительность дравшихся противъ насъ турокъ простиралась свыше двадцати тысячъ человекъ; сегодня прибывали свѣжія подкрѣпленія въ Плевну.

Сраженіемъ подъ Плевной завершились на нѣсколько дней наступательныя дѣйствія между Осмою и Видомъ и Кавказская бригада получила приказаніе содѣйствовать устройству Костромскаго полка, а относительно турокъ, оставаться въ наблюдательномъ положеніи; первое приказаніе по этому поводу было доставлено изъ штаба 9-го корпуса, отъ 9-го іюля:

«Полковнику Тутолмину. Командиръ корпуса приказалъ, чтобы вы распорядились отправленіемъ раненыхъ Костромскаго полка въ Систово на подводахъ, которыя собрать у жителей окрестныхъ деревень реквизиціею, обращаясь съ требованіемъ къ старшинамъ селеній. Костромской полкъ съ батареей оставте впредь до распоряженія въ Булгарени. Имѣйте зоркое наблюденіе за дорогами въ Плевно, посылая какъ можно далѣе разъѣзды.

Генераль-маіоръ Шнитниковъ.

Изъ вышесказаннаго можно видѣть, что въ Кавказской бригадѣ были уже приняты мѣры къ усиленному сбору подводъ. При громадномъ количествѣ раненыхъ, доходившихъ, по первоначальнымъ свѣдѣніямъ до семнадцати офицеровъ и четырехсотъ двадцати нижнихъ чиновъ, едва ли бы мы успѣли 9-го числа прибыть въ Булгарени, если бы не распорядились сборомъ подводъ.

Но для насъ записка эта важна въ томъ отношеніи, что она указываетъ на одну изъ побочныхъ работъ, которыя выпадаютъ на долю конницы, помимо ея боевыхъ обязанностей. Для конницы нѣтъ отдыха: она стоитъ въ сторожевой цѣпи, высылаетъ разъѣзды, она держитъ связь съ отдѣльными отрядами; она собираетъ подводы, она же ихъ и сопровождаетъ. Всѣ эти посылки зачастую требуютъ 2—3-хъ дней на возвращеніе

людей и отдѣльныхъ отрядовъ; а между, тѣмъ на ослабленную отдѣленіемъ ихъ конницу, валится обвиненіе въ бездѣйствіи. Для постороннихъ глазъ и усть, невѣдающихъ этихъ расходовъ, всегда существуютъ представленія о полномъ числѣ рядовъ въ бригадахъ и полкахъ, тогда какъ въ дѣйствительности, бригада давно уже уменьшилась въ своемъ составѣ. Разные, ежедневные мелкіе расходы, боевые потери людей и лошадей, болѣзни и все то, о чемъ не возможно вести на передовыхъ постахъ бумажной отчетности, ежедневно влияетъ на разительную разницу прибыли и убыли рядовъ.

Такъ напримѣръ, для перевозки четыреста двадцати раненыхъ требовалось около ста подводъ; потому что, для далекаго слѣдованія въ Систово иные трудно раненые были назначены по одному человѣку на подводу. Но вотъ часть подводъ набрана, слана по назначенію и завѣдующій сборомъ ихъ утѣшаетъ себя, что ему останется только добрать тѣлѣгъ шестьдесятъ. А въ это время, при общемъ напряженіи и заботѣ о множествѣ мелкихъ обязанностей, онъ узнаетъ, что въ виду неотступныхъ болгарскихъ просьбъ, отпустить подводчиковъ за хлѣбомъ, собранныя вчера подводы, помимо его вѣденія, отпущены на срокъ за хлѣбомъ. Но срокъ подходитъ, транспортъ долженъ выступать, а болгаре не возвращаются; снова нужно набирать подводы изъ раскинутыхъ деревень, а въ концѣ концовъ раздаются жалобы, что конница не помогаетъ общему дѣлу.

Но хотя, по мнѣнію строгихъ цѣнителей нашей службы, конница и мало помогала общему дѣлу, оно все-таки подвигалось. Не успѣвали лишь выбившіеся изъ силъ врачи несмотря на общее ихъ стараніе и непрерывную работу съ утра до ночи. Казаки, назначенные въ сопровожденіе раненыхъ, давно уже ожидали приказанія къ выступленію; но на вопросъ: когда же, наконецъ, раненые могутъ выѣхать, изъ Костромскаго полка вечеромъ 9-го числа былъ полученъ отвѣтъ:

«Доктора говорятъ, что всѣ раненые не могутъ отправиться раньше девяти часовъ утра (т. е. 10-го іюля).

Поручикъ Подгаевскій».

Но кромѣ отправленія раненыхъ, мы должны были прикрыть и артиллерійскій паркъ, потребованный въ Мусылеу; такъ какъ отъ начальника парка, слѣдовавшаго съ нами изъ Турскаго-Тростяника, получено было требованіе:

«13-й летучій паркъ. 9-го іюля 1877 г., № 1375, село Булгарени. Экстренное. Командиру Кавказской казачьей бригады. По приказанію начальника 9-го армейскаго корпуса, я съ ввѣреннымъ мнѣ паркомъ долженъ завтра въ три часа утра выступить въ село Мусылеу; почему

прошу распоряженія о назначеніи отъ ввѣренной вамъ бригады одной сотни казаковъ ко ввѣренному мнѣ парку, которые и должны прибыть къ означенному времени.

Командиръ парка полковникъ Пѣшковъ».

Это отношеніе подтверждаетъ то обстоятельство, что конница, вынужденная высылать по произволу требователей то сотню, то полу-сотню, была поставлена въ невозможность располагать имѣющимся у нея количествомъ боевой силы; сила же эта, постороннему глазу, казалась неизмѣнною по отношенію возлагаемыхъ на конницу обязанностей.

Поэтому мы не имѣли возможности удовлетворить начальника парка высылкою ему сотни, вмѣсто которой назначили полу-сотню съ объясненіемъ причины, не позволившей исполнить его желаніе.

Но эти побочные расходы не ослабили наблюдательной службы Кавказской бригады, исполнявшейся на основаніи приказа по кавалеріи 9-го армейскаго корпуса *):

«Для обезпеченія настоящаго расположенія войскъ 9-го армейскаго корпуса его превосходительство командиръ корпуса приказалъ направить:

1) двѣ сотни 9-го Донскаго полка въ Чіековцы, для наблюденія изъ этого селенія за р. Видь, одною сотнею до Крете, другою до разрушеннаго моста **) противъ селенія Гилянъ. Присемъ, обѣмъ сотнямъ приказано перейти на лѣвый берегъ рѣки Вида и войти въ связь съ сотнею 34-го Донскаго полка, наблюдающею за низовьями рѣки Вида.

2) Остальнымъ четыремъ сотнямъ 9-го Донскаго полка быть на правомъ флангѣ Галицкаго полка и наблюдать разъѣздами пространство отъ Крета до дороги изъ Плевны въ Бресляницу, т. е. до дороги, по которой было наступленіе 7-го іюля.

3) Бугскому уланскому полку наблюдать лѣвый флангъ расположенія 5-й пѣхотной дивизіи до селенія Турскаго Тростяника, входя разъѣздами въ постоянную связь съ Кавказскою бригадою».

Слѣдовательно, для сохраненія постоянной связи, нужно было расходовать не малое число людей.

Поэтому было сдѣлано распоряженіе, чтобы дороги къ югу отъ Булгарени наблюдались Владикавказскимъ, а на сѣверозападъ до Турскаго Тростяника Кубанскимъ полками ***).

10-го же іюля отъ корпуснаго командира было получено приказаніе. Кавказской бригадѣ:

*) Отъ 9-го іюля 1877 г. съ бивуака у села Бресляницы.

**) Т. е. до уничтоженнаго кавказскими сотнями моста въ Гилянахъ.

***) Приказаніе по Кавказской бригадѣ на 10-е іюля.

1) «Произвести завтра рекогносцировку съ востока и юга Плевны, хотя бы мѣстность эта и была извѣстна по прежнимъ рекогносцировкамъ и о послѣдствіяхъ донести безъ промедленія.

2) Вмѣстѣ съ симъ, доставить въ возможной скорости, донесеніе о потеряхъ Костромскаго полка, Кавказской бригады и 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады, а равно и о настоящемъ состояніи ихъ.

3) Передать генераль-маіору Богацевичу, отправленному устраивать Костромской полкъ, чтобы онъ направилъ его, батарею и часть парка подъ общимъ начальствомъ командира батареи, завтра 11-го іюля въ Пятикладенцы; а 12-го іюля оттуда въ Вубе, если къ этому передвиженію не встрѣтится особаго препятствія.

4) Увѣдомить, отправлены ли раненые въ Систово и въ какомъ числѣ?

Генераль-маіоръ Шнитниковъ».

10-го іюля, бивуакъ при дорогѣ изъ Никополя въ Бресляницу.

Но перевязка раненыхъ шла далеко не такъ скоро, какъ того хотѣлось; назначаемый врачами часъ отправленія ихъ, по непредвидѣннымъ случайностямъ неоднократно отмѣнялся; подводы прибывали, но не въ достаточномъ количествѣ, потому что большая часть изъ прибывшихъ 8-го іюля и переданная Костромскому полку, была отпущена на время и вовсе не вернулась.

Прибытіе генераль-маіора Богацевича, по приказанію корпуснаго командира, устроить Костромской полкъ, подвинуло нѣсколько подготовленіе раненыхъ; но главную помощь въ этомъ случаѣ оказалъ, только что пришедшій интендантскій транспортъ. Съ его прибытіемъ явилась возможность воспользоваться опорожненными подводами, возвращавшимися въ Систово. Но и это пособіе не вполне насъ обезпечивало, потому что часть повозокъ не разгрузилась, заключая въ себѣ то продовольствіе, въ которомъ отрядъ не нуждался. Кромѣ того, начальникъ транспорта, связанный срочнымъ возвращеніемъ въ Систово, не могъ дожидаться окончанія перевязки. Но, Кавказская бригада оказала посильную помощь разгрузенію подводъ, принявъ на свой страхъ лишнее продовольствіе, которое пришлось бы бросить въ случаѣ нашего движенія изъ Булгарени.

Не считая себя вправѣ, безъ согласія генерала Богацевича *), задержать транспортъ, я обратился къ нему съ этою просьбою, и въ отвѣтъ получилъ записку:

*) Какъ старшаго лица, находившагося въ расположеніи Костромскаго полка.

«Съ мнѣніемъ вашимъ я вполне согласенъ, что было бы удобно больныхъ отправлять на возвращающихся интендантскихъ телѣгахъ; но дѣло въ томъ, что врачи не успѣютъ сдѣлать перевязки и главное приготовить свѣдѣнія, а поэтому я не рѣшаюсь. Готовые же больные къ отправленію сто двадцать человѣкъ завтра въ четыре часа утра могутъ быть отправлены.

Генераль-маіоръ Богацевичъ».

Но подводы были необходимы, и я рѣшился задержать транспортъ до утра, выдавъ начальнику его свидѣтельство о причинѣ его промедленія *). Увѣдомивъ объ этомъ генерала Богацевича, я вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его, чтобы прибывающія болгарскія подводы находились подъ строгимъ присмотромъ Костромскаго полка.

«Все что нужно, отвѣчалъ генераль Богацевичъ, и что найдете лучшимъ, прошу васъ дѣлать по вашему усмотрѣнію, такъ какъ я нахожусь здѣсь временно и въ распоряженія ваши не считаю даже умѣстнымъ вмѣшиваться. Что же касается до обывательскихъ подводъ, то мною будетъ приказано смотрѣть за ними и не распускать безъ вашего распоряженія. 10-е іюля 1877 г.

Генераль-маіоръ Богацевичъ».

Такимъ образомъ, главное затрудненіе было окончено, и раненые подъ прикрытіемъ полусотни Кавказской бригады отправились въ Сп-ство.

Но 10-е іюля было для насъ днемъ огорченія. Мы узнали, что въ Главной квартирѣ не имѣютъ извѣстій о томъ, гдѣ находится и что дѣлаетъ Кавказская бригада. А такъ какъ къ этому времени подоспѣла первая Плевна, то нашлись охотники приписать нашу неудачу исключительно Кавказской бригадѣ.

Словомъ сказать: здравый смыслъ и достовѣрные рассказы были пущены въ ходъ ранѣе положительныхъ свѣдѣній.

На дѣлѣ же оказалось, что кромѣ короткихъ телеграммъ о взятіи Никополя и сраженіи 8-го іюля, никакихъ другихъ свѣдѣній изъ-за Осмы, въ Главную квартиру не было еще отправлено.

Для разузнанія всѣхъ подробностей за эти дни, Великій Князь Главнокомандующій отправилъ своихъ ординарцевъ въ 9-й корпусъ и въ Кавказскую бригаду.

Между прочимъ ординарцы должны были передать отъ имени Великаго Князя строжайшій выговоръ полковнику Тутолмину, если дѣйстви-

*) Для огражденія его отъ отвѣтственности передъ начальствомъ.

тельно окажутся справедливыми предположенія, о бездѣйствіи Кавказской бригады.

Эти извѣстія мы узнали вскользь, отъ ординарцевъ, посланныхъ собственно въ штабъ 9-го корпуса.

Туда были назначены: Кавалергардскаго полка: штабъ-ротмистръ Лярскій, корнетъ Хвоцинскій и гвардейской конной артиллеріи штабсъ-капитанъ Андреевскій.

Направляясь въ расположеніе 9-го корпуса, черезъ встрѣтившіе ихъ посты Кавказской бригады, они пріостановились у насъ,—и разумѣется, съ первыхъ же разспросовъ узнали суть дѣла. Я не могу умолчать о сердечномъ, дружескомъ великодушіи оказанномъ какъ бригадѣ, такъ, въ этомъ случаѣ, и лично мнѣ, этими тремя, до сихъ поръ совершенно незнакомыми со мною лицами.

Разспросивъ о томъ, что у насъ дѣлалось, они приготовили насъ къ тому выговору, который я долженъ былъ получить отъ ординарцевъ, посланныхъ собственно въ Кавказскую бригаду. Спасибо имъ, что пощадили въ то время уже надорванные силы и не брякнули, не разобравъ въ чемъ дѣло: «приказано сказать, что съ вами шутить не будутъ».

Съ нашимъ разъѣздомъ и обратнымъ казакомъ 9-го полка ординарцы были направлены въ штабъ 9-го корпуса.

11-го Юля.

Такъ наступило 11-е число, т. е. день, въ который по приказанію командира 9-го корпуса слѣдовало осмотрѣть мѣстность съ юга и востока отъ Плевны. Для выполненія этой задачи, въ виду усилившагося непріятеля до шестидесяти тысячъ человѣкъ *) назначенъ былъ Кубанскій полкъ съ двумя конно-горными орудіями, при которомъ поручено было находиться капитану генеральнаго штаба Стромилову. Выступивъ въ девять часовъ утра изъ Булгарени, командиръ Кубанскаго полка подполковникъ Кухаренко прибылъ въ половинѣ перваго часа въ селеніе Волчитронъ **), лежащее верстахъ въ двадцати отъ Булгарени и отсюда выслалъ сильные разъѣзды къ Плевнѣ по направленіямъ:

- 1) На Порадимъ, Сгалевицы, къ Гривицѣ.
- 2) На Пелишати въ Радишево.
- 3) На Владино и Боготъ къ Плевно-Ловчинскому шоссе.

*) Всѣ свѣдѣнія о численности турокъ въ Плевнѣ, преимущественно были доставлены іеродіакономъ Евфиміемъ, о которомъ сказано выше.

**) Донесеніе подполковника Кухаренко отъ 11-го іюля.

4) На Слатино къ Ловчѣ.

5) На Катаричу и Смердиштецъ, т. е. въ промежутокъ между Сельви и Ловчей. Остальные сотни стали въ Волчетронѣ, какъ въ средоточіи сказанныхъ направлений.

Отсюда подполковникъ Кухаренко разсчитывалъ поддержать свои разѣзды, которые получили приказаніе, въ крайности, отступить на Волчетронъ. Но непріятель не тревожилъ ихъ и разѣзды одинаково показали; а) что повсюду, жители подтверждаютъ о прибытіи въ Плевну большихъ турецкихъ силъ изъ за рѣки Вида; б) что позиціи подъ Плевною сильно укрѣплены завалами и траншеями; в) разѣздъ же посланный на Гривицу, имѣлъ возможность подойти вплодь до турецкихъ аванпостовъ. Донесенія эти были получены по возвращеніи полка въ Булгарени въ девять съ половиною часовъ вечера того же дня.

Между тѣмъ, въ шесть часовъ пополудни прибыли изъ Главной квартиры ожидаемые нами ординарцы: лейбъ гвардіи коннаго полка ротмистръ Максимовичъ, флигель-адъютантъ поручикъ Непокойчицкій и гвардейской конной артиллеріи поручикъ Жонсонъ; проводникомъ имъ служилъ сотникъ Верещагинъ, находившійся, какъ было сказано, въ составѣ 3-й сотни Владикавказскаго полка, на Сельви-Ловчинскомъ шоссе. Приѣхавъ къ намъ прямою дорогою въ Булгарени, и получивъ отъ насъ тѣже свѣдѣнія, какъ и вчерашніе ординарцы съ прибавкою новыхъ, за весь день одиннадцатаго числа они рано утромъ двѣнадцатаго числа возвратились въ Главную Квартиру.

Мы узнали отъ нихъ все то, что передали приѣзжавшіе къ намъ вчера ординарцы, но съ ними же было прислано мнѣ приказаніе: одновременно съ донесеніями непосредственному начальству—прямо отъ себя посылать донесенія и въ Главную квартиру.

Поэтому, вмѣстѣ съ ними я отправилъ краткій перечень дѣйствій Кавказской бригады по 11-е іюля и третье знамя, взятое въ бою подъ Самовидомъ. Я говорилъ уже, что принятое за значекъ, оно не считалось у насъ трофеемъ и потому не обратили на него вниманія. Но черезъ нѣсколько времени мы узнали, что существующія на немъ надписи свойственны только знаменамъ, и мы воспользовавшись представившимся случаемъ отправили его въ Главную квартиру. Вмѣстѣ съ ними я отправилъ пять человекъ изъ наиболѣе отличившихся казаковъ. Они вернулись съ георгіевскими крестами.

Прибывшій съ ординарцами сотникъ Верещагинъ, сообщилъ, что онъ былъ посланъ проводникомъ по приказанію начальства; что ввѣренная ему полусотня, послѣ его донесенія отъ 2-го іюля, участвовала 3, 4 и 5-го іюля въ дѣлахъ подъ Сельви и Ловчей; а 8-го числа онъ имѣлъ приказаніе ото-

брать оружіе въ селеніяхъ Острецъ и Раутицы (на югъ за Сельви-Ловчинской дорогой) другая же полусотня оставлена въ Сельви. Слѣдовательно, разбѣды наши, посланные на Тырновъ и Сельви для связи съ передовыми отрядами, были обращены, не смѣю иначе думать, какъ по необходимости, на службу по Сельви-Ловчинской дорогѣ *.)

Но 11-го іюля должно быть отмѣчено въ дневникѣ, праваго крыла русскихъ войскъ дѣйствующей арміи: первымъ днемъ, съ котораго начали подходить подкрѣпленія подъ Плевну. Извѣстіе, о прибытіи ихъ, получено было въ Кавказской бригадѣ изъ штаба 9-го корпуса, отъ «11-го іюля, съ бивуака между Никополемъ и Бресляницею у четырехъ колодцевъ.»

«Начальникъ Штаба дѣйствующей арміи, по телеграфу, увѣдомилъ, что въ Булгарени направлены: бригада пѣхоты отъ 4-го корпуса отъ Павла, и бригада пѣхоты съ бригадою кавалеріи отъ 11-го корпуса, отъ

*) Командиру кавказской бригады полковнику Тутолмину, сотника Владикавказскаго полка Верещагина рапортъ.—Будучи посланъ по приказанію Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею въ г. Сельви имѣю честь донести о нижеслѣдующемъ: 2-го чис. въ 12 ч. дня, я прибылъ въ г. Сельви съ 2 взводами (40 чел.) Владикавказскаго полка 3-й сотни и немедленно ударилъ на баши-бузуковъ, наседавшихъ въ тотъ моментъ на 2 взвода Донскаго № 30 полка, защищавшихъ этотъ городъ, чѣмъ недопустилъ городъ до разграбленія. Благодаря дружному натиску, баши-бузуки были прогнаны и дѣло окончилось въ 5 час. вечера, причемъ урядникъ Донскаго полка былъ убитъ. На слѣдующій день 3-го числа перестрѣлка началась съ 10 час. утра и продолжалась до 4 час. пополудни, когда непріятель принужденъ былъ удалиться въ горы. 4-го числа перестрѣлка началась съ 1 ч. пополудни и длилась до 7 час. вечера въ этомъ дѣлѣ участвовали кромѣ 2-хъ взводовъ Владикавказской сотни 3 взвода 3-й сотни Донскаго № 30 полка и подоспѣвшая наканунѣ 6-я сотня того же 30 полка. Около 3 часовъ есаулы Антоновъ и Афанасьевъ и я пошли въ атаку на лѣвый флангъ непріятеля, состоявшаго изъ баши-бузуковъ въ числѣ около 1500 человекъ. Въ это время я, будучи извѣщенъ отъ поручика Красовскаго, что около 100 черкесовъ зашли въ тылъ оставшимся въ цѣпи 2 взводамъ Донскихъ казаковъ, бросился на нихъ въ атаку, обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ непріятеля легло на мѣстѣ 20 человекъ, чѣмъ выручилъ донцовъ отъ опасности. 5 числа я съ 5-ю своими казаками участвовалъ въ дѣлахъ съ отрядомъ подъ командой флигель-адъютанта полковника Жеребкова при взятіи города Ловчи; остальные Владикавказскіе казаки были оставлены для защиты города Сельви по приказанію начальника отряда. 8-го іюля я былъ отправленъ въ сел. Острецъ и Раутицы отобрать оружіе отъ турецкаго населенія, что и было исполнено мною. Я привезъ два воза различнаго оружія въ количествѣ 500 штукъ. 10 чис. былъ отправленъ по приказанію Его Высочества сопровождать флигель-адъютанта поручика Непокойчицкаго, ротмистра Максимовича и штабсъ-ротмистра Жонсона розыскать бригаду, вѣренную вашему высокоблагородію, на пути имѣлъ перестрѣлку съ баши-бузуками въ сел. Юруктеръ, причемъ одинъ казакъ 3-й сотни Щербаковъ тяжело раненъ ятаганомъ, а нами убито 4 баши-бузука.

Сотникъ Верещагинъ.

Греганова на Янтрѣ *). По мѣрѣ прибытія этихъ войскъ, немедленно донесите командиру корпуса: какая часть, въ какомъ составѣ и подъ чьимъ начальствомъ прибыли. Генераль-маіору Богацевичу передайте, чтобы Костромской полкъ съ батареею непремѣнно направлены были черезъ Пять Колодцевъ и Вубе на присоединеніе къ своей дивизіи, Генераль-маіоръ Шнитниковъ.»

22-го іюля.

Въ силу этого приказанія, утромъ 12-го числа былъ посланъ разъѣздъ по направленію на ~~Пяльну~~ ^{Пальну}, для связи съ прибывающими къ намъ войсками; но онъ вскорѣ вернулся, вмѣстѣ съ разъѣздомъ, посланнымъ отъ вступающей къ намъ части съ запискою отъ начальника 11-й кавалерійской дивизіи:

«Начальнику отряда въ Булгарени. По предписанію Главной Квартіры и по приказанію командира 11-го армейскаго корпуса прибыла сегодня въ дер. Овчю-Могилу бригада **) 11-й кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями и 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи ***) съ тремя батареями. Войско это имѣетъ назначеніе поддерживать 9-й армейскій корпусъ. Кромѣ того, 1-я бригада 32-й ****) пѣхотной дивизіи съ двумя батареями и двѣ батареи корпусной артиллеріи должны сегодня прибыть въ с. Горный Студень, куда имѣетъ прибыть и командиръ 11-го армейскаго корпуса, который и приметъ общее начальство надъ всѣми этими войсками. Прошу сообщить съ симъ же посланнымъ:

- 1) Какой силы вашъ отрядъ?
- 2) Есть ли кавалерія и сколько?
- 3) Какіе отряды и какой силы находятся около васъ?
- 4) Какія имѣете свѣдѣнія о противникѣ? Начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи генераль-лейтенантъ Татищевъ. 11-го іюля 1877 года, бивуакъ при дер. Овчей-Могилѣ, 7^{1/2} часовъ вечера».

Снявъ для себя копію съ этой записки, я, на основаніи приказанія штаба 9-го корпуса, въ подлинникѣ отправилъ ее командиру 9-го корпуса, донося при этомъ:

«Начальнику 9-го корпуса. Прилагаю подлинную записку начальника 11-й кавалерійской дивизіи, только-что мною полученную. Послан-

*) На русской картѣ „Греганово“ не показано; можетъ быть „Драганово“, что на Австрійской и у Каница.

**) Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

***) Ярославскій и Шуйскій.

****) Курскій и Рылскій.

ный съ нею встрѣтилъ нашъ разъѣздъ, направленный къ намъ. Сряду отправляю отвѣты на вопросы и разъѣздъ въ Горный Студень. Полковникъ Тутолминъ».

Итакъ, 12-го іюля прибыли подкрѣпленія къ 9-му корпусу, въ головѣ которыхъ шла 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, т. е. 11-й Рижскій драгунскій и 11-й Чугуевскій уланскій полки, бывшіе доселѣ на Янтрѣ, т. е. на восточномъ крылѣ дѣйствующей арміи.

Но, для Кавказской бригады 12-е число, сверхъ того, памятно одновременнымъ совпаденіемъ приказаній изъ Бресляницы, Чаушъ-Махалы, Тырнова и Ловчи. Именно:

1) «Изъ штаба 11-го корпуса (не имѣвшаго еще свѣдѣній о приказаніяхъ, отданныхъ по 9-му корпусу). Командиръ корпуса прибываетъ сегодня въ Чаушъ-Махалу. Его сіятельство приказалъ *) перейти ввѣренной вамъ бригадѣ изъ Булгарени въ Карагачъ Болгарскій сегодня же и стать тамъ на ночлегъ, въ связи съ 1-й бригадой 11-й кавалерійской дивизіи. Костромской пѣхотный полкъ оставить на мѣстѣ. Въ Карагачѣ Болгарскомъ получите дальнѣйшія распоряженія. Всѣ свѣдѣнія, которыя получите съ юга (къ Ловчѣ) и съ сѣвера (къ Бресляницѣ) присылайте немедленно командиру корпуса въ Чаушъ-Махалу. Оставьте въ Чаушъ-Махалѣ для передачи краткое свѣдѣніе о составѣ вашего отряда. 12-го іюля. Начальникъ штаба полковникъ Бискупскій».

Вмѣстѣ съ симъ отъ командира 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи, слѣдовавшей сего числа изъ Горнаго Студня черезъ Булгарени въ Карагачъ Болгарскій, получено увѣдомленіе:

«Его сіятельство, командиръ 11-го армейскаго корпуса, проситъ васъ прибыть сего числа къ нему. Онъ идетъ по дорогѣ изъ Горнаго Студня въ Плевну. Генераль-маіоръ Гильдебрандтъ».

2) Отъ командира 9-го корпуса получено приказаніе прибыть къ нему къ четыремъ колодцамъ у Бресляницы; но съ оговоркою, если не встрѣтятся къ тому служебныхъ препятствій. Очевидно, что начальнику Кавказской бригады являлась необходимость согласовать приказанія 11-го корпуса съ прежде отданными по 9-му корпусу. Поэтому, такъ какъ Чаушъ-Махала находилась отъ насъ въ пяти верстахъ, а четыре колодца въ двадцати пяти то я донесъ командиру 9-го корпуса объ одновременно полученныхъ приказаніяхъ, и просилъ его разрѣшенія прибыть къ нему по возвращеніи отъ командира 11-го корпуса. Командиръ же 11-го

*) Командиръ 11-го корпуса имѣлъ приказаніе принять начальство надъ войсками, стоявшими въ Булгарени. Изъ этого можно судить, что оно было отдано можетъ быть въ предположеніи что части 9-го корпуса были отрѣзаны другъ отъ друга.

корпуса прибывалъ въ Чаушъ-Махалу позднимъ вечеромъ 12-го числа, поэтому я явился къ нему раннимъ утромъ 13-го числа.

3) Третье полученное приказаніе было изъ Тырнова изъ штаба дѣйствующей арміи отъ 10-го іюля 1877 года за № 783. Слѣдовательно оно было писано почти одновременно съ отправленіемъ къ намъ ординарцевъ и получено въ день обратнаго выѣзда ихъ отъ насъ. Въ немъ сообщалось:

«Командующему Кавказскою казачьею бригадою. Для установленія связи между расположеніемъ 9-го армейскаго корпуса и главныхъ силъ арміи, потерянной съ выходомъ командуемой вашимъ высокоблагородіемъ бригады изъ Плевны къ Никополю, для развѣдки силъ противника, находящагося у Плевны и для прикрытія путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ командуемую вами бригаду и отрядъ полковника Бакланова (двѣ сотни Донскаго казачьяго № 23-го полка, двѣ сотни Донскаго казачьяго № 30-го полка (временно) сотня Владикавказско-Осетинскаго полка и два орудія Донской казачьей № 6-й батареи) для единства дѣйствій подчинить свиты Его Величества генераль-маіору Скобелеву. Сообщаю о семъ вашему высокоблагородію для надлежащаго свѣдѣнія и исполненія ближайшихъ указаній генераль-маіора Скобелева. Командиру 9-го армейскаго корпуса о семъ сообщено».

4) Изъ Ловчи получено сообщеніе отъ полковника Паренсова, отправленное:

«Въ Кавказскую бригаду, Булгарени, полковнику Тутолмину, 12-го іюля, Ловча. 11-го іюля, въ десять часовъ вечера, отрядъ полковника Бакланова прибылъ въ Ловчу. Генерала Скобелева еще нѣтъ. Посылаю конвертъ № 783-й распечатанный. Необходимо имѣть ежедневную связь съ вами; будемъ посылать ежедневно развѣзды, что просимъ и васъ дѣлать. Сообщите болѣе удобное для сего время. Если будете посылать утромъ, то мы будемъ посылать ихъ обратно вечеромъ. Были ли у васъ Максимовичъ и Непокойчицкій? По свѣдѣніямъ плѣннаго солдата, шедшаго изъ Виддина, двадцать-шесть таборовъ съ сорока орудіями подъ командой трехъ нашихъ 1-го іюля вышли изъ Виддина, прибыли въ Плевну 5-го іюля и потомъ имѣли дѣло съ русскими. По слухамъ, войсками въ Плевну командуетъ Ахметъ-Эюбъ-паша. Владикавказская полу-сотня, по приказанію начальства, присоединена къ намъ временно». Полковникъ Паренсовъ.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе полковнику Паренсову было послано увѣдомленіе о полученныхъ Кавказскою бригадой приказаніяхъ и о по-

стоянно прибывающихъ силахъ турокъ въ Плевно, опредѣляемыхъ къ 12-е іюля въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Полученное изъ штаба Дѣйствующей арміи, приказаніе, объ образованіи новаго отряда: изъ трехъ кавалерійскихъ полковъ и восьми орудій *) позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ Главной Квартирѣ было сознано затруднительное положеніе Кавказской бригады; къ тому же: безусловно опредѣленная цѣль отряда «развѣдка силъ противника, находящагося у Плевны и прикрытіе путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу», въ то время, когда 9-й корпусъ былъ усиленъ уже дивизією пѣхоты **) и бригадою 11-й кавалерійской дивизіи, значительно сокращала площадь нашихъ дѣйствій. До сего времени два полка Кавказской бригады должны были разрѣшать задачу, возлагаемую теперь: съ юго-восточной стороны Плевны на пять кавалерійскихъ полковъ (два Кавказскихъ казачьихъ, одинъ донской (четыре сборныхъ сотни), Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій. Но въ это число не входила еще бригада 9-й кавалерійской дивизіи, стоявшая у Бресляницы: (Бугскій уланскій, 9-й Донской) и одна сотня 34-го Донскаго полка, о которой впервые упоминаетъ диспозиція на 3-е іюня, отданная по войскамъ 9-го корпуса. Словомъ сказать, теперь, наблюденію семи кавалерійскихъ полковъ предоставлена была менѣе обширная площадь, сравнительно съ тою, на которой, до взятія Никополя, должны были дѣйствовать только два полка Кавказской бригады ***). Если на сдѣланное мною сравненіе, можно возразить, что вмѣсто шести таборовъ турокъ теперь стояло въ Плевнѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, то, протяженіе и площадь наблюденій остались въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ были и до сего времени. Что же касается словъ, помѣщенныхъ въ приказѣ за № 783-мъ, опредѣляющихъ цѣль новаго отряда: «для возстановленія связи, потерянной съ выходомъ командуемой вами бригады изъ Плевны къ Никополю», то конечно онѣ должны имѣть всю силу своего значенія для подчиненнаго; но не лишаютъ его права, съ осторожностью указать на то, что 3-я сотня Владикавказскаго полка, въ двѣ очереди была выслана въ Тырново и Сельви, съ цѣлью, держать связь съ передовымъ отрядомъ; слѣдовательно, гонцы могли быть отправляемы оттуда ежедневно вплоть до Турскаго-Тростяника, въ которомъ все время стояли двѣ сотни Кубанскаго полка. Если необходимость поддержки потребовала удержанія цѣлой сотни, въ

*) Изъ коихъ два четырехъ-фунтовья и шесть конно-горныхъ.

**) 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи и 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи.

***) Бугскіе уланы были переведены на лѣвый берегъ Осмы только за два дня до взятія Никополя.

сосѣднемъ отрядѣ, то Кавказская бригада была не въ лучшемъ положеніи, едва успѣвая выворачиваться изъ собственной работы.

Но, можетъ быть слова: «съ выходомъ командуемой вами бригады изъ Плевны въ Никополь» означаютъ, что Кавказская бригада какъ бы самовольно ушла подъ Никополь; въ такомъ случаѣ обращаю вниманіе на распisanіе, присланное намъ отъ 22-го іюня, въ которомъ ясно было выражено, что Кавказская бригада получаетъ съ 25-го іюня на- правленіе отъ командира 9-го корпуса». Если же Кавказская бригада должна была послать подъ Никополь меньшую свою часть, а большую оставить подъ Плевной, то и въ такомъ случаѣ предполагаю, что ежедневныя наши дѣла съ черкесами съ 29-го іюня по 4-е іюля не указываютъ на избытокъ конницы, двинутой нами къ сѣверу, въ пространство между рѣками Осмой и Видомъ. Еслибы Кавказская бригада раздѣлилась пополамъ, то она усиливъ свою Плевно-Тырновскую часть на двѣсти человѣкъ, на столько же ослабила бы себя для наблюденія за Плевной съ сѣверо-западной ея стороны. Что же касается до наблюденія за Плевной, съ юго-восточной стороны, то три баталіона пѣхоты съ шестью орудіями, при двухъ сотняхъ казаковъ, расположенныхъ въ Турскомъ-Тростяникѣ, врядъ ли могутъ быть приняты за ничто въ смыслѣ наблюдательнаго отряда. Не предполагаю также и возможности выбрать болѣе удобнаго мѣста для наблюденія за Плевной, какъ Турскій-Тростяникъ, находящійся въ узлѣ дорогъ, ведущихъ отъ Сельви, Ловчи, Плевны и Никополя. Если же предположить, что посланному къ намъ изъ передоваго отряда, вздумалось бы непременно миновать Тростяникъ, отъ котораго были выставлены сторожевые посты на означенныя дороги, то до 2-го іюля онъ нашелъ бы нашу сотню въ Буларени;—а съ 2-го іюля, слѣдуя отъ Буларени по Руцукско-Плевненскому шоссе, онъ не могъ не видѣть, съ высотъ у деревни Вино, всю площадь около Турскаго-Тростяника. Съ высокаго кургана, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе подлѣ деревни Вино, можно было днемъ различать бивуакъ, а ночью огни нашего отряда у Турскаго-Тростяника.

Изложивъ дѣйствія Кавказской бригады вплоть до 12-го іюля, т. е. до того дня, съ котораго прибытіе подкрѣпленій къ 9-му корпусу являлось рубежемъ прошедшихъ событій, я позволю себѣ закончить этотъ отдѣлъ общимъ, краткимъ сводомъ нашей работы. Думаю, что истекая изъ непосредственно полученныхъ приказаній, можно будетъ видѣть что она примѣнялась къ дѣлу по кореннымъ началамъ службы передовыхъ отрядовъ: быть какъ можно ближе къ противнику и заслонять свои главные силы.

Краткій сводъ дѣйствій Кавказской Казачьей бригады со времени переправы.

~~~~~  
21-го Юня.

Приказомъ отъ 20-го іюня бригадамъ отдѣльнаго кавалерійскаго отряда было назначено переправиться черезъ Дунай въ слѣдующемъ порядкѣ:

Бригадамъ:

- а) Драгунской . . . . .
- б) Донской. . . . .
- в) Сводной. . . . .

Послѣ переправы двинуться:

- |                                                                                  |   |                                                                                                                                                                                                           |
|----------------------------------------------------------------------------------|---|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <ul style="list-style-type: none"> <li>г) Кавказской бригадѣ. . . . .</li> </ul> | } | <p>Черезъ Царевицу въ Турско-Слива, гдѣ и присоединиться къ 4-й стрѣлковой бригадѣ и болгарскому ополченію.</p> <p>Присоединиться къ 35-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ съ нею продвинуться къ Дели-Сули.</p> |
|----------------------------------------------------------------------------------|---|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|

Слѣдовательно, въ первый переходъ послѣ переправы, два отряда конницы должны были находиться на одной высотѣ въ разстояніи 13-ти верстъ отъ Систова и въ 10—12-ти верстномъ разстояніи другъ отъ друга. Первый изъ нихъ состоялъ изъ трехъ бригадъ конницы. Второй изъ одной бригады конницы (Драгунская и Донская бригады переправились раньше Кавказской).

Кавказская же бригада, задержанная переправой предшествовавшихъ войскъ, только къ вечеру 21-го числа достигла Царевицы.

22-го Юня.

- 1) Слѣдуя черезъ Болгарску-Сливу, Кавказская бригада, послѣ дѣла съ черкесами, заняла Дели-Сулу.
- 2) Связалась разъѣздами съ кавалерій-



скими бригадами у Турска-Слива. 3) 35-я дивизія ожидала ея прибытія въ Овчу-Могилу; но Кавказская бригада должна была выступить на рѣку Осму.

### 23-го Юня.

Кавказская бригада выступила на Осму, а 35-я дивизія, на основаніи росписанія сего-же числа, прибыла въ Овчу-Могилу. Прибытіемъ 23-го числа на Осму, совершенно возстановлялась правильность расположенія передовыхъ отрядовъ, по росписанію, которое предписывало:

|             |                                                      |                             |                             |
|-------------|------------------------------------------------------|-----------------------------|-----------------------------|
| 23-го іюня. | Кавказской бригадѣ.                                  | 35-й дивизіи.               | 9-му корпусу.               |
|             | Оставаться на Осмѣ<br>высылая развѣдочныя<br>партии. | Прибыть въ Овчу-<br>Могилу. | Расположиться у<br>Систова. |

По приходѣ на Осму Кавказская бригада: 1) отбила и преслѣдовала партію черкесовъ; 2) упрочила развѣздами свою связь съ Овчей-Могилой.

### По росписанію на 24-е Юня.

|                                                                       |                                    |                                                   |
|-----------------------------------------------------------------------|------------------------------------|---------------------------------------------------|
| Кавказская бригада.                                                   | 35-я дивизія.                      | 9-й корпусъ.                                      |
| Остается на Осмѣ и поступаетъ въ распоряженіе командира 9-го корпуса. | Остается на мѣстѣ въ Овчей-Могилѣ. | Совершаетъ переходъ по пути на Плевно и Никополь. |

Слѣдовательно надлежало: 1) узнать о прибытіи 9-го корпуса; но онъ не начиналъ еще переправы, хотя извѣстій о томъ не было; 2) въ ожиданіи приказаній отъ 9-го корпуса освѣтить мѣстность, какъ передъ нами, такъ и передъ правымъ крыломъ 9-го корпуса. Съ этою цѣлью были посланы отряды: 1) внизъ по рѣкѣ Осмѣ. 2) Къ западу: на Плевненскую дорогу. 3) Къ югу: на Ловчу и до расположенія передовыхъ кавалерійскихъ бригадъ.



По росписанію на 25-е Іюня:

| Кавказская бригада.                                           | 35-я дивизія.                            | 9-й корпусъ.                                                              |
|---------------------------------------------------------------|------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------|
| Получаетъ направленіе по распоряженію командира 9-го корпуса. | Дѣлаетъ переходъ по направленію къ Бѣлѣ. | Съ Кавказскою бригадою направляется по распоряженію корпуснаго командира. |

Въ силу этого росписанія, 9-й корпусъ долженъ былъ насъ направить по извѣстному ему пути, но онъ не переходилъ еще Дуная; а утромъ, 25-го числа, въ Кавказской бригадѣ было получено изъ Главной Квартиры секретное приказаніе передовымъ отрядамъ оставаться на своихъ мѣстахъ, причемъ было обозначено:

1) Кавказской казачьей бригадѣ на Осмѣ.

2) 9-му корпусу переправиться и расположиться у Систова по пути въ Плевно (голова 9-го корпуса прибыла къ вечеру въ Ореше), Кавказская бригада вошла въ связь съ 9-мъ корпусомъ.

И такъ, всякое движеніе впередъ было отсрочено на двое сутокъ, противу первоначальнаго росписанія \*) Вслѣдствіе этого 26-го іюня утромъ, голова 9-го корпуса находилась въ 35-ти верстахъ отъ Никополя и въ 55-ти верстахъ отъ Плевны.

Слѣдовательно, если бы она могла тотчасъ-же двинуться къ одному изъ этихъ мѣстъ, то прибыла бы къ нимъ не ранѣе, какъ: къ Никополю—27-го іюня, къ Плевнѣ—29-го іюня утромъ или 28-го вечеромъ.

26-го числа поутру, отъ насъ изъ Булгарени, выступилъ разъѣздъ 30-го Донскаго полка, наканунѣ бывшій въ Плевнѣ; онъ подтвердилъ имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о томъ, что въ Плевнѣ не болѣе 120 человекъ вооруженныхъ турокъ.

### 27-го Іюня.

Приказомъ по 9-му корпусу и Кавказской бригадѣ отъ 27-го числа на 28-е іюня, назначена рекогносцировка Никополя, которая должна быть произведена:

По правому берегу Осмы авангардомъ 9-го корпуса.

По лѣвому берегу Осмы Кубанскимъ полкомъ Кавказской бригады.

\*) Причина отсрочки переправы 9-го корпуса, какъ кажется, заключалась въ томъ, что бурей разорвало мостъ на Дунаѣ.



Но 27-го числа въ Булгарени было получено извѣстіе о занятіи въ этотъ день Плевны шестью таборами турокъ и сотни Владикавказскаго полка выступили на рекогносцировку Плевны. Вслѣдствіе этого, 28-го числа были произведены двѣ рекогносцировки:

Никополь:  
авангардомъ 9-го корпуса,

П л е в н ы :  
4-мя сотнями Владикавказскаго полка .

Приказаніемъ на 29-е Юня было предписано:

Кавалерійской бригадѣ 9-го корпуса:

Двинуться въ Дебо и занять мость черезъ Осму у села Мусылеу, а если окажется возможнымъ, то и переправу черезъ рѣку Видь у селенія Гиляны.

Кавказской бригадѣ:

Сохраняя связь съ передовыми отрядами, наблюдать за городомъ Плевной и стараться вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать дѣйствія отряда генераль-маіора Лошкарева для перерыва сообщеній крѣпости Никополя съ городами Плевно и Виддиномъ.

Въ силу этого, отъ Кавказской бригады были посланы:

- а) Полусотня къ Тырнову для связи съ передовыми отрядами.
- б) Двѣ сотни въ Турскій Тростяникъ противъ Плевны.
- в) Позади ихъ въ Булгарени оставлена одна сотня при обозѣ.
- г) 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> сотенъ пришли въ Мечку, испортили телеграфъ изъ Плевны въ Никополь, захватили обозъ, отбили партію черкесовъ и соединились съ генераломъ Лошкаревымъ, который въ этотъ день не переходилъ Осмы.

Приказомъ на 30-е іюня войскамъ, находившимся по лѣвую сторону Осмы было предписано:

Костромскому полку оставаться въ Турскомъ Тростяникѣ, наблюдая Плевну, и оставя въ Булгарени 4 роты при обозѣ.

1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи дойти до селенія Мечки и наблюдать за путями, ведущими отъ Никополя въ Плевну.

Кавказской бригадѣ должно было: содѣйствовать однимъ полкомъ Костромскому полку, другимъ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. Въ силу этого:

- 1) Оставлены двѣ сотни въ Турскомъ Тростяникѣ и одна въ Булгарени; остальные отбросили отъ Мечки значительныя партіи черкесовъ.
- 2) Произвели рекогносцировку моста у Гилянъ.



3) Вторично вошли въ связь съ авангардомъ 9-го корпуса на правомъ берегу Осмы.

### Приказомъ на 1-е Юля:

1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи дошла до Дебо. Въ головѣ ея движенія находились двѣ сотни Кавказской бригады, которыя уничтоживъ мостъ въ Гилянахъ ночевали въ Дебо, вмѣстѣ съ 1-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи.

Остальные 6<sup>1/2</sup> сотенъ Кавказской бригады были выдвинуты лѣвѣе 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи въ Бресляницу для наблюденія за дорогою Плевно-Никополь; снова имѣли дѣло съ сильною партіею черкесовъ; посланы разъѣзды за Осму въ авангардъ 9-го корпуса.

### Приказомъ на 2-е Юля:

1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи слѣдовало овладѣть позиціями между Видомъ и Осмой; Бугскому уланскому полку переправиться въ бродъ чрезъ Осму и присоединиться къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. Обозы оставить въ Дебо, подъ прикрытіемъ сотни Кавказской бригады. Исполненіе этого отсрочено на день.

Кавказской бригадѣ остальными сотнями прикрывать отъ Плевны наступленіе генерала Шильдера на Никополь.

Посему 6<sup>1/2</sup> сотенъ двинулись на Градешти, въ узелъ сообщеній Плевно - Никополь и имѣли дѣло у Градешти.

Костромскому полку съ сотнями Кавказской бригады наблюдать дороги изъ Плевны и Ловчи.

Изъ Сельви послано донесеніе Сотника Верещагина, что онъ, по прибытіи съ полсотнею въ передовой отрядъ, удержанъ въ Сельви.

### Приказомъ на 3-е Юля:

Отряду генераль-лейтенанта Шильдера предписано приведеніе въ исполненіе приказанія отъ 2-го іюля и атака Никополя.

Кавказской бригадѣ, кромѣ охраненія тыла наблюдать дорогу въ Гиляны, не пропуская непріятеля изъ Никополя и въ Никополь.



Въ итогѣ этого дня:

1-й день боя подѣ Никополемъ. | Ночной бой подѣ Самовидомъ.

4-го Юля, по взятіи Никополя.

Бивуакъ у Мусылеу на Осмѣ:

1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи. | Получено донесеніе Верещагина изъ Сельви.

8 сотенъ Кавказской бригады.

Приказомъ на 5-е Юля:

Предписано расположиться:

| П о р ѣ к ѣ В и д у.              |                                                                     | П о р ѣ к ѣ О с м ѣ.                                                                                |                                                                               |
|-----------------------------------|---------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|
| 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. | Бугскому уланскому и 9-му Донскому казачьему полкамъ въ Чиековцахъ. | Кавказской казачьей бригадѣ перейти въ Карагачъ, пополнить патроны; полусотня отправлена въ Сельви. | Костромскому полку и двумъ сотнямъ Кавказской бригады въ Турскомъ Тростяникѣ. |

Приказомъ 6-го іюля вмѣсто Карагача, Кавказская бригада направлена въ Турскій Тростяникъ для рекогносцировки Плевны.

7-го Юля.

Рекогносцировка Плевны.

а)

Отъ Бресляницы: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, Бугскій уланскій и 9-й Донской полки.

б)

Отъ Сгалевицы на Гривицу Костромской полкъ, Кавказская бригада.

8-го Юля.

1-я атака Плевны.

а)

Отъ Бресляницы: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, Бугскій уланскій и 9-й Донской полки.

а)

Отъ Гривицы: Костромской полкъ и Кавказская бригада.



9-го—12-го Юля.

а)

У Бресляницы тѣ же силы.

б)

У Булгарени тѣ же силы.

Освѣщеніе разѣздами и рекогносцировки.

Окончивъ отдѣлъ дневника: отъ Зимницы до 1-й Плевны, я беру на себя смѣлость предположить, что при внимательномъ разборѣ его, сами собою окажутся причины занятія Плевны турками. Думаю, что онѣ обнаружатся въ лицѣ обстоятельствъ, принудившихъ отложить переправу 9-го корпуса на двое сутокъ. Если это заключеніе справедливо, то естественно предположить, что въ случаѣ, если бы 9-й корпусъ имѣлъ возможность прочно занять и предупредить турокъ въ Плевнѣ, то Османъ создалъ бы ее около Софіи, занявъ ведущіе туда горные проходы.

Врядъ ли послѣднее было бы лучше.

Изложенныя здѣсь первыя три части дневника были уже напечатаны, когда мнѣ довелось прочесть отчетъ «о дѣйствіяхъ арміи Сулеймана-паши, по документамъ турецкаго военнаго суда» («Военный Сборникъ» 1879, № 1).

Тамъ въ телеграммѣ Махмуда-паши Сулейману-пашѣ отъ 9-го іюля \*) 1877 года, сказано между прочимъ, относительно дѣйствій на рѣкѣ Видѣ:

«Начальникъ Виддинской арміи Османъ-паша, съ 25-ю батальонами занялъ въ прошлую среду городъ Плевну. Въ этотъ и въ слѣдующій дни русскіе атаковали его, но принуждены были отступить съ значительными потерями; причемъ въ руки Османа-паши достались три артиллерійскихъ зарядныхъ ящика, значительное число ружей и боевыхъ припасовъ. Изъ нишской, софійской и новобазарской дивизій выдѣлено отъ 25-ти до 30-ти батальоновъ, которые посланы черезъ Орханіе въ Плевну, на подкрѣпленіе Османа-паши».

Эта депеша вполне подтверждаетъ свѣденія добытыя рекогносцировкой, князя Кирканова, отъ 7-го іюля, на основаніи которой онъ сообщилъ, что наканунѣ турки въ большихъ силахъ заняли Плевну.

Слѣдовательно, съ достовѣрностью можно предположить, что въ то время, когда русскіе двигались отъ Никополя, а Кавказская бригада подо-

\*) 9-е іюля было въ субботу.



шла къ Тростянику, то въ то же время силы Османа вступили въ Плевну. Такъ мы объясняли себѣ и въ то время, прибытіе подкрѣпленій въ Плевну.

Но въ депешѣ Сулейману-пашѣ есть неточность, въ словахъ: «занялъ въ прошлую среду Плевну. Въ этотъ и въ слѣдующій день русскіе атаковали его...»

Въ среду было 6-е іюля,—и въ этотъ день русскіе его не атаковали, такъ какъ дѣйствія происходили только 7-го и 8-го іюля.

Но эта неточность получаетъ совершенно иное значеніе, если предположить, что войска Османа вступили подъ вечеръ и тогда весьма естественно сказать, что онѣ имѣли дѣло съ русскими въ первый же день своего вступленія въ Плевну. Это сокращеніе въ телеграммѣ, могло придать тотъ смыслъ, что турки имѣли дѣло съ нами 6—7-го іюля.





# ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

страниц.

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### Отъ перехода границы до переправы.

|                                                  |    |
|--------------------------------------------------|----|
| I. Составъ кавказской казачьей дивизіи . . . . . | 1  |
| II. Походъ до Журжи. . . . .                     | 7  |
| III. Журжевскій отрядъ на Дунаѣ . . . . .        | 20 |

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

### Отъ переправы до первой Плевны.

|                                                               |     |
|---------------------------------------------------------------|-----|
| I. Передовой отрядъ и Кавказская бригада. Переправа . . . . . | 52  |
| II. Бой у Дели-Сулы . . . . .                                 | 61  |
| III. На Осмѣ . . . . .                                        | 66  |
| IV. Кавказская бригада въ распоряженіи 9-го корпуса . . . . . | 81  |
| V. Бой подъ с. Градешти . . . . .                             | 97  |
| VI. Ночной бой подъ Самовидомъ . . . . .                      | 106 |

## ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

### Первая Плевна.

|                                                                                    |     |
|------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| I. Переходъ отъ Никополя. Реконноспировка. Сраженіе . . . . .                      | 130 |
| II. Послѣ первой Плевны . . . . .                                                  | 151 |
| Краткій сводъ дѣйствій Кавказской казачьей бригады, со времени переправы . . . . . | 167 |

---



## П О П Р А В К И.

---

По незнанію настоящаго чина прусскаго военнаго агента маіора Лигница, у насъ называли его Полковникомъ, разумѣя подъ этимъ словомъ Штабъ-офицера. Оставаясь подъ впечатлѣніемъ походнаго названія, я упустилъ изъ виду эту неточность и сохранилъ слово полковникъ.

---

Нѣкоторые селенія, въ зависимости отъ произношеній мѣстныхъ жителей, назывались различно, а Это вліяло на разнообразіе правописанія ихъ. Такъ напр. въ одно и тоже время приходилось слышать:

Плумбунта и Плумбунта.

Слободзея, Слободзія и Слобозя.

Булгарени и Болгарени.

Дели-Сула, Дели-Сули и Делису.

Муселео, Мыслео, Муселимъ Село и Муслемъ-су.

Пордимъ, Парадимъ и Породимъ.

Сгалевица, Сгалуица и Сгаленцы.

Тученица и Тучиница.

Дебо и Дебова.

Дойранъ, Дойранцы и Доранчи.

Иглавъ, Юглавъ и Юглау.

Типава и Типао.

Плевна, Плевно и Плевень.

Ловча и Ловець (замѣчательно, что казаки никогда не говорили: дѣло подъ Ловчей, а подъ Ловцемъ).

---

На стр. 28-й 26-я строка сверху: напечатано *парахъ*—слѣдуетъ *порахъ*.

---

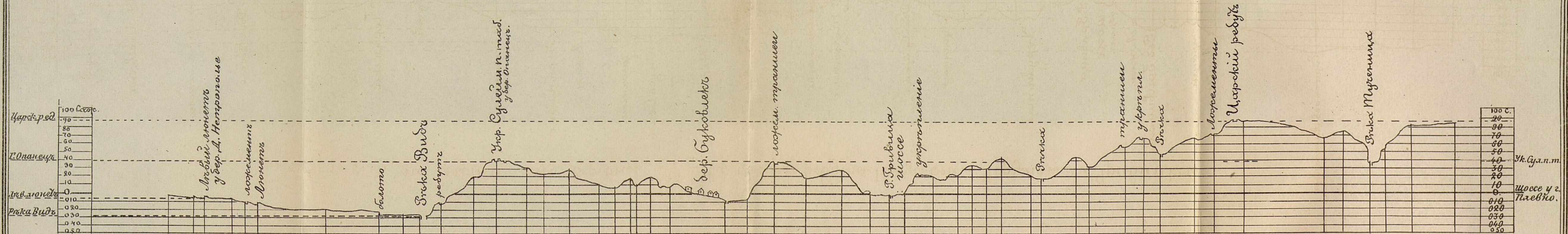




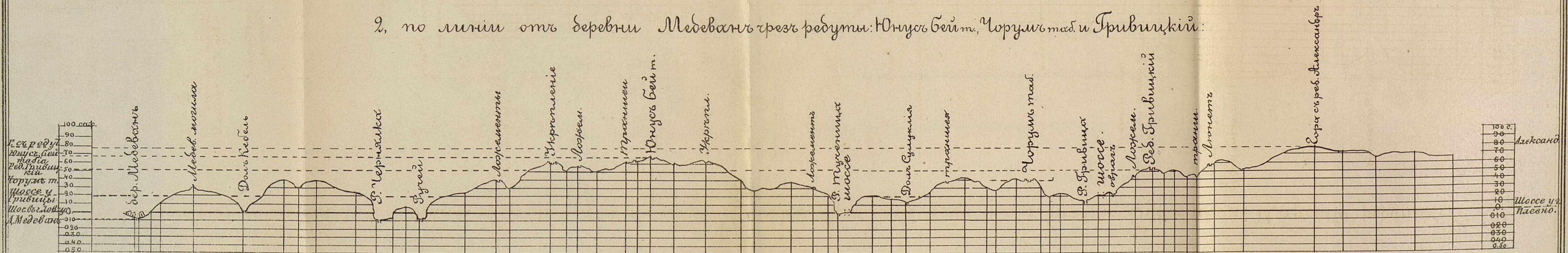


# Проскрипция укреплённого лагеря при городе Млевно:

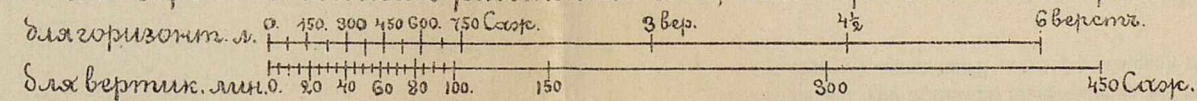
1, по ломанной линии от Ловкого моста через укрепление на горе у дер. Опанець, Сулеймань паши табия, деревню Буковельс и Царский редут:



2, по линии от деревни Медевань через редуты Юнус Бей м., Чорунь таб. и Гривинский:



Масштабы: для горизонтальных расстояний  $\frac{1}{53000}$ , - для вертикальных расстояний  $\frac{1}{8820}$ .









# Объяснение:

1. Контуры лугов, пашень и некоторых виноградников, вырубленных во время обложения города, равно как и малые, непроходимые в зимнее время дороги, на плане не означены.

2. Места расположения войск, укреплений и ложементы всех периодов обложения, означены на плане:

Места расположения войск после третьего сражения:  
Русских Румынских Турецких   
Батарей, ложементы, траншеи, люнеты и редуты.

Всякия Турецких укреплений означена:

Строения, сады и огороды  
 Христиан. и Магометан. кладбища.

Виноградники

Лесъ

Шоссе съ канав и телеграф. линіей.

Проселочныя дороги.

Тропинки.

Ручьи

Рѣки

Мельницы

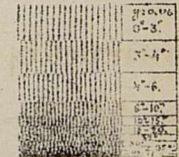
Мосты

Сокращенія: М. д. О. п. - Место даги Осман. на паш.

Тел. ст. - Телеграфная станція.

Высоты горъ надписаны цифрами 37, 46, 69, 89 и т.д. въ итальян. саженьяхъ выше 0 относительной высоты, взятой въ пунктахъ на шоссе въ южной и восточной частяхъ города; цифры (02, 06, 010, 016) означаютъ, что эти точки ниже пунктовъ где 0 на 2, 4, 6, 10, 16, итальян. саженьей, напр: Левый люнетъ на высотѣ 06 саж., редутъ у дороги 016 с., р. Видъ у мельницы подъ Опанцею 026, Турецкое укрѣпленіе на горѣ Опанецъ 39 с. у Плевно на дорогѣ къ Вост. О. и на горѣ у Царскаго редута 87, 8 с. - означаетъ, что левый люнетъ выше р. Видъ на 20 с. ниже горы Опанецъ на 45 с. и Царскаго редута на 23, 8 саж.

Выраженіе покатостей при вертикальномъ снѣженіи въ 10 саж.



По плану, снятому топографами полковъ Шпада, А. Мейнхейм, Трояновскимъ, Бутковскимъ и Аленовскимъ съ 1 Декабря 1877. по 1 Февраля 1878. составленъ и чертленъ съ 20 Декабря 1878. по 26 Января 1879 года В. С. Мейнхеймъ.

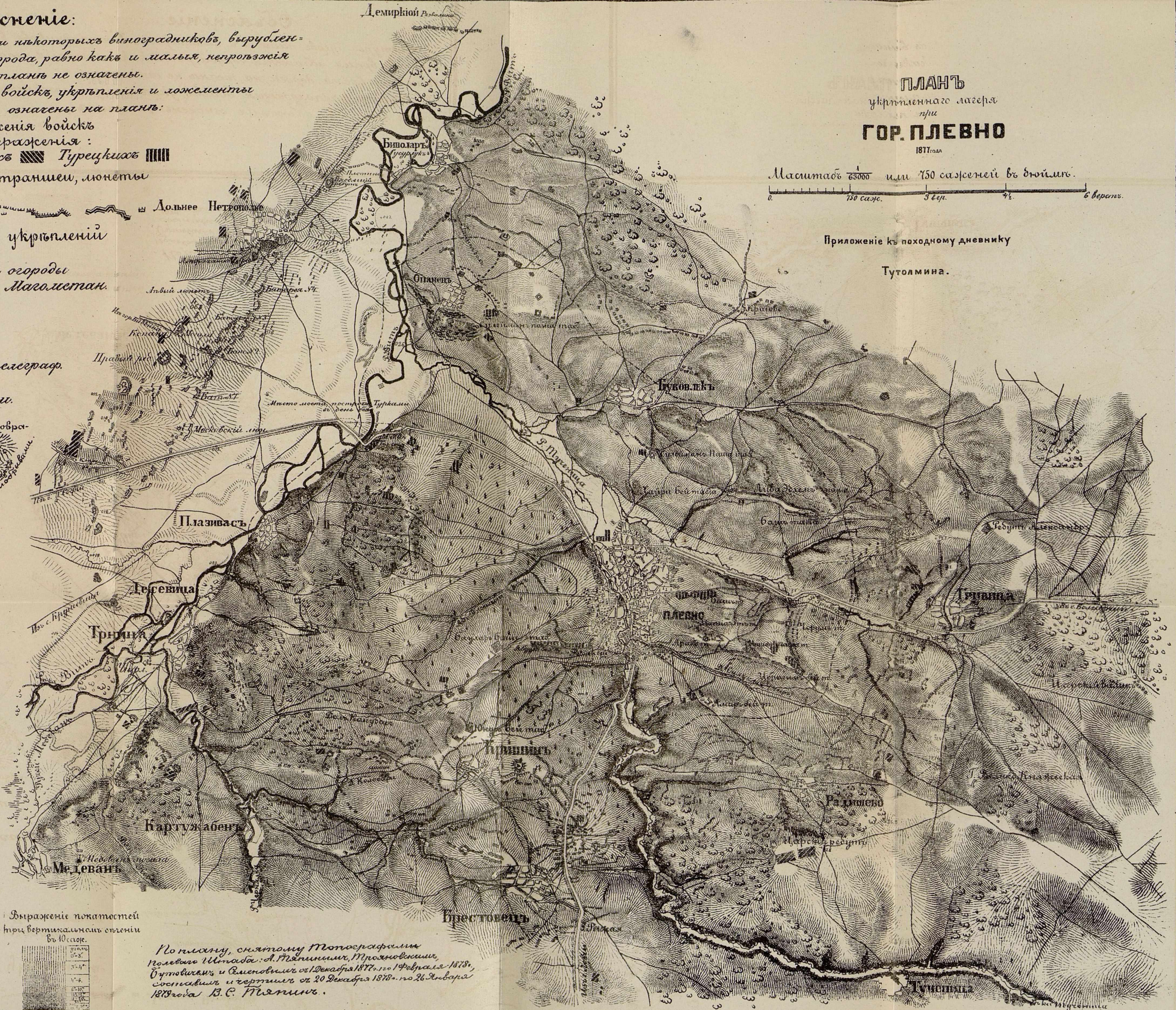
Демиркюй Рубежъ

## ПЛАНЪ укрѣпленнаго лагеря при ГОР. ПЛЕВНО 1877 года

Масштабъ 1:63000 или 750 саженьей въ дюймѣ.  
0 150 саж. 3 вер. 4 6 верст.

Приложеніе къ походному дневнику

Тутолмина.









— 1 8 ИЮН 1945



L

ms  
on



19.320

1



2022035524



